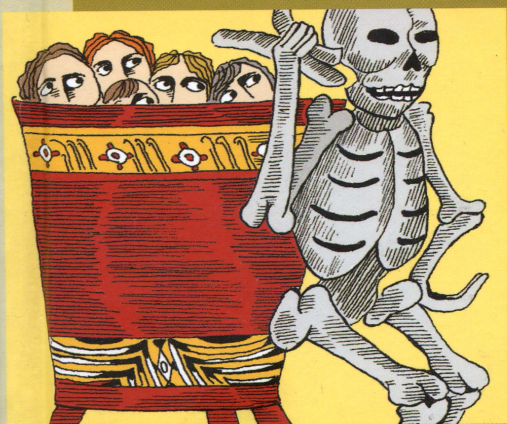

история/география/этнография

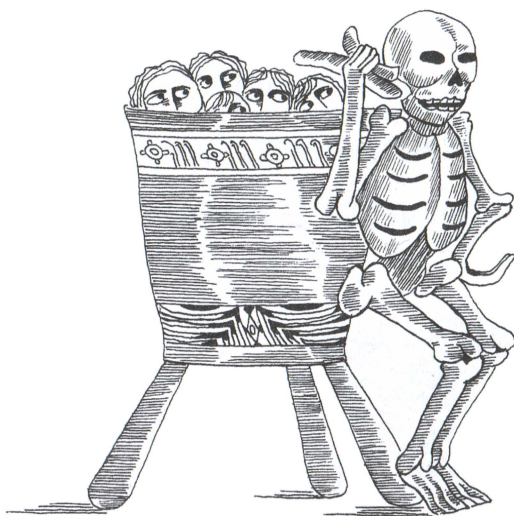

Олег Ивик

История человеческих жертвоприношений

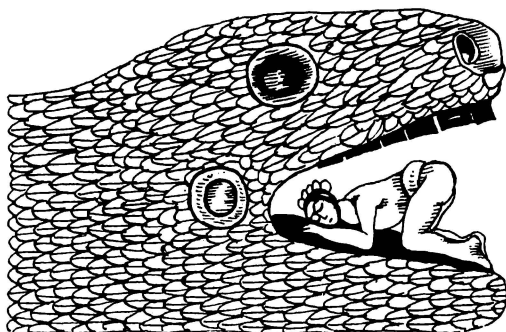

Ломоносовъ
издательство

Олег Ивик

История
человеческих
жертвоприношений

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 930.85
ББК 63.3(0)3-7
И17

Иллюстрации И. Тибилевой

ISBN 978-5-91678-003-1

© О. Ивик, 2010

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

От авторов

Под общим псевдонимом Олег Ивик пишут два автора, которым в течение многих лет довелось работать в археологических экспедициях. Случилось им раскапывать и курганы со следами человеческих жертвоприношений.

Археологи легко относятся к атрибутам смерти, и на раскопе не редкость люди, которые одновременно чистят скелет и едят яблоко. И все-таки одно дело видеть перед собой останки человека, который был заботливо снаряжен в последний путь своими близкими, и совсем другое — человека, который был во имя неведомой и сегодня уже всеми забытой религии безжалостно убит на этом самом месте тысячи лет назад. К такому трудно привыкнуть.

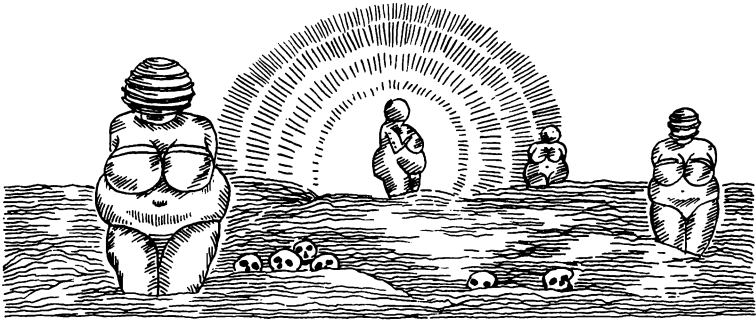
И тем не менее человеческие жертвоприношения являются неотъемлемой частью мировой истории. Нельзя отделить от них и историю религий. Впрочем, далеко не всегда эти жертвоприношения были кровавыми. Во многих религиях

мира известны традиции посвящения богам абсолютно живых людей, которые и далее продолжали жить и здравствовать, но уже будучи «собственностью» или «супругом» божества. Очень часто в жертву приносилась лишь какая-то часть человеческого тела, порою далеко не самая значимая — например, волосы, ногти или борода. Иногда убийство жертвы заменялось ее изгнанием или избиением. Иногда вместо него разыгрывалось очень реалистичное по виду, но абсолютно бескровное театрализованное представление. В некоторых религиях людей, возлагаемых на алтарь, еще в древности стали заменять их ритуальными фигурками, а людей, предназначенных в заупокойную жертву, — их изображениями на стенах гробницы.

Авторы хотят предупредить читателей этой книги, что она написана не для тех, кому хочется пощекотать нервы кровавыми сценами, — описание жестокостей авторы попытались, насколько это возможно, свести к минимуму. Они поставили перед собой другие задачи — рассказать о том, как были связаны человеческие жертвоприношения с духовным и культурным развитием людских сообществ. Именно поэтому из многочисленных цивилизаций, практиковавших человеческие жертвоприношения, авторы выбрали те, в которых, по их мнению, эта связь прослеживается достаточно наглядно. Авторы стремились показать, как в течение тысяч лет человечество медленно, но верно шло по пути замены кровавых ритуалов ритуалами духовными. И как, наконец, именно «неудавшееся» человеческое жертвоприношение — несостоявшееся заклание Авраамом своего сына — открыло новый этап мировой истории, в значительной мере положив начало трем великим религиям: иудаизму, христианству и исламу.

Книга написана для широкого круга читателей, поэтому авторы иногда намеренно упрощают специальные вопросы или же из нескольких существующих версий без объяснений предлагают одну, которая представляется им наиболее показательной либо занимательной. При датировке исторических событий авторы старались как можно реже использовать точные даты, ограничиваясь указанием века, чтобы не перегружать читателя избыточной и не имеющей

прямого отношения к делу информацией. Из тех же соображений при цитировании исторических документов авторы намеренно убрали скобки, которыми отмечены сомнительные или темные для перевода места, — таким образом, текст, без изменения его смысла, стал легче читаться. Авторы надеются, что эти и другие подобные упрощения не вызовут нареканий со стороны серьезных читателей — им авторы рекомендуют обратиться к списку использованной литературы, приведенному в конце книги, и изучить вопрос по более солидным источникам.

Получив от издательства заказ на книгу об истории человеческих жертвоприношений, авторы (в то время еще будущие авторы) со свойственной им въедливостью прежде всего решили определиться с терминами. Казалось бы, все просто, и каждый из нас прекрасно понимает, что такое «человеческие жертвоприношения» — убийства людей в религиозных и ритуальных целях. Но начнем со слова «жертвоприношение» и заглянем в Большую советскую энциклопедию. Там, в числе прочего, сказано:

«Разновидностью жертвоприношения можно считать посвящение духам живых животных (Сибирь), монашество, религиозный аскетизм, посты и др.».

Оставим в стороне монашество и посты, это отдельная тема. Но если посвящение живых животных — это жертвоприношение, то посвящение живых людей точно так же можно отнести к этой категории. И тот факт, что сама «жертва» продолжает жить и здравствовать, сути дела не меняет.

Например, индейцы племени алгонкинов для того, чтобы убагатворить помогавшего им в рыбной ловле «духа рыболовной сети», ежегодно посвящали этому духу двух девочек. Духу нужны были не мертвые индианки — он предпочитал живых и здоровых жен, и алгонкины регулярно справляли для духа веселую свадьбу, а поскольку было известно,

что он весьма нетерпимо относится к невестам, потерявшим невинность до брака, а также к супружеским изменам, то индейцы, от греха подальше, назначали женами рыболовной сети совсем маленьких девочек. К следующему рыболовному сезону жен обновляли, а прежние жены получали свободу и могли благополучно подрастать, ожидая нового мужа.

Египтяне в качестве заупокойных жертв часто посвящали своим умершим живых людей, нарисовав их на стенах гробниц и подписав там их имена. Подразумевалось, что после этого «жертвы» начинали выполнять в загробном мире свои обязанности. Но никого при этом не смущало, что в мире живых эти люди продолжали здравствовать еще много лет, пока не умирали естественной смертью.

После некоторых раздумий авторы решили, что подобные случаи, безусловно, относятся к разряду «человеческих жертвоприношений». Тем более что по сакральному смыслу они не слишком отличаются от гораздо более печальных (и, к сожалению, гораздо более многочисленных) ритуалов, когда людей, предназначенных в заупокойную жертву, укладывали в могилу.

Как это ни странно, но другое слово — «человеческих» — тоже вызывает некоторые сомнения. До сих пор не существует исчерпывающего определения, что же есть человек. Точнее, определений много, и именно поэтому ни одно из них не может считаться удовлетворительным. По преданию, некогда Платон объявил своим ученикам, что человек — это двуногое существо, лишенное перьев. Тогда Диоген ошипал петуха и принес его в школу Платона, объявив: «Вот платоновский человек!» После этого Платон добавил к определению слова «и с широкими ногтями».

В рамках нашей задачи вопрос о том, что же есть человек, не так бессмыслен, как это может показаться: первые ритуалы, которые (правда, с очень большими сомнениями и натяжками) можно трактовать как прообраз жертвоприношений, возможно, существовали еще у представителей олдувайской культуры, относившихся к виду *Homo habilis* и живших 1,9 миллиона лет назад. «*Homo habilis*» перево-

дится как «человек умелый». Поскольку далеко не каждый из нас заслуживает такого прозвища, у неспециалистов может сложиться впечатление об особой даровитости *Homo habilis*. Но, увы, при всей его умелости он еще не был слишком разумным (во всяком случае, звание «*sapiens*» не удостоился), и мозг его был примерно вдвое меньше, чем у нас с вами. И хотя он, по настоянию одного из своих первооткрывателей, Луиса Лики, и получил гордый титул *Homo* — человек, но многие ученые до сих пор считают, что правильнее было бы назвать его разновидностью австралопитека, который, как известно, «уже не обезьяна, но, увы, еще не человек».

Но был ли древний житель ущелья Олдувай на севере Танзании человеком в нашем понимании или нет, не исключено, что он совершал какие-то ритуальные манипуляции с телами себе подобных. Зачем и как он это делал, сегодня сказать никто не может. Известно лишь, что на олдувайской стоянке найдено большое количество человеческих черепов и их частей при незначительном количестве прочих костей. А это означает, что древние олдувайцы зачем-то отделяли головы соплеменников от тела и приносили их домой. Или напротив, дома отделяли головы от тела, после чего тела уносили, а головы оставляли. Но производили ли они эту манипуляцию с живыми сородичами или с умершими естественной смертью, сегодня сказать невозможно. Нет ответа и на вопрос, носило ли это характер какого-то ритуала или же объяснялось бытовыми причинами. А. Б. Зубов, заведующий кафедрой истории религий Российского православного университета, в своей книге «История религий» по этому поводу пишет: «Обитатели древнего Олдувая, бесспорно, были разумными существами, но безусловных фактов их религиозности нет. Лишь один факт... намекает на то, что какие-то религиозные представления имелись у этих гоминид».

Кстати отметим, что на черепах австралопитеков (возможных предшественников человека, в том числе олдувайского, живших примерно от четырех до одного миллиона лет назад в южной Африке) ученые находили проломы, нанесенные камнями или примитивными орудиями, при-

чем спереди или слева — т. е. били правой рукой, стоя лицом к лицу. Сделать это могли только «свои» — ни одно из животных такие раны наносить не может. Но допустить человеческие жертвоприношения у австралопитеков было бы слишком смелой гипотезой; по-видимому, это все же было банальным убийством в драке.

Синантроп, живший на территории Китая примерно полмиллиона лет тому назад, был уже, безусловно, человеком (хотя, возможно, и тупиковой ветвью), его титула «Номо» никто не оспаривает. Но прозвания «sapiens» он тоже не удостоился, удовлетворившись скромным прозванием «erectus» — прямоходящий. Мозг его был раза в полтора больше, чем у олдувайца; он, судя по черепу, умел неплохо говорить и пользовался огнем: в одной из пещер, где жили синантропы, слой золы достигает шести метров. От жителей древнего Олдувая синантропа отделяют тысячи веков и километров, однако у него ученые проследили тот же самый интерес к человеческому черепу. Впрочем, сначала археологи, обнаружив в золе синантропских костров черепа с искусственными отверстиями на затылке, объявили древнейших жителей Китая каннибалами, питавшимися человеческим мозгом. Но потом профессор Пэй Вэньчжун вступился за соотечественников, и его доводы оказались весьма убедительными. В кострах синантропов, помимо людских останков, найдено немало самых разнообразных костей животных; эти животные, очевидно, были съедены целиком. Что же касается людей, то другие части их скелета почти отсутствуют, а ведь с точки зрения каннибала мясо должно быть ничуть не хуже мозга. Кстати, сам профессор Пэй Вэньчжун уверяет, что оно даже лучше, но на чем основывается такая уверенность, авторам неизвестно (согласно наблюдениям Миклухо-Маклая, новогвинейские папуасы-людоеды придерживались противоположной точки зрения). Кроме того, если голову отрубают от тела, на черепе сохраняются два позвонка, а у синантропских черепов этих позвонков нет. Это говорит о том, что черепа были принесены на стоянку уже после разложения мягких тканей... Короче, что и зачем делали со своими сородичами синантропы, не вполне понятно,

но какой-то ритуал налицо, хотя скорее всего он носил похоронный характер.

Известный российский этнолог Владимир Кабо писал, что уже у архантропов (так называют древних людей, живших не только до современного человека, но и до неандертальцев) складывались предпосылки для развития религиозных представлений. Ученый считает, что во времена ашельской культуры (а она сменилась мустьерской культурой неандертальцев примерно 150 тысяч лет назад) мы встречаем «первые бесспорные свидетельства религиозно-магических представлений», причем «они выступают уже в сравнительно развитом виде, что предполагает предшествующую историю их формирования».

Но если все рассуждения о религиозности архантропов носят еще несколько дискуссионный характер, то неандертальцы были уже людьми, безусловно, религиозными. Они появились на земле около 400 тысяч лет назад и жили долго и, возможно, счастливо, пока 30 тысяч лет назад их не вытеснил (а может быть, частично и ассимилировал) *Homo sapiens*, возникший ненамного позже их, но долгое время пребывавший на задворках цивилизации. Около ста с лишним тысяч лет назад неандертальцы стали главной культурной силой Земли. Они тоже увлекались манипуляциями с черепом; в пещере Крапина в Хорватии найдены останки примерно двадцати неандертальцев, кости которых обуглены и раздроблены, а черепа имеют сильные повреждения. Некоторые ученые склоняются к мысли о том, что жители пещеры не просто угощались мозгом, а совершали религиозный обряд и что два десятка неандертальцев были убиты в ритуальных целях. Подобные ритуалы у дикарей нового времени, как правило, объясняются желанием приобщиться к жизненной силе врага. А дробление костей могло быть связано с попыткой предотвратить воскресение.

Похожая находка была сделана на острове Ява — здесь в песчано-гравийных отложениях, возраст которых превышает сто тысяч лет, найдены одиннадцать черепов с раздробленными лицевыми частями, но без скелетов. Интересно, что ни нижних челюстей, ни зубов при черепах также не оказалось.

Ученые из Мичиганского университета Стэнли М. Гарн и Уолтер Д. Блок, изучив свойства человеческого мяса, пришли к выводу, что любой каннибализм, как правило, следует рассматривать как ритуальный, поскольку человек по питательности очень сильно уступает травоядным животным. Неандертальцы жили во времена, когда никакого недостатка ни в мамонтах, ни в антилопах, ни в жирных и вкусных грызунах не наблюдалось, и людям вряд ли приходилось страдать от голода. Поэтому даже если когда-то какой-то особо голодный неандерталец и решил пообедать себе подобным, массовое нахождение продырявленных черепов и обугленных человеческих костей можно объяснить скорее ритуальными причинами.

И уж во всяком случае, ритуальными причинами объясняется находка, сделанная в окрестностях Рима, в гроте на горе Монте Чирчео, — здесь был обнаружен череп неандертальца с почти полностью снятой затылочной костью. Владелец черепа был убит ударом в висок. По углам грота громоздились кости зубров и оленей, а вокруг черепа был выложен круг из камней. Владимир Кабо пишет: «Существует предположение, что кости животных — остатки погребального пиршества, а комплекс в целом — результат ритуального убийства, совершенного 55 тыс. лет назад». Близкой точки зрения в основном придерживаются и другие исследователи — они видят в каменном круге солярную символику, а положение черепа наводит их на мысль, что когда-то он был водружен на шест, который, естественно, не сохранился. Впрочем, как и в предыдущих случаях, невозможно быть уверенным в том, что перед нами следы именно жертвоприношения — череп мог быть, например, трофеем или останками убитого врагами почитаемого соплеменника.

Следует отметить, что, несмотря на вероятную приверженность к человеческим жертвоприношениям и на безусловный каннибализм (какими бы причинами он ни объяснялся), неандертальцы были людьми, не чуждыми гуманности. Они заботливо ухаживали за своими больными и увечными собратьями. Известны скелеты, на которых сохранились следы тяжелых ранений, например, один не-

андерталец был ранен чем-то вроде копья, пробившего ему тазовую кость. После такой травмы человек надолго прикован к постели, однако этот мужчина выжил, и кости его срослись — значит кто-то долгие месяцы ухаживал за ним. В пещере Шанидар на севере Ирака найдены могилы девяти неандертальцев, среди них — так называемый «старец из Шанидара». «Старцу» было не больше пятидесяти лет, но большую часть своей достаточно долгой жизни он провел инвалидом. У него еще в детстве была ампутирована по плечо правая рука, и он лишился левого глаза (об этом говорит перелом глазной орбиты). Кроме того, у «старца» обнаружены следы многочисленных травм и дефект ноги. Все это не помешало инвалиду более или менее благополучно дожить до вполне преклонного с точки зрения неандертальцев возраста, а значит, кто-то заботился о нем все эти годы.

Интересно, что по мере того, как неандертальцы прониклись идеями гуманизма, массовые убийства себе подобных у них постепенно сходили на нет, замещаясь столь же массовым убийством медведей. Со временем у неандертальцев возник культ медведя (в том числе пещерного), следы которого очень похожи на следы их манипуляций с человеческими черепами. Ученые считают, что убийство множества медведей (а в некоторых святилищах найдены останки сотен животных) так же, как и убийства себе подобных, нельзя объяснить кулинарными запросами неандертальцев. А. Б. Зубов пишет:

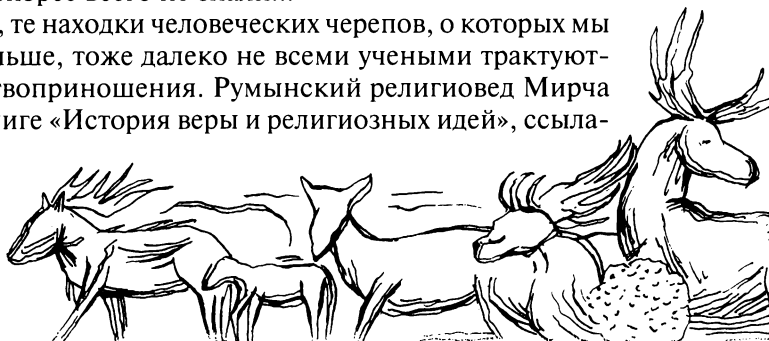
«Дело в том, что громадный медведь (до трех метров длиной и более двух метров высотой в холке), вооруженный страшными зубами и когтями, являлся слишком опасным объектом охоты для человека плейстоцена. И действительно, неандерталец, судя по его кухонным отбросам, в повседневной жизни предпочитал питаться безобидными копытными или грызунами. С помощью ловчих ям он довольно безопасно мог ловить шерстистых носорогов и даже мамонтов. Отправиться же в глубину пещер на медвежью охоту его могли заставить либо отчаянные обстоятельства, либо иные, не связанные с пропитанием, но жизненно важные цели. Судя по тому, как обращались с останками убитых медведей, эти хозяева пещер потребны были неандерталь-

цу для каких-то религиозных целей. То есть не культ медведя был следствием охоты, но охота на медведя была следствием культа».

Ученый считает, что культ медведя и прежде всего медвежьего черепа заменил у неандертальцев ранее существовавший культ черепа человеческого. К этому времени неандертальцы, видимо, доросли в своем религиозном осмыслении мира до понятия «первопредка». Таким предком они выбрали одного из самых мощных зверей и его ритуальным убийством заменили прежние убийства себе подобных. Сохранились огромные штабеля медвежьих костей и черепов, причем они уложены настолько плотно, что всякая мысль о складе мяса отбрасывается — никакого мяса на этих костях уже не было. Некоторые медвежьи скелеты были уложены в каменные «ящики». Черепа иногда были ориентированы по сторонам света.

Массовые каннибальские оргии неандертальцев отошли в прошлое. Зато у них появились вполне осмысленные представления о загробном мире — неандертальцы начали хоронить своих покойников, совершая при этом достаточно сложные ритуалы. Умерших посыпали охрой, в могилы укладывали мясо животных, яйца и даже цветы. Могилу могли окружить оградкой из рогов животных. В уже упомянутой пещере Шанидар некоторые покойники были уложены на подстилки из лесного хвоща, под головы им были заботливо подмощены камни, рядом лежали каменные орудия. Один из похороненных здесь неандертальцев получил у археологов прозвище «цветочный человек» — безутешные родичи положили ему в могилу охапку полевых цветов: васильки, алтеи, крестовники... Конечно, цветы до наших дней не дошли, но их пыльца сохранилась. Однако, несмотря на такую заботу об умерших собратьях, отправлять вместе с ними в загробный мир кого-то еще неандертальцы, вероятно, не догадывались. Заупокойных человеческих жертв они скорее всего не знали...

Впрочем, те находки человеческих черепов, о которых мы сказали раньше, тоже далеко не всеми учеными трактуются как жертвоприношения. Румынский религиовед Мирча Элиаде в книге «История веры и религиозных идей», ссыла-

ясь на известного ученого И. Марингера, пишет: «...о жертвоприношениях можно говорить, с большей или меньшей степенью определенности, не ранее верхнего палеолита...»

Но вот, примерно тридцать тысяч лет назад на земле наступил верхний палеолит. К этому времени неандертальцы сходят с исторической арены, не выдержав то ли царившего уже сорок тысяч лет Вюрмского оледенения, то ли конкуренции с *Homo sapiens*, которому это обледенение было нипочем и который из подвида *Homo sapiens idaltu* превратился в *Homo sapiens sapiens*. Существует версия о том, что перед этим они таки успели вступить с будущими хозяевами Земли в достаточное количество браков, чтобы передать им часть своих генов. Но, во всяком случае, неандертальцы, сдавая вахту кроманьонцам, оказали некоторое влияние на их традиции. Культ черепов и, возможно, связанные с ним человеческие жертвоприношения приобретают новых последователей — захоронения отделенных от туловища черепов (часто по несколько штук рядом) археологи находят в самых разных уголках Европы.

Знаменитый обитатель верхнепалеолитической стоянки Сунгирь (под Владимиром) был похоронен вместе с головой, но на его могилу, густо посыпанную охрой, был уложен камень, а сверху — голова (или череп) женщины. Теперь уже трудно сказать, какую роль должна была играть эта спутница в загробной жизни хозяина могилы и какой смертью — естественной или насильственной — она умерла. Во всяком случае, тот, кого ей выпало сопровождать, был не последним человеком в своем племени — его головной убор и одежду украшали двадцать просверленных клыков песка, двадцать пластинчатых браслетов и около 3500 бусин из бивня мамонта. На изготовление одних только бусин соплеменники сунгирьца должны были, по подсчетам ученых, потратить более двух с половиной тысяч часов.

Во Франции, в гроте Ле-Плакар, археологи обнаружили четыре чаши, которые люди верхнего палеолита сделали из черепов себе подобных. Головы были отсечены от тел, мягкие ткани счищены каменным орудием, после чего

верхние части черепов были отделены от нижних. Чаши использовались не для пиров — в одной из них сохранились остатки охры, которую древние часто применяли в ритуальных целях.

В Моравии было найдено погребение-склеп, в котором во времена верхнего палеолита местные жители на протяжении нескольких поколений вполне достойно хоронили своих близких. Но неподалеку от этого склепа был обнаружен скелет без черепа, причем на костях сохранились надсечки от снятия плоти. Археологи предположили, что люди, заботливо хоронившие родичей, совершенно иначе отнеслись к случайному пришельцу или пленнику — он был принесен в жертву, а голову его использовали в ритуальных целях. Людоедство, если оно и имело место, тоже носило, по-видимому, ритуальный характер — ведь на стоянке найдено огромное количество костей разнообразных животных, и от голода жители древней Моравии явно не страдали.

Ученые, исследовавшие коллективные захоронения верхнего палеолита, тоже приходят к мысли, что в некоторых из них были погребены жертвы ритуала, хотя следов насильственной смерти они и не находят. Итальянец Винченцо Формикола обратил внимание, что люди с необычным физическим обликом часто похоронены в окружении своих нормальных сородичей. В пещере Ромито, в итальянской Калабрии, археологи обнаружили подростка-карлика, сопровождаемого взрослой женщиной... В Моравии, в Дольни Вестонице, девушка, страдавшая дистрофической дисплазией, похоронена между двумя подростками. Болезнь изуродовала и тело, и лицо девушки, и даже волосы на ее голове росли не всюду, но в глазах соплеменников это могло придавать ей особый статус... На уже упоминавшейся нами стоянке Сунгирь было найдено двойное захоронение подростков — девочки и мальчика. Оба они имели необычную внешность: у девочки были сильно искривлены ноги, а мальчик не только страдал врожденным костным заболеванием, но и придерживался необычной для других сунгирьцев диеты. Он ел мало мяса, но много растительной пищи и беспозвоночных, в результате чего, по мне-

нию исследователей, мог отличаться от своих соплеменников не только внешне, но и психологически.

Формикола, а вслед за ним и другие ученые допускают, что люди с необычной внешностью могли иметь особый статус в своем коллективе, поэтому их отправляли в иной мир в окружении свиты.

Известный антрополог А. П. Бужилова подошла к исследованию коллективных могил с другой стороны. Она заметила, что в единичных захоронениях число подростков достаточно мало; оно, вероятно, отражает реальную статистику естественных смертей, ведь подростки — это самая жизнеспособная часть населения. А вот в коллективных захоронениях верхнего палеолита подростки присутствуют очень часто, их количество заметно превышает среднестатистическое. Это наводит на мысль об их преднамеренном убийстве. Бужилова считает, что подростки — это «потенциал, который необходим для дальнейшего развития социума и рода, в частности. Преднамеренно жертвовать им можно было в крайне необходимых случаях, отдавая самое дорогое, чем обладала большая семья».

Примерно одиннадцать тысяч лет назад, с окончанием очередного, Вюрмского, оледенения, человечество вступает в новую эпоху — наступает мезолит, переходный период к неолиту. Население Земли к этому времени составляет около трех-четырех миллионов человек. На планете установился более или менее постоянный климат (который мы имеем и теперь), сформировался растительный и животный мир. А человек понемногу стал этот мир преобразовать, занимаясь земледелием и приручая животных. Люди осваивают север Европы, строят дома и лодки, активно занимаются морским промыслом. Появляются новые орудия, изобретены лук и стрелы. Судя по дошедшим до наших дней многочисленным произведениям искусства, внутренний мир и религиозные представления человека усложняются... Но, увы, что бы ни думали наши мезолитические предки о сакральных тайнах вселенной, в том, что касается человеческих жертвоприношений, они были прямыми и верными продолжателями традиции, идущей еще со времен неандертальцев. Культ человеческого черепа у них сохраняет-

ся, причем черепа часто носят достаточно недвусмысленные признаки насильственной смерти.

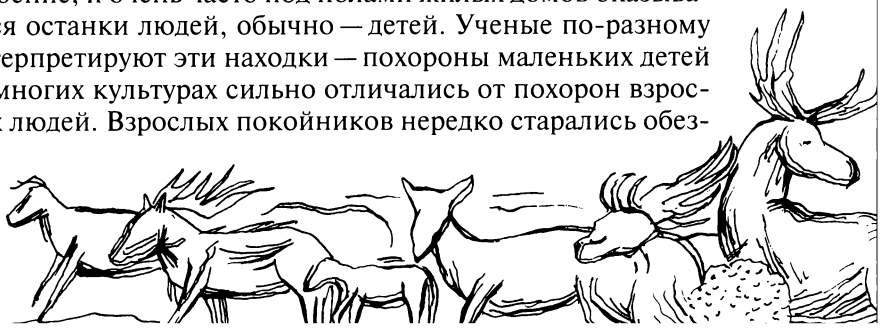
Так, в Эйнане, в долине реки Иордан, археологи обнаружили круглую гробницу диаметром пять метров (возможно, когда-то она служила жилищем), в которой были похоронены мужчина и женщина. Над ней была сооружена сложная каменная вымостка, на которой лежал традиционный череп, причем два сохранившихся позвонка говорили о том, что голова была отрублена. Впрочем, ее могли отрубить и у человека, умершего естественной смертью.

Но тридцать три черепа, найденные в пещере Гросс Офнет в Баварии, полностью исключают всякую мысль о естественной смерти — на них сохранились следы удара топорovidным инструментом по левому виску. Головы были отделены от тела, сложены в две ямы, густо посыпаны охрой и украшены оленьими зубами и просверленными раковинами. Большинство жертв были молодыми женщинами и детьми и лишь очень немногие — мужчинами.

Огромное значение культ черепов приобретает в эпоху неолита на Ближнем Востоке. Так, при раскопках Иерихона были найдены несколько групп черепов, образующих круг или же выстроенных в линию. Здесь же под глиняной ванночкой хранились несколько отрубленных детских голов.

К этой же эпохе относятся находки раздробленных и обгорелых человеческих костей на Ближнем Востоке. Известно, что «своих» так не хоронили. Кости уничтожали для того, чтобы лишить человека возможности посмертного воскрешения — так могли поступить с врагом или преступником (описания подобной расправы сохранили, например, угаритские мифы), но некоторые ученые видят в этом следы жертвенных обрядов.

В Палестине и Сирии в эпоху неолита развивается домостроение, и очень часто под полами жилых домов оказываются останки людей, обычно — детей. Ученые по-разному интерпретируют эти находки — похороны маленьких детей во многих культурах сильно отличались от похорон взрослых людей. Взрослых покойников нередко старались обез-

вредить, похоронить подальше от дома, чтобы они не могли вмешиваться в жизнь живых. Детей же, напротив, часто хоронили прямо в доме. Тем не менее многие историки считают, что детские останки под полом — это либо «строительная» жертва, либо традиционное для этих мест принесение в жертву первенца. Интересно, что еще сравнительно недавно жители Ближнего Востока, давно уже отказавшиеся от человеческих жертвоприношений, считали тем не менее, что захоронение умершего (своей смертью) ребенка внутри дома предотвратит смерть других детей.

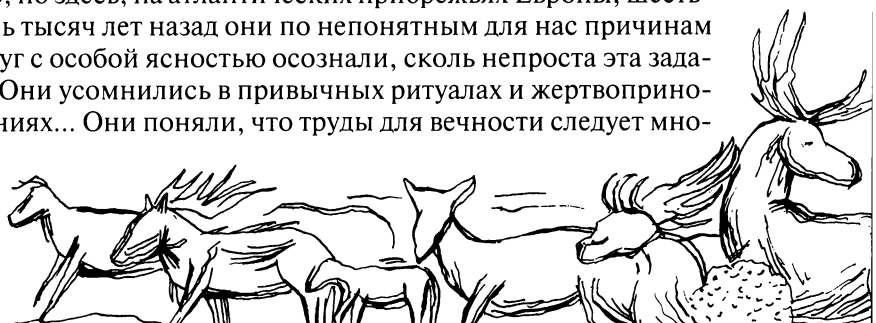
Развивающееся земледелие породило у многих народов мифы об убитом божестве, из расчлененного и похороненного тела которого изобильно растут дары земли. Конечно, мифы эти дошли до нас в более поздних пересказах, но формировались они еще в эпоху неолита. Именно эти мифы легли в основу человеческих жертвоприношений, которые земледельцы совершали на полях для повышения урожая. В связи с этим Мирча Элиаде обращает внимание своих читателей на парадоксальную закономерность. Он пишет: «Земледелец связывает с убийством труд как нельзя более мирный... тогда как в обществах охотников ответственность за убийство возлагается на другого, на «чужака». Можно понять охотника: он боится мести убитого животного (точнее, его «души») или же оправдывается перед Владыкой диких зверей. Что же касается земледельцев, то миф об изначальном убийстве, конечно, оправдывает такие кровавые обычаи, как человеческое жертвоприношение и каннибализм».

Интересно, что формы человеческих жертвоприношений, которые мы видим в неолите (отрубание голов, сожжение и дробление костей) во многом напоминают о временах неандертальцев. А мозг неандертальца, превосходя наш по объему, организован был несколько хуже. Во всяком случае, культура неандертальцев, хотя и была, возможно, хороша для своего времени, во времена неолита уже не могла быть образцом для нравственного подражания. Земледельческие жертвы, напротив, были вызваны новыми веяниями. Но и они, при всей своей «прогрессивности», тяготели к «земному».

Однако в это же самое время на Земле уже возникали очаги цивилизаций, которые, устремив свои помыслы к небу, отказались от человеческих жертвоприношений, заменив залитые кровью ямы и алтари на гигантские каменные постройки, о сакральном значении которых до сих пор спорят археологи и историки. Мегалитические культуры, возникшие почти одновременно и часто независимо друг от друга в разных уголках Евразии и Северной Африки, имеют каждая свои особенности. Но общим для них было строительство грандиозных культовых сооружений, взметнувшихся в небо в Бретани и на Иберийском полуострове, в Ирландии и в Средиземноморье... Они знаменовали собой эпоху энеолита, завершающего каменный век человечества, и начало эпохи металла.

В районах развитых мегалитических цивилизаций археологи практически не находят следов ни каннибализма, ни человеческих жертвоприношений. Некоторые сооружения использовались как гробницы, но свидетельств насильственной смерти погребенных там людей, как правило, нет. И захоронение двенадцати женщин, сопровождавших увенчанную золотой диадемой жительницу Пиренейского полуострова, является скорее печальным исключением. Зато многие мегалитические сооружения показывают, что их создатели были неплохо знакомы с астрономией и главной их целью были не мелкие кровавые разборки с духами, а попытка прорыва к небу.

Строительство грандиозных каменных конструкций требовало от людей гигантских трудозатрат. Ученые подсчитали, что при возведении Стоунхенджа или Ньюгрэнджа было истрачено примерно по 30 миллионов человеко-часов! При этом сами строители мегалитических сооружений ютились в скромных хижинах и довольствовались самым убогим бытом. А. Б. Зубов пишет: «Люди с глубочайшей древности искали связи с Богом и путей победы над смертью, но здесь, на атлантических побережьях Европы, шесть-семь тысяч лет назад они по непонятным для нас причинам вдруг с особой ясностью осознали, сколь непроста эта задача. Они усомнились в привычных ритуалах и жертвоприношениях... Они поняли, что труды для вечности следует мно-

гократно умножить, пренебрегая удобствами этой жизни. Вряд ли мы когда-либо достоверно узнаем, что стало причиной этой духовной революции, но она быстро охватила обширные пространства атлантических побережий Европы, Северо-Западную Африку, сначала Западное, а потом Восточное Средиземноморье, берега Черного моря... Менгиры — это неразрушимые тела умерших; дольмены, гробницы, курганы — их обиталища до конца веков, до момента окончательной победы над смертью. Эти рукотворные каменные склепы наследовали естественным пещерам палеолита, которые имели, должно быть, такое же символическое значение».

Так еще на заре истории возникли цивилизации, которые пришли к выводу, что богам (или Богу?) человеческий труд дороже человеческой крови. К сожалению, эти цивилизации просуществовали не слишком долго.

В Древнем Египте примерно к третьему тысячелетию до н. э. сложились достаточно четкие представления о загробном мире, который был почти полной копией мира земного. К этому времени Южное и Северное царства объединяются под властью одного правителя-фараона. Для своего посмертного существования фараоны возводят гробницы-мастабы — каменные здания без окон и дверей, с колодцем, ведущим в погребальную камеру. Нередко этих гробниц было по две — южная и северная, чтобы в загробном мире властитель мог точно так же переезжать из резиденции в резиденцию по мере надобности. Так, один из первых царей объединенного Египта фараон Первой династии Джер, живший в начале третьего тысячелетия (Раннединастический период), имел одну усыпальницу на юге, в Абидосе, и одну — на севере страны, в Саккара. Усыпальница в Абидосе имела площадь более четырехсот квадратных метров (с учетом надземных построек). Здесь в обширных хранилищах складировалось имущество, необходимое царю в ином мире. А вокруг усыпальницы археологи обнаружили 338 захоронений слуг, которые должны были обеспечить фараону комфортабельную жизнь. В основном это были женщины, причем отнюдь не безродные рабыни — они удостоились отдельных захоронений, на многих могилах стояли каменные стелы с именами.

Усыпальница Джера была разграблена еще в древности, причем неоднократно. Так что своего загробного имущества царь лишился, но сопровождавшие его слуги остались с ним навсегда (или по крайней мере до прихода археологов). Интересно, что вокруг северной гробницы Джера, в Саккара, слуги похоронены не были, хотя по размерам эта усыпальница превышает южную. Впрочем, возможно, что их захоронения были разрушены позднее, при строительстве других гробниц.

Две гробницы имела и царица Мерьет-нейт, возможно, правившая Египтом после Джера. В Абидосе для нее был построен склеп, окруженный восемью обширными кладовыми, а вокруг гробницы похоронен целый штат прислуги — 41 человек. Они, как и свита Джера, имели отдельные могилы и каменные стелы с именами. Кроме того, неподалеку археологи нашли целый «квартал», где для царицы были принесены в жертву еще 77 человек. Что же касается северной гробницы Мерьет-нейт, здесь таких массовых жертвоприношений, судя по всему, не было, но зато в Саккара царица устроила загробные «мастерские» с полным штатом «сотрудников». Здесь были найдены мастер-кораблестроитель с моделями лодок, художник, с которым были положены наполненные краской сосудики, мастер по изготовлению каменных ваз с инструментами и образцами его работы, горшечник и т. д.

Еще большую свиту взял с собой в загробный мир Уаджи, представитель той же самой Первой династии. В одном только Абидосе его усыпальницу окружают 174 могилы слуг, принесенных в жертву. Отдельным кварталом захоронен еще 161 человек.

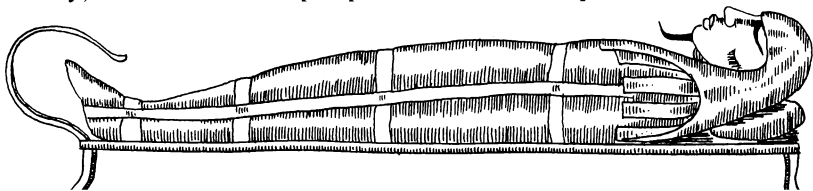
Преемник Уаджи царь Удиму правил долго и мудро. Он укреплял границы Египта, обеспечивал безопасность торговых путей, занимался строительством, провел перепись населения; при нем расцвели искусства и ремесла. Удиму с пышностью отметил тридцатилетний юбилей своего правления — праздник Хед-себ. В древние (по сравнению с правлением самого Удиму) времена этот праздник, по мнению некоторых исследователей, сопровождался ритуальным убийством царя: египтяне, подобно многим другим наро-

дам, считали, что магическая сила правителя со временем иссякает и что царствовать больше тридцати лет никому не положено. По истечении этого срока устраивалась торжественная церемония «передачи власти» — новый владыка убивал старого и занимал его место. Однако ко временам Удиму властители Египта, несмотря на свою безусловную веру в радости загробной жизни, перестали торопиться на тот свет, решив, что им все-таки милее этот. Вместо царя стали погребать его статую, а вместо нового царя на троне оставался старый, чья молодость и сакральная сила обновлялись с помощью специальных ритуалов. Впрочем, хотя сам Удиму и не торопился с собственными похоронами, предпочитая земное существование, для своих слуг он уготовил другую судьбу. Вокруг его гробницы в Абидосе были захоронены 136 человек.

Следующий царь Египта, Энеджиб, был, по-видимому, человеком неприхотливым. Правил он довольно долго (есть данные, что его правление длилось 26 лет), но обе его гробницы достаточно невелики, невелико и число захороненных рядом слуг: 64 человека в Абидосе.

Преемник Энеджиба — Семерхет, возможно, был узурпатором. Он правил в беспокойные времена и, возможно, поэтому решил удовольствоваться одной усыпальницей, в Абидосе. Впрочем, она превосходит гробницу его предшественника. Интересно, что слуги Семерхета, которым предстояло сопровождать своего господина в загробном мире, были похоронены не за пределами мастабы, а внутри нее: для них были обустроены аккуратные могильные камеры, перекрытые надземной частью комплекса.

Отметим, что на останках многих людей, служивших фараонам Раннединастического периода, видны следы переломов. Теперь уже трудно сказать, были ли слуги искалечены перед смертью или сразу после нее, но вероятно, это было сделано для того, чтобы они в загробном мире не могли удрать от своего господина. Тем не менее владыки проявляли определенную заботу о посмертной судьбе принесенных в жертву людей. Их пеленали льняной тканью и укладывали в деревянный гроб, обычно в согнутом виде, на боку, головой на север. Гроб помещали в продол-

говатую яму с деревянным потолком. Рядом ставили сосуды с едой и питьем. Личные вещи покойным не полагались, но в могилу клали инструменты, необходимые им для работы. Над могилой строили невысокое сооружение с округлым верхом, иногда помещали каменную стелу с именем.

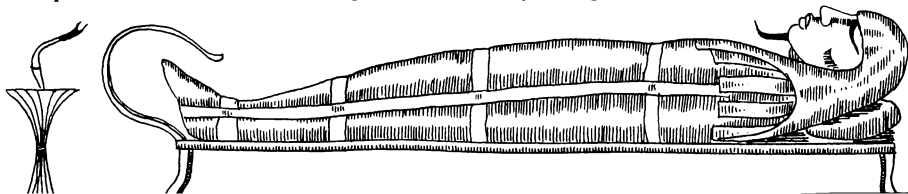
Вельможи, которые не имели возможности обеспечить себя в загробном мире настоящими слугами, ограничивались их изображениями на стенах гробниц или статуэтками. Кстати, эти статуэтки иногда тоже имеют физические недостатки — вероятно, с той же целью. В гробницах встречаются глиняные женские тела, не имеющие рук и ног, — вероятно, они должны были исполнять роль наложниц покойного.

Трудно сказать, добровольно или против воли отправлялись с фараонами в загробный мир их многочисленные слуги. Очень может быть, что они шли на смерть охотно, причем отнюдь не только из преданности. Дело в том, что почти до конца эпохи Древнего царства египтянам не разрешалось самостоятельно возводить себе гробницы. Делать это можно было лишь централизованно, с разрешения фараона и за государственный счет. Не получившим права на постройку благоустроенного «дома вечности» приходилось довольствоваться простой могилой и малокомфортным загробным существованием. Только к концу Древнего царства, после ослабления централизованной власти, вельможи стали возводить себе гробницы без высочайшего позволения. Но в эпоху Среднего царства фараоны вновь присвоили себе монополию в этом немаловажном для их подданных вопросе. И лишь к концу Среднего царства египтяне получили возможность самостоятельно распоряжаться собственным загробным существованием: более состоятельные строили себе усыпальницы, снабженные всем необходимым, и оплачивали заупокойные службы на много лет вперед; а бедняки старались, чтобы их похоронили неподалеку от богатых гробниц, надеясь, что им перепадут крохи с господского стола... До тех же пор, пока монополия на строительство гробниц принадлежала фараонам, попадание в загробную свиту была для египтянина одной из немногих возможностей обеспечить своей душе

(вернее, душам, поскольку их было несколько) бессмертие и благополучие за гробом.

Впрочем, была и другая возможность — добиться того, чтобы твое изображение попало на стену гробницы знатного вельможи. Дело в том, что сановники, удостоившиеся чести получить персональную гробницу, покрывали ее стены отнюдь не только безымянными изображениями абстрактных слуг. Некоторые портреты были подписаны, и это давало нарисованному человеку возможность беспрепятственно попасть в загробный мир. Причем портретного сходства не требовалось — хватало и подписи. Интересно, что в определенном смысле египтянин, чей портрет появлялся на стене гробницы, начинал исполнять свои «загробные» обязанности еще при жизни. Так, в одной из гробниц в Саккара археологи обнаружили портрет «заупокойного жреца», обязанностью которого было отправлять культ хозяина гробницы. Известный российский египтолог А. О. Большаков рассматривает это изображение как своеобразную дверь, через которую живой жрец навещал своего заказчика в царстве мертвых. Подобным образом и слуги, чьи портреты попадали на стены гробниц, «служили» хозяину еще при своей жизни, а после смерти и сами отправлялись вслед за ним. И каким бы странным ни казался нам этот обычай, у самих египтян он, по-видимому, сомнений не вызывал. Случалось, что простые египтяне, которым не выпало счастья служить знатным вельможам и которые поэтому не могли надеяться на радости загробной жизни, пробирались в заготовленную заранее чужую гробницу и подписывали свои имена под изображениями слуг.

По крайней мере до середины периода Древнего царства боги и демоны не вмешивались в заупокойную жизнь египтян. Позднее в загробном мире появилось множество чудовищ, угрожавших покойным, был учрежден суд Осириса, на котором боги могли осудить умершего на пытки и даже на полное уничтожение. Но до конца Древнего царства (примерно до двадцать третьего века до н. э.) никакие напасти покойным египтянам не угрожали и даже покровительство богов за гробом никому не требовалось —

их изображения напрочь отсутствуют на стенах древних гробниц. Человек, который умудрялся любимыми правдами и неправдами попасть в загробный мир, оставался навеки вести там безбедное существование. Поэтому нельзя исключить, что слуги добровольно следовали за своими владыками, предпочитая недолговечной земной жизни вечность за гробом, даже если для этого приходилось идти на смерть, — ведь вторая такая возможность могла и не представиться.

Впрочем, человеческие жертвоприношения сопровождали похороны владык Египта только в глубокой древности. Семерхет был, возможно, последним царем Египта, при котором они практиковались. Усыпальницы его преемника Каа (последнего владыки Первой династии) и членов его семьи окружены гробницами придворных, но археологи по ряду признаков сомневаются, что эти люди были принесены в жертву. Возможно, они были захоронены рядом со своими покойными владыками позднее. Во всяком случае, с этого времени обычай заупокойных человеческих жертв выходит из моды.

Теперь все, даже фараоны, удовлетворялись нарисованными или скульптурными портретами слуг. Кроме слуг, в последнее путешествие имело смысл брать с собой и вооруженную охрану, поскольку настало время, когда загробный мир Египта начал буквально кишеть всевозможными чудовищами. Здесь появились и страшный «Пожирающий ослов», и «Поглотитель миллионов», и крокодилы, и весьма опасные бегемоты... Все они угрожали жизни покойного на его пути к судилищу Осириса. Для борьбы с этой нечистью египтяне стали укладывать в свои гробницы целые вооруженные отряды. Например, номарх (правитель области) Месетхи, живший при Десятой династии (в самом конце третьего тысячелетия), взял с собой отряд из восьмидесяти человек: сорок копейщиков и сорок лучников-нубийцев. Но кровь номарх не проливал: все воины были представлены статуэтками.

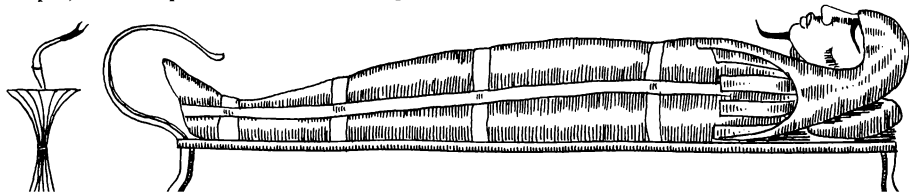
К середине второго тысячелетия до н. э. могилы египтян заполняются множеством статуэток, так называемых

ушебти, назначением которых было не столько обслуживать своего хозяина в загробном мире, сколько заменять его, когда покойного призовут на общественные работы. Поскольку в земной жизни египтяне личной свободы не имели и любого из них могли в любой момент призвать для общественно-полезной деятельности, никто не сомневался, что и в мире загробном все обстоит примерно так же. И умерший египтянин, несмотря на то, что он становился равен богам и получал имя Осириса, мог быть мобилизован на перетаскивание песка и рытье каналов. Сгладить эту несправедливость должны были ушебти, откликнувшиеся на имя покойного словами «Я здесь». В египетской «Книге мертвых» приводится наставление для ушебти:

«О этот ушебти! Если Осирис-(имярек) будет призван выполнять любую работу, какую выполняют там, в Херет-Нечер (загробный мир. — *О. И.*), и будут тяготы ему там, как человеку, несущему свои обязанности, ты должен взять на себя все эти работы, которые делаются там: возделывать поля, обустраивать берега, перевозить через реку песок с запада на восток. «Я сделаю это. Я здесь!» — скажешь ты».

При наличии множества ушебти, а также при том, что слуги, нарисованные на стенах гробниц, исправно несли свою службу в загробном мире, заупокойные человеческие жертвоприношения у египтян потеряли всякий смысл.

Что же касается жертвоприношений по другим поводам, то в историческое время египтяне не использовали людей в качестве жертвы. Египетское искусство оставило множество изображений, на которых цари убивают пленных врагов. Но с тем же успехом эти изображения могли носить символический характер и попросту воспевать очередную победу. И даже если царь убивал пленников собственноручно (сохранились, в частности, изображения, где это, вместе со своим супругом, делает очаровательная Нефертити), нет оснований думать, что эти убийства были деянием сакральным. Хотя в таких сценах, как правило, и присутствуют боги — но они присутствуют на множестве изображений царя, подтверждая своим авторитетом любое его действие.

Побежденных убивали и сами боги — как гласит надпись на стене храма Хора в Эдфу, еще бог Хор Бедхетский в глубочайшей древности, когда бог Ра воевал с демонами, «увел 381 пленного и убил их пред Ладьей Ра».

Интересно, что, хотя античные авторы довольно часто упоминают человеческие жертвоприношения, якобы совершаемые египтянами, делают они это с чужих слов; ни свидетельствами очевидцев, ни археологическими находками эти обвинения не подтверждаются. Недаром «отец истории» Геродот писал: «Много ходит в Элладе... нелепых сказаний. Так, например, вздорным является сказание о том, как египтяне по прибытии Геракла в Египет увенчали его венками, а затем в торжественной процессии повели на заклятие в жертву Зевсу. Сначала Геракл не сопротивлялся, а когда египтяне хотели уже приступить к заклятию его на алтаре, собрался с силами и перебил всех египтян. По моему же мнению, подобными рассказами эллины только доказывают свое полное неведение нравов и обычаев египтян. В самом деле, возможно ли, чтобы люди, которым не дозволено убивать даже домашних животных, кроме свиней, быков, телят (если только они «чисты») и гусей, стали приносить в жертву людей. Притом Геракл прибыл туда совершенно один и, по их же собственным словам, был только смертным, как же мог он умертвить такое множество людей? Да помилуют нас боги и герои за то, что мы столько наговорили о делах божественных!»

Но предостережение Геродота не помешало другому, не менее значимому историку, Плутарху, повторять рассказы о том, что «в городе Илифии, как пишет Манефон, заживо сжигали людей, которых называли Тифоновыми, и, провеивая их пепел, рассеивали и уничтожали его. И это делали открыто и в определенное время: в собачьи дни» (то есть в дни перед началом разлива Нила). Тифоном Плутарх называет египетского бога Сета; Манефон, на которого ссылается историк, действительно был весьма уважаемым египетским жрецом и ученым рубежа IV—III веков до н. э., автором многочисленных трудов, в том числе по истории Египта. Но до нас эти труды дошли лишь в цитатах других

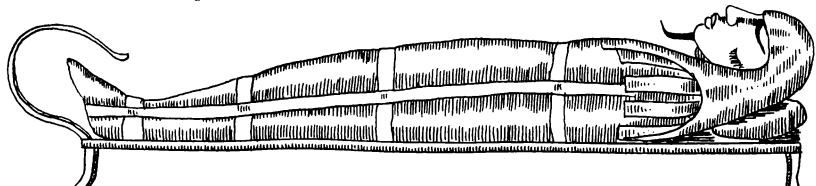
авторов, и теперь уже трудно сказать, кто и почему ошибся: Манефон, Плутарх, древние переписчики или историки нового времени. Во всяком случае, сегодня считается, что сведения о человеческих жертвоприношениях египетским богам достоверными источниками не подтверждаются.

Крупнейший египтолог М. А. Коростовцев в книге «Религия Древнего Египта» пишет: «Следует категорически опровергнуть встречающиеся на страницах некоторых так называемых научно-популярных книг нелепые утверждения, будто в Древнем Египте богу Нила ежегодно приносили в жертву молодую женщину. В основу этой информации, видимо, легло сообщение Плутарха о каком-то фараоне, якобы принесшем в жертву Нилу собственную дочь».

В трактате «О реках», приписываемом Плутарху, действительно сообщается следующее: «Египет, сын Гефеста и Левкиппы, был царем этой страны. Из-за гражданской войны Нил перестал разливаться, и среди жителей начался голод. Тогда пифия изрекла, что изобилие наступит, если царь отвратит зло, принеся в жертву свою дочь. Теснимый бедами царь привел Аганиппу к алтарям. Когда ее разрубили на части, Египет, не снеся горя, бросился в реку Мелан, которая поэтому стала называться Египтом».

Но кем бы ни был автор этого трактата, сегодня никто уже не сомневается, что знаменитый историк Плутарх не имел к нему никакого отношения. Что же касается содержания текста, Д. О. Торшилов в своей книге «Античная мифография» пишет о нем: «Самым замечательным свойством трактата является то, что он выдуман из головы от начала до конца. Сообщаемая в нем информация не имеет параллелей в других источниках...»

Коростовцев считает, что миф о приношении девушки реке Нил берет начало в следующем обычае, который, несмотря на христианизацию Египта, сохранился в качестве народной традиции вплоть до арабского завоевания. Во время разлива Нила египтяне спускали на воду судно, на борту которого находилась девушка, исполнявшая роль богини Исиды, Хатор или Нейт. Судно направлялось к так называемым «ниломерам» — сооружениям для измерения

уровня воды. Девушка-богиня, естественно, совершала при этом все необходимые ритуалы, но в воду ее не бросали, и она возвращалась на берег живой и здоровой. Однако греки и римляне, для которых человеческие жертвоприношения были делом достаточно обычным, не могли поверить в столь безобидную практику и истолковали ее по-своему.

Интересно, что, хотя древние египтяне девушек в Нил и не бросали, в современном Каире каждый август проводится праздник поклонения Нилу — «Вафаа эль-Нил». В этот день, в память о якобы совершавшихся жертвоприношениях, в реку в торжественной обстановке прыгает красивая девушка. Правда, она обязательно умеет плавать.

Начало китайской государственности положил мифический государь Хуан-ди, или, как его называют, Желтый Владыка; с него началась эпоха «пяти императоров», причем остальные четверо, возможно, были не менее мифическими (хотя последние два и фигурируют в древнейших письменных памятниках Китая). Реальность пришедшей им на смену династии Ся тоже вызывает сомнения у ученых, несмотря на то, что китайская хроника называет имена ее правителей, а исследователи подсчитали точные даты их царствований. Но будь властители Ся реальными или мифическими, правили они до начала шестнадцатого века до н. э., после чего им на смену пришла династия Шан, реальность которой уже ни у кого никаких сомнений не вызывает. Шанцы (они же иньцы) создали царство Шан-Инь на равнине Хуанхэ.

О том, как жили шанцы, мы знаем не только из хроник, но и из материалов археологических раскопок. А кроме того, время донесло до сегодняшнего дня огромное количество совершенно уникальных письменных памятников той эпохи — «гадательных костей». Традиция гадания на костях уходит корнями еще в неолит, но гадательные кости, относящиеся к эпохе Шан-Инь, насчитываются многими тысячами. В одном только городе Аньян их было найдено около двадцати тысяч.

Людам нового времени тоже случается бросить «кости», чтобы узнать судьбу. Но мы при этом лишь смотрим на то, как легли игральные камушки, которые давно уже не имеют к подлинным костям никакого отношения. Шанцы гадали на костях совсем иначе, и кости при этом использовали самые настоящие: лопатки животных или пластроны (нижние части панциря) черепах. Гадатель нагревал участок кости с помощью раскаленного стержня и по форме трещин пытался дать ответ на заданный ему вопрос. Но что самое главное: и вопрос, и полученный ответ, и дату гадания, и имя гадателя, а иногда и информацию о том, сбылось ли предсказание, на этой кости записывали. Поэтому кости сохранили бесценный материал о том, какие вопросы волновали шанцев, прежде всего шанских правителей, и как они пытались разрешить свои проблемы.

Часто запись на кости содержала просьбу к богам или усопшим предкам, а заодно и обещание принести им жертвы в случае, если гадание пройдет успешно и духи дадут добро. Анализ текстов показал, что весьма распространенной жертвой, которую предлагали шанцы, были люди. Так, на 1974 год ученые насчитывали около двух тысяч гадательных надписей, в которых говорилось о человеческих жертвоприношениях шанцев. Например: «Предку Гэну принесим в жертву триста человек из племени цян (одна из народностей, враждебных шанцам. — *О. И.*)». Число одновременно принесенных в жертву людей могло достигать многих сотен. Общее их количество, поддающееся исчислению, — 13052. Еще на 1145 костях количество жертв не названо, но даже если взять по минимуму и считать, что в этих случаях имелся в виду только один человек, всего в надписях на гадательных костях шанцев было упомянуто 14197 принесенных в жертву людей. А с тех пор, как эти подсчеты были сделаны китайским ученым Ху Хоу-сюанем, коллекции гадательных костей, находящихся в распоряжении ученых, сильно пополнились; кроме того, далеко не все кости вообще сохранились до нынешнего дня. Это значит, что только те человеческие жертвы, которые были принесены по результатам гадания, могли исчисляться многими десятками, а возможно, и сотнями тысяч.

Это невероятное количество людей было погублено в честь божеств гор и рек (в гадательных надписях упоминаются десятки имен таких богов). А кроме того, множество людей было принесено в жертву сравнительно небольшому количеству покойных царей и глав наследственных домов. Китайцам попроще заупокойные жертвы в те времена полагались самые скромные. Дело в том, что, согласно верованиям древних жителей Поднебесной, у каждого человека было две души: материальная «по» и духовная «хунь». Позднее возникло мнение, что душ типа «по» может быть до семи, а типа «хунь» — до трех. Но так или иначе душа «по», будь она одна или несколько, вместе со смертью человека превращалась в дух, называемый «гуй», который уходил в землю вместе с телом. Он обитал в могиле, а по разложению тела отправлялся к некоему Желтому источнику, про который в «Истории династии Хань» говорится, что он «под землей, мрачен в глубине» и что, «уж если умер, некого вместо себя туда послать». Дух «гуй» влачил возле Желтого источника призрачное существование и через некоторое время полностью растворялся во Вселенной. Именно этому духу предназначалась жертвенная пища и скромное имущество, которое родственники укладывали в могилу. Но дух «гуй» не требовал особой заботы, поскольку личность умершего была сосредоточена не в нем, а в душе «хунь», которая возносилась в небо и становилась душой «шэнь». «Шэнь» сохраняла память о близких, оставшихся на земле, именно она была посредником между людьми и силами Неба, и именно ей надлежало приносить жертвы, чтобы она не отказала в помощи жителям Поднебесной.

Позднее появилось мнение, что у покойных китайцев есть еще одна душа, живущая в поминальной табличке на семейном алтаре. Но в эпоху Шан-Инь считалось, что душ только две, причем и те имеются далеко не у всех. Простолюдинам «шэнь» не полагалась, поэтому и особых жертвоприношений их покойники не требовали, а интересы духа «гуй» не шли дальше удовлетворения самых простых потребностей; кроме того, этот дух не мог оказать реального влияния на земную жизнь своих потомков. У людей познатнее имелся не только «гуй», но и помнящая

о своих потомках «шэнь». Однако и она была не бессмертна и достаточно скоро уходила в небытие. Таким образом, интересы живых людей на Небе могли представлять лишь «шэнь» царей-ванов, которые обладали не только бессмертием, но и значительным влиянием в небесной иерархии. И для того, чтобы они использовали это влияние на благо живых, им следовало приносить достойные жертвы, в том числе и человеческие. Забота об усопших властителях была направлена на благо всего государства, и поэтому размах ей тоже был придан поистине державный. Он подтверждается не только надписями на гадательных костях, но и многочисленными археологическими находками.

Еще на заре Шанской династии во дворце поселения Эрлитоу заживо закапывали в землю людей. Археологи обнаружили могилы шириной всего 32 сантиметра, а в них — скелеты с заломленными назад руками, видимо, они были связаны. При раскопках городища Чжэнчжоу — столицы раннеиньского государства — была найдена платформа из слоев утрамбованной земли, площадью 340 квадратных метров. В ее основании лежали многочисленные человеческие черепа.

Более десяти гигантских крестообразных подземных усыпальниц было найдено в Аньяне. Глубина их превышает десять метров, площадь крупнейшей из них — 380 квадратных метров. Погребальные камеры шанских владык были заполнены бронзовым оружием, драгоценной утварью, золотыми и нефритовыми украшениями. Отдельно погребены повозки с лошадьми и возничими. Ученые подсчитали, что для строительства каждого из этих сооружений требовалось не менее семи тысяч человеко-дней. В усыпальницах, помимо самих почивших ванов, лежали скелеты сотен людей. А снаружи простирались целые кладбища: могилы обезглавленных военнопленных с руками, связанными за спиной. Тысячи их голов были погребены в отдельных ямах.

О том, что жертвы были в основном военнопленными, говорит анализ их останков: если собственно шанцы, найденные в обычных могилах с инвентарем и оружием, отличались антропологической однородностью, то в жерт-

венных захоронениях можно встретить людей самых разных национальностей. Рабский труд тогда еще не находил массового применения. По-видимому, охранять и кормить большое количество подневольных работников было не всегда выгодно, но при этом всегда опасно. Есть данные, что пленников могли использовать на каких-то трудоемких разовых работах: сооружении гигантских гробниц, ликвидации последствий наводнений — но потом их рано или поздно убивали в угоду ритуалу, а возможно, и за ненадобностью. Пленных могли привлекать и к весенним земледельческим работам, после окончания которых они участвовали в обряде плодородия и приносились в жертву в рамках ритуала «священного брака». Известна такая надпись эпохи Шан-Инь: «Ван повелел многим цзянам совершить обряд плодородия на полях».

Ритуальные захоронения эпохи Шан-Инь встречаются не только в мавзолеях ванов, но и в значительно более скромных гробницах. Вероятно, эти гробницы принадлежали главам знатных, прежде всего жреческих родов, которые брали с собой в загробный мир по несколько рабов.

С приходом к власти династии Чжоу, сменившей Инь в одиннадцатом веке до н. э., обычай человеческих жертвоприношений начинает понемногу выходить из употребления. Первым властителем, который, как сообщает предание, «не принимал человеческих жертвоприношений», был основатель чжоуской государственности Чжоу-гун.

Одно из последних массовых человеческих жертвоприношений в Китае было совершено в 621 году до н. э.: с правителем Му-гуном было похоронено 177 человек. Но Му-гун был владыкой вассального царства Цинь, которое просвещенные чжоусцы считали «полуварварским». Впрочем, даже его земляки осудили правителя. Главный историограф императорского дворца «Отец китайской историографии» Сыма Цянь, живший на рубеже II—I веков до н. э., писал:

«На тридцать девятом году правления Му-гун умер и был похоронен в Юн. С ним принесли в жертву и захоронили сто семьдесят семь человек. В числе захороненных с покойным находились трое верных слуг дома Цинь

из рода Цзы-юй — Янь-си, Чжун-хан и Чжэнь-ху. Циньцы, скорбя об ушедших, сложили в их честь песню «Иволга»... А благородные мужи сказали: «Циньский Му-гун расширил земли и увеличил число наших владений... Но то, что он не стал главой союза владетельных князей, также сообразуется с обстоятельствами. Ведь он умер, покинув свой народ, более того, взял еще и своих верных чиновников с собой в могилу. Между тем прежние ваны, умирая, оставляли все-таки потомкам моральные нормы, завещали выработанные ими законы. Как же Му-гун мог взять в могилу лучших людей и верных слуг, тех, по ком так скорбят байсины (знать. — *О. И.*)?»

Сыма Цянь сообщает в своей хронике, что «...на первом году правления Сянь-гуна (384 г. до н. э.) запретили приносить в жертву людей для сопровождения умерших». Впрочем, человеческие жертвоприношения, пусть редкие, случались до конца эпохи Борющихся Царств — почти до конца третьего века до н. э.

Эпоха Борющихся Царств закончилась с приходом к власти в 221 году до н. э. императора Цинь Ши-хуанди, объединившего Китай и основавшего империю Цинь. Император был новатором, максималистом и праведником. «Я преклоняюсь перед праведниками, поэтому я буду именовать себя “праведником”», — без ложной скромности заявил Цинь Ши-хуанди. Он затеял строительство Великой китайской стены и приказал сжечь все книги, которые ему не нравились (а нравились ему только трактаты по медицине, лекарствам, гаданиям на панцирях черепах и стеблях, по земледелию и разведению деревьев). Кроме того, он обожествил самого себя и построил себе гигантскую гробницу, периметр внешней стены которой составляет шесть километров. Сыма Цянь пишет:

«В девятой луне прах Ши-хуана погребли в горе Лишань. Ши-хуан, впервые придя к власти, тогда же стал пробивать гору Лишань и устраивать в ней склеп; объединив Поднебесную, он послал туда со всей Поднебесной свыше семисот тысяч преступников. Они углубились до третьих вод, залили стены бронзой и спустили вниз саркофаг. Склеп

наполнили перевезенные и опущенные туда копии дворцов, фигуры чиновников всех рангов, редкие вещи и необыкновенные драгоценности. Мастерам приказали сделать луки-самострелы, чтобы, установленные там, они стреляли в тех, кто попытается прорыть ход и пробраться в усыпальницу. Из ртути сделали большие и малые реки и моря, причем ртуть самопроизвольно переливалась в них. На потолке изобразили картину неба, на полу — очертания земли. Светильники наполнили жиром жэнь-юев (вид рыб. — *О. И.*) в расчете, что огонь долго не потухнет».

К этому времени китайцы уже давно признали, что идущая на Небо душа «шэнь» имеется у всех, в том числе и у самых безродных людей. «Шэнь» простолюдина не обладала бессмертием, но обладала достаточно долгим существованием, и, казалось бы, именно теперь человеческие жертвоприношения могли получить какую-то логику — ведь раньше было не вполне понятно, как лишённые «шэнь» слуги отправлялись за своим господином. Тем не менее ко времени правления Цинь Ши-хуанди заупокойные человеческие жертвы были уже непопулярны, и вопрос о загробных слугах императору пришлось решать по-новому.

Назвать императора гуманистом было бы трудно: предание гласит, что он велел живьем закопать в землю 460 конфуцианских ученых, с которыми у него случились философские разногласия. Император, в частности, был обижен на то, что он «весьма щедро одаривал» ученых, а «теперь, — заявил он, — они клеветают на меня, обвиняя в отсутствии добродетелей». Но был ли Цинь Ши-хуанди добродетелен или нет, на своих похоронах он все же решил заменить живых людей терракотовыми.

Вообще говоря, и статуэтки, и крупные скульптурные фигуры использовались в похоронном ритуале китайцев и раньше. Еще в одной из гробниц эпохи Шан-Инь, принадлежавшей, вероятно, верховной жрице, была найдена целая коллекция нефритовых фигурок, изображавших людей разных народов и разного общественного положения. Каменные изваяния было принято выстраивать вдоль дороги, ведущей к гробнице знатного человека. Но Цинь Ши-хуанди подошел к вопросу с воистину императорским размахом.

Он приказал вырыть неподалеку от своей гробницы одиннадцать подземных тоннелей и поместить в них изваянные из терракоты скульптуры воинов и приближенных. Общее количество их превышает восемь тысяч (раскопки еще не закончены); большую часть свиты составляют воины в боевом облачении, с терракотовыми лошадьми и деревянными колесницами, но раскопаны также статуи чиновников, музыкантов и акробатов. Все фигуры изваяны в полный человеческий рост и имеют индивидуальные черты лица. В древности терракотовые воины были снабжены настоящим боевым оружием, но спустя четыре года после смерти Цинь Ши-хуанди в стране вспыхнуло восстание. Бунтовщики вскрыли тоннели, в которых обитала глиняная армия, и изъяли оружие на нужды армии живой.

Несмотря на то что Цинь Ши-хуанди, по-видимому, собирался в загробной жизни удовлетвориться услугами терракотовых приближенных, похороны императора, по инициативе его преемника Эр Ши-хуанди, сопровождались массовыми человеческими жертвами. Сыма Цянь пишет:

«Эр-ши сказал: «Всех бездетных обительниц задних покоев дворца покойного императора прогонять не должно», и приказал всех их захоронить вместе с покойником. Погибших было множество. Когда гроб императора уже спустили вниз, кто-то сказал, что мастера, делавшие все устройства и прятавшие ценности, знают все и могут проболтаться о скрытых сокровищах. Поэтому, когда церемония похорон завершилась и все было укрыто, заложили среднюю дверь прохода, после чего спустили наружную дверь, наглухо замуровав всех мастеровых и тех, кто наполнял могилу ценностями, так что никто оттуда не вышел. Сверху посадили траву и деревья, чтобы могила приняла вид обычной горы».

Китайская религиозная традиция всегда отводила богам достаточно скромное место, основной акцент делался на служении духам покойных предков. Тем не менее богам тоже приносились жертвы. Мы уже упоминали, что богам, олицетворяющим горы и реки Китая, приносились жертвы,

о которых написано на множестве гадательных костей. Описание подобных жертвоприношений сохранилось и в литературе. Так, хроника «Цзо чжуань» рассказывает о том, что в середине шестого века до н. э. в царстве Чу осужденные преступники были принесены в жертву Земле и духу горы Ган. А уже упоминавшийся нами Сыма Цянь писал о том, что в царстве Вэй до рубежа IV–III веков до н. э. существовал обычай приносить в жертву Хэ-бо, духу реки Хуанхэ, красивую девушку. Она предназначалась в жены духу, ее одевали в свадебный наряд, сажали на роскошное ложе и пускали по течению. Через некоторое время и ложе, и девушка тонули, после чего жертва считалась принятой... Очень распространены были и человеческие жертвоприношения божеству Земли.

На холме Цювань, недалеко от города Суйчжоу, в середине двадцатого века был обнаружен археологический памятник общей площадью около трех тысяч квадратных метров. На протяжении нескольких эпох здесь жили люди; археологи нашли остатки жилищ, очаги, множество предметов домашнего обихода: каменные и бронзовые ножи и топоры, наконечники стрел из раковин и бронзы, рыболовные крючки... Большинство находок относится к эпохе Шан-Инь. К этой же эпохе относится и ритуальный комплекс, в котором были похоронены двадцать человек — нестарых еще мужчин и женщин — и двенадцать собак. Люди лежали ничком, с ногами, согнутыми в коленях, у многих руки были связаны за спиной. Примерно у половины черепа размозжены камнями. Между людьми были разбросаны останки собак. Могилы вырыты не были: площадку, где проходил ритуал, попросту засыпали землей. Причем останки как людей, так и животных располагались в двух лежащих друг над другом слоях земли — видимо, ритуал проводили дважды.

Особый интерес археологов вызвал тот факт, что все скелеты — и людей, и животных — были обращены головами в сторону больших необработанных камней, расположенных в центре могильника. Вероятно, это был алтарь — символ какого-то божества, дважды потребовавшего от шанцев кровавой жертвы.

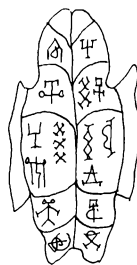

Исследователи высказывают гипотезу, что алтарь был посвящен Шэ — древнему божеству Земли. Камни вообще часто служили символами и воплощениями Шэ, а традиция приносить Земле человеческие жертвы продержалась в Китае до третьего века до н. э. Своими корнями эта традиция уходит в глубочайшую древность, о ней упоминается еще в книге «Шу цзин». Книга в нынешней ее редакции приписывается Конфуцию, который, согласно преданию, собрал и отредактировал древние тексты. Сами тексты восходят ко второй половине второго тысячелетия до н. э., а события, которые в них упоминаются, традиция датирует концом третьего тысячелетия. Согласно «Шу цзин», Ци, второй правитель легендарной династии Ся, сказал: «Те, кто выполнит мои приказы, будут награждены в храме моих предков. Те, кто не выполнит моих приказов, будут казнены у алтаря Земли: я порабошу ваши семьи, а вас самих умерщвлю».

Казни политических противников, проводимые в форме жертвоприношения Земле, проводились и позже. Хроника «Цзо чжуань» рассказывает, что в середине седьмого века до н. э. в царстве Сун был принесен в жертву Земле правитель царства Цзэн, попавший в плен к сунцам.

Еще одним древним обычаем, в соответствии с которым китайцы иногда приносили в жертву людей, был ритуал выставления шаманок. Ритуал этот в разных вариантах существовал у многих древних народов. В Китае он восходил к легенде о том, как над землей одновременно встали десять солнц, иссушая все живое, и шаманка Нюй-чоу в темном платье вышла на равнину и стала читать заклинания, вызывающие дождь. Заклинания не помогли, и Нюй-чоу умерла от жара. Но в конце концов знаменитый стрелок И поразил девять из десяти солнц своими стрелами, и земля была избавлена от засухи. В записях эпохи Шан-Инь уже упоминается ритуал «чжи», согласно которому женщина-шаманка становилась воплощением демона засухи Хань-бо. А в чжоуском Китае борьба с демоном получила государственный статус: специальные чиновники «чжибоши» были ответственны за то, чтобы в случае засухи обряд выставления шаманок проводился вовремя и с соблюдением всех необходимых ритуалов.

Сам по себе обряд не был связан с казнью шаманок: женщины должны были выходить в поле голыми или одетыми в темные платья и стоять там под палящим солнцем, обрекая себя в жертву злобному Хань-бо. Если это помогало и начинался дождь, все оканчивалось для шаманок благополучно. Но если дождя не было достаточно долго, то шаманки могли попросту погибнуть от жары. Если же и этого не случалось, то китайцы иногда прибегали к крайней мере: шаманку сжигали, принося ее в жертву духу засухи. Иногда женщины совершали добровольное самосожжение на благо своих сограждан. Впрочем, согласно хронике «Цзо чжуань», уже в седьмом веке до н. э. такие крайние формы борьбы с засухой осуждались чиновниками, которые считали, что демона можно вполне удовлетворить простым стоянием в поле. Тем не менее обряд самосожжения шаманок отмечался даже в эпоху Хань, которая началась на рубеже III—II веков до н. э. Но к этому времени человеческие жертвоприношения в Поднебесной уже были большой редкостью.

Первой человеческой жертвой в истории индуизма был первочеловек Пуруша. В «Ригведе» — одном из древнейших в мире религиозных текстов, составленном во втором тысячелетии до н. э. — рассказывается о том, как боги, садхья (низшие боги) и риши (божественные мудрецы) принесли Пурушу в жертву и сотворили из него весь ныне существующий мир.

Когда боги предприняли жертвоприношение
С Пурушей как с жертвенным даром,
Весна была его жертвенным маслом,
Лето — дровами, осень — жертвенным даром.

Его как жертву кропили на жертвенной соломе,
Пурушу, рожденного в начале.
Его принесли себе в жертву боги
И те, что садхья и риши.

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Было собрано крапчатое жертвенное масло.
Он сделал из него животных, обитающих в воздухе,
В лесу и тех, что в деревне.

В одном из гимнов «Ригведы» подробно описывается, как из частей тела первочеловека были созданы четыре варны индийского кастового общества: брахманы, естест-

венно, родились из головы Пуруши, раджаньи, или воины-кшатрии, — из рук, торговцы-вайшьи — из бедер и, наконец, слуги-шудры — из ног. Из остальных частей тела были созданы небо, солнце, земля, ветер и прочие полезные элементы бытия. Из пупа возникло воздушное пространство, из уст — боги Индра и Агни. Не пропал даром и дух Пуруши, из которого, как ни странно, сделали такое материальное тело, как луна. И, наконец, из его уха, напротив, были созданы столь абстрактные понятия, как стороны света. Кроме того, из этого жертвоприношения произошли и другие нематериальные реалии, хотя из каких именно органов Пуруши они были созданы, не уточняется:

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Гимны и напевы родились,
Стихотворные размеры родились из нее,
Ритуальная формула из нее родилась.

Поскольку еще раньше Пуруша позаботился о том, чтобы родить собственную мать, то на этом акт творения мира можно было считать законченным: «Так они устроили миры». Сам Пуруша был сожжен на жертвеннике, причем в жертву он был принесен самому себе.

У него было семь поленьев ограды (костра),
Трижды семь были сделаны как дрова (для костра),
Когда боги, совершая жертвоприношение,
Привязали Пурушу, как жертвенное животное.
Жертвою боги пожертвовали жертве.
Таковы были первые формы жертвоприношения.

С тех пор человеческое жертвоприношение, совершенное по обрядам ведической религии (раннего этапа развития индуизма), называлось у индусов «пурушамедха».

Индуизм знал и другого бога, который тоже участвовал в творении мира. Этим богом был Праджapati, которого иногда отождествляли с Пурушей. Праджapati хотя и не был принесен в жертву в буквальном смысле слова, но тоже пострадал во время акта творения:

«Когда Праджапати испустил из себя живые существа, суставы его были расчленены. Ведь Праджапати — это Год, и суставы его — это сочленения дня и ночи (т. е. заря и сумерки), полная луна и новая луна и начала времен года. Лишенный суставов, он не мог подняться, и боги вылечили его с помощью агнихотры, скрепив его члены».

«Агнихотра», посредством которого был спасен истощенный творением бог, — это огненное жертвоприношение, совсем не обязательно человеческое (сегодня оно обычно совершается молоком). Но для того, чтобы выполнить этот обряд, нужно было построить алтарь, т. е. совершить еще один сложный ритуал под названием «агничаяна». Собственно, Праджапати с этим алтарем и отождествлялся, и жрецы, складывая алтарь из обязательных 10800 кирпичей, тем самым ритуально собирали самого занемогшего бога. Алтарь мог иметь форму птицы — это символизировало восхождение жертвователя к небу. А в честь той жертвы, которую когда-то принес миру Пуруша-Праджапати, во время строительства алтаря следовало принести в жертву четырех животных и человека — их головы замуровывали в первой кладке из положенных пяти.

В «Яджурведе» — книге о правилах жертвоприношений — одна из глав посвящена жертвоприношениям человеческим. Благочестивым индусам предписывалось в некоторых случаях приносить в жертву до 184 человек разных сословий и каст. Но эти инструкции в историческое время если и применялись, то крайне редко. Уже в «Шатапатхебрахмане», ведическом тексте, созданном в начале первого тысячелетия до н. э., пурушамедху называют устаревшим обрядом. Этому, кстати, есть вполне логичное объяснение: ведь среди людей, которых можно и должно было приносить в жертву, Веды называют и брахманов. Поэтому с того времени, как варна брахманов заняла ведущие позиции в обществе, замена реальных жертв на символические была неизбежна.

Известна, например, такая традиция совершения пурушамедхи членами царского дома. Человек — обязательно брахман или кшатрий — покупался за сто коней или тысячу коров. После этого он в течение года оставался на свободе

и мог жить вполне привольно, отказывая себе лишь в единственной радости — общении с женщиной. Но по истечении года жертву вместе с многочисленными животными убивали, и царица совершала имитацию полового акта с его трупом. Этот ритуал, в котором убитый брахман уподоблялся божественному Пуруше, должен был способствовать благосостоянию и процветанию всего государства.

Обряд пурушамедхи описывается примерно в таком виде в целом ряде сутр, но лишь две из них рекомендуют действительно убить злополучного брахмана. Остальные позволяют заменить его в последний момент жертвенным животным и отпустить на волю.

История не сохранила ни одного случая, когда этот ритуал проводился бы с реальным убийством человека. Но существует очень близкий обряд, который действительно проводился неоднократно и в котором вместо человека с самого начала используется конь. Обряд этот назывался «ашвамедха», и совершать его имел право только царь. Избранный им конь в течение года гарцевал на свободе (его лишь оберегали от общения с кобылицами), причем сам царь и его дружина должны были следовать за животным, принимая изъявления покорности от местных владык или завоевывая их земли. Завершался год сложным ритуалом, включающим убийство коня (на что должно было получить его согласие) и ритуальную близость царицы с его трупом. Потом коня рассекали на части, поджаривали и предлагали различным божествам. Жрецы при этом обряде в отличие от пурушамедхи не только оставались живы, но и получали в качестве награды женщин из царского гарема. Ритуал этот считался очень значимым. В «Шатапатхе-брахмане» говорится: «На самом деле ашвамедха — это все, и тот, кто, будучи брахманом, не знает ничего об ашвамедхе, не знает ничего ни о чем, это не брахман, и он заслуживает того, чтобы его лишили достоинства.

Но если практика индийских культов в основном отошла от человеческих жертвоприношений еще в глубокой древности, то в эпосе эта тема освещается часто и подробно, причем не является особой редкостью и доброволь-

ное принесение себя в жертву — такие жертвы приносили не только люди, но и существа сверхъестественные. Так, в «Рамаяне» описывается судьба нечестивого царя демонов-ракшасов Раваны, который возмечтал сравниться могуществом со своим сводным братом Куберой. Для того чтобы достичь совершенства, Равана постился тысячу лет, а потом сжег в качестве жертвы все десять своих голов, не оставив ни одной. Впрочем, ему недолго пришлось оставаться безголовым — восхищенный его подвигом Брахма не только вернул подвижнику все его головы, но и даровал неуязвимость от богов и демонов, а еще — способность принимать любой облик по желанию.

В «Матсья-пуране» рассказывается о том, как похожую жертву принес Тарака, сын Ваджранги. Он тоже мечтал о могуществе — оно было необходимо ему для того, чтобы отомстить богу Индре, обидевшему мать Тараки — Варангу. Тарака провел в подвижничестве многие годы. Он поселился в уединенной горной пещере, отказался от пищи и томил свое тело огнем костра и солнечным зноем, а под конец решил принести в жертву Брахме собственное тело. Тарака стал срезать с себя куски плоти и бросать в жертвенный костер. Настал день, когда к ставшему абсолютно бестелесным подвижнику явился сам изумленный Брахма и предложил выбрать любой божественный дар. Сначала Тарака попросил бога о неуязвимости в битвах, но в этом ему было отказано. Взамен Брахма предоставил герою право выбрать себе любую кончину, какую он только пожелает. Тарака подумал, что сумеет таким образом решить вопрос с неуязвимостью, и попросил, чтобы только семидневный младенец мог лишить его жизни. Желание подвижника было исполнено, но его кровавое жертвоприношение оказалось в определенном смысле бесполезным — Тарака действительно пал от руки младенца. Этим младенцем оказался сын Шивы — бог Сканды, который своей палицей снес с плеч голову героя.

Еще один герой индийского эпоса, царь Харишчандра, упомянутый во множестве литературных источников, тоже пытался снискать расположение богов человеческими жертвами, но в отличие от Раваны и Тараки он собирал-

ся возложить на алтарь собственного сына. Разные авторы рассказывают об этом по-разному, но в целом дело обстояло примерно следующим образом.

У царя Харишчандры было сто жен, но ни одна не подарила ему наследника. Харишчандра попросил в этом деликатном деле совета у мудреца Нарады, и тот порекомендовал царю обратиться к богу Варуне и пообещать ему своего первенца в жертву. Царь так и сделал, и вскоре у него родился сын, которого назвали Рохита. Варуна немедленно потребовал от царя обещанной жертвы, но Харишчандра отговорился тем, что даже животных приносят в жертву только через десять дней после их рождения. В названный срок бог вернулся к этому вопросу, но царь заявил, что жертву не принято убивать, пока у нее не прорежутся зубы...

Так тянулось много лет, пока Рохита не вырос и не узнал, какая участь ему уготована. Тогда юноша убежал из дома и целый год скитался в лесу. Когда до него дошел слух, что Варун в отместку за обман наслал на его отца водянку, Рохита хотел вернуться домой и отдаться в руки жрецов, но бог Индра отговорил его, и юноша вернулся в лес. Тем не менее совесть благочестивого юноши была неспокойна, и, когда однажды Рохита встретил нищего брахмана с семейством, он за сто коров купил одного из его сыновей, Шунахшепу, чтобы принести в жертву вместо себя. Варуна согласился, поскольку сам Рохита был всего лишь кшатрием, а взамен предложил брахмана, принадлежавшего к более высокой варне. Недоволен был только Шунахшепа, согласиём которого никто не поинтересовался. На его счастье, когда все уже было готово для жертвоприношения, он увидел среди собравшихся своего родственника, мудреца Вишвамитру. Юноша бросился к ногам мудреца и умолял его о спасении. Вишвамитра был готов прийти на помощь родичу и предложил своим сыновьям заменить его на алтаре, но те отказались. Возмущенный таким непочтительным отношением к себе отец проклял своих сыновей и решил вопрос иначе. Он поведал Шунахшепе две заветные мантры, обращенные к богине утренней зари Ушас.

Юношу обрядили в ритуальные красные одежды, надели ему на шею венок и привели к жертвенному столбу. Но в эту

эпоху (а быть может, в ту эпоху, когда складывался эпос) отношение к человеческим жертвоприношениям в индийском обществе уже было неоднозначным. Во всяком случае, ни один из жрецов не взял на себя смелость собственными руками привязать юношу к столбу — это согласился сделать сам отец Шунахшепы, при условии, что ему дадут еще сто коров в дополнение к уже полученным за сына. Коровы были обещаны, и отец привязал сына ритуальной веревкой, сплетенной из священной травы куша. Та же история повторилась, когда пришло время самого жертвоприношения, и снова отец согласился взять на себя эту миссию еще за сто коров.

Но дело кончилось самым благополучным образом. Когда отец с остро отточенным ножом уже приближался к сыну, тот взмолился богине Ушас, и веревки спали с него одна за другой, а заодно и царь избавился от водянки. Все возликовали. А мудрый Вишвамитра, проклявший своих сыновей, усыновил спасенного Шунахшепу и воспитал из него мудреца, не менее знаменитого, чем он сам, и великого знатока жертвоприношений — эта тема была юноше знакома не понаслышке.

История, во многом похожая на предыдущую, как сообщает «Махабхарата», произошла со славным царем по имени Сوماка. У него было сто жен, но ни одного наследника. И вот, когда царь был уже немолод, долгожданный сын появился на свет. Мальчику дали имя Джанту, он рос в любви и неге, и все сто царских жен о нем заботились... Несчастье произошло от того, что мальчика укусила муравей. Ребенок поплакал и успокоился, но царь, который не сразу понял, в чем дело, страшно разволновался. А когда он понял, что ничего страшного не произошло, то разволновался еще больше. Ведь если жалкий муравей заставил его так испугаться за сына, что же будет, когда мальчику станет угрожать настоящая опасность! Царь подумал, что лучше совсем не иметь детей, чем иметь одного ребенка, за которого постоянно волнуешься. Но он был уже стар, и надежды на новых детей у него не было...

И тогда верховный жрец объявил Сوماке, что знает средство для обеспечения многодетности. Он предложил ему

принести в жертву своего единственного сына и пообещал, что жены царя, вдохнув запах горящего жертвенного мяса, немедленно забеременеют. А сожженный мальчик обретет новое рождение в чреве своей матери, и его нетрудно будет узнать по золотой родинке на спине.

Царь, несмотря на дружное сопротивление всех ста своих жен, так и сделал. Жрец не обманул Сомаку, и вскоре у него действительно родилось сто сыновей, причем один — с золотой родинкой на спине. Его снова назвали Джанту, объявили наследником, и все царские жены любили его больше своих собственных детей. На этом история, произошедшая, возможно, в конце второго — начале первого тысячелетий до н. э., могла бы иметь счастливый конец. Но к тому времени, когда она вошла в состав «Махабхараты», взгляды индийцев в отношении человеческих жертвоприношений уже не были столь терпимы. Основная редакция «Махабхараты» была записана во втором веке до н. э., а современный вид эпос приобрел к пятому веку н. э. Но даже и в седьмом веке до н. э., когда была записана первая версия поэмы, оставить безнаказанным жертвоприношение ребенка уже было трудно. Поэтому, несмотря на явный «хэппи-энд», оба инициатора ритуала понесли заслуженную кару. Сначала умер жрец. Потом умер и царь — впрочем, оба были уже немолоды. Но когда Сомака, направляясь в «воинский рай» бога Индры, проходил через загробные владения подземного бога Ямы, он увидел там своего советчика — верховного жреца, горящего в огне. Жрец поведал, что терпит это наказание за подстрекательство к человеческому жертвоприношению. Тогда Сомака, который тоже чувствовал за собой вину, решил разделить мучения жреца и остался в аду. Впрочем, в конце концов оба грешника очистились от скверны, и бог Яма отпустил их на небо.

В рамках основных направлений брахманизма, который пришел на смену древней ведической религии в первые века первого тысячелетия до н. э., человеческие жертвоприношения не были приняты. А царь Ашока, в третьем веке до н. э. объединивший под своей властью большую часть Индии, запретил использовать в качестве жертв любые живые суще-

ства, поскольку он был активным проповедником буддизма. Впрочем, в первые годы своего правления царь не отличался кротостью нрава. Так, он объявил войну государству Калинга и после ее успешного завершения сообщил в специальном эдикте, что убил сто тысяч человек и взял в плен еще сто пятьдесят тысяч. Но пройдя по местам сражений и увидев собственными глазами результаты своей внешней политики, царь устыдился. После чего его правление действительно носило самый гуманный характер.

Ашока не только прекратил кровавые жертвоприношения, но и составил список охраняемых животных. Он запретил бесцельное выжигание лесов и охоту ради удовольствия. Царь направил много сил и средств на развитие медицины и ветеринарии и своих подданных старался наставлять на путь гуманизма. Он писал: «Основываясь на дхарме, я повелел защищать животных и многое другое. Но именно благодаря переубеждению в народе возросла дхарма не убивать живых существ и не вредить им». Царь строил больницы, бесплатные гостиницы и школы, запретил использовать людей на принудительных работах. Он создал нечто вроде института правозащитников — «махаматр», которые следили за соблюдением принципов гуманизма по всей стране, в частности, инспектировали тюрьмы. Ашока писал: «... Они следят за достойным содержанием заключенных и их освобождением, и если махаматры считают: «Этому необходимо содержать семью», «Этого оговорили», «Этот стар», то они следят, чтобы таких заключенных освободили».

Власть Ашоки — главы империи Маурьев — простиралась на огромную территорию от Индийского океана до вершин Гималаев. Но начинания императора не были поддержаны его наследниками, а в начале второго века империя Маурьев пала, и страна разделилась на отдельные царства, в каждом из которых были свои религиозные традиции и свои представления о гуманности. И несмотря на то что и основные направления индуизма, и появившийся в шестом веке до н. э. буддизм, и ислам, массово пришедший на территорию Северной Индии в двенадцатом веке, категорически не признавали человеческих жертвоприношений, они продолжали совершаться отдельными племенами и сектами.

Племена нага, населяющие горы Северо-Восточной Индии, славились как охотники за головами. Головы играли в культовой жизни нага большую роль, поэтому нага не только вели множество войн, но и затевали постоянные стычки между деревнями и даже между кварталами внутри одной деревни. Целью всех этих усобиц были прежде всего головы, причем не обязательно врагов. Голова была магическим амулетом и «работала» совершенно независимо от того, принадлежит она воину или женщине, добыта в честном бою или при нападении на спящего ребенка. Каждая голова обеспечивала воину и благоволение богов, и уважение соплеменников, и внимание девушек; она охраняла его от болезней, оберегала от несчастий, приносила богатство. Поэтому за головами тщательно ухаживали: их торжественно помещали в специальные хранилища или нанизывали на ветви деревьев-идолов. У некоторых нага существовал обычай угощать головы рисовым пивом.

Еще один вид ритуальных убийств описывает Фрэзер в своей «Золотой ветви»:

«По сообщению одного старого путешественника, в провинции Кучлакар «есть языческий храм, а в нем находится высокочтимый идол; раз в 12 лет в его честь устраивается роскошное пиршество, нечто вроде юбилейного торжества, на которое созываются все здешние язычники. Этот храм владеет большим количеством земли и получает значительные доходы. Местный царек управляет провинцией не более двенадцати лет, то есть от одного праздника до другого. Когда этот период подходит к концу, на праздник собираются несметные толпы людей, и большие деньги тратятся на угощение брахманов. Для царька воздвигается деревянный помост, задрапированный шелковой тканью. В день торжества под звуки музыки он в сопровождении пышной процессии отправляется к водоему, чтобы совершить омовение, после чего молится в храме местному божку. Затем царек на глазах собравшихся поднимается на помост, берет очень острый нож и начинает отрезать себе нос, губы, уши и остальные мягкие части тела. Отрезанные куски он поспешно отбрасывает, пока не начинает терять сознание от потери крови. В заключение он перере-

зает себе горло. Таков обряд принесения жертвы местному божку. Будущий преемник правителя должен находиться в толпе зрителей и оттуда взойти на трон».

У народности хондов долгое время существовал обряд добровольной жертвы, направленной на повышение урожая. Община покупала согласие человека умереть, а иногда родители продавали для этой цели ребенка, после чего он мог долгие годы жить и даже жениться и иметь детей. Но когда возникала необходимость позаботиться об урожае, жертву освящали, отождествляя ее с божеством, а потом опаивали опиумом и удушали. Тело жертвы разрезали на множество кусков, которые закапывали в землю по всем окрестным полям.

Человеческих жертвоприношений требовала от своих почитателей богиня Котравей, культ которой постепенно объединился с культом Дурги, супруги Шивы. Написанная в пятом веке н. э. в Южной Индии «Повесть о браслете» рассказывает о том, как воины сами отрубали себе головы и бросали их на жертвенник, предварив это действие словами: «Вот наш жертвенный долг! Прими кровь, струящуюся из горла, как плату за победоносную силу!»

В Северо-Восточной Индии богине Дурге тоже приносились добровольные жертвы. Тем, кто высказывал желание умереть во имя богини, воздавали божественные почести. Князя награждали их богатыми подарками и допускали в свой гарем, а жены считали для себя великой честью отдаться человеку, посвященному богине. В день церемонии назначенного в жертву человека облачали в великолепные одеяния, умашали красным сандалом и украшали цветами, а потом, после медитации и пения мантр, отсекали ему голову. Голова жертвы помещалась на золотом подносе возле статуи богини, а тело, приготовленное соответствующим образом, съедалось жрецами, раджей и его приближенными. Последняя известная попытка такого жертвоприношения состоялась в 1832 году. Жрецы не смогли найти добровольца и решили заменить его принудительной жертвой. Но похищенный ими человек успел бежать и сообщить обо всем британским властям. После чего раджа был смещен, а ритуал прекратился.

Кали, одной из ипостасей Дурги, тоже продолжала требовать человеческих жертв уже тогда, когда другие боги Индии от них отказались. Имя Кали в переводе означает «черная». Легенда гласит, что она появилась на свет из лица Дурги, почерневшего от гнева. Поскольку и сама Дурга кротостью не отличается, то Кали тем более стала олицетворением зла. Обычно ее изображают одетой в шкуру пантеры, с ожерельем из черепов. В одной из четырех своих рук она держит человеческий череп или отрубленную голову, в других руках у нее — меч или жертвенный нож; из раскрытого рта свисает окровавленный язык.

Средневековые индийские бандиты туги, или таги, посвящали богине Кали свои грабежи, совмещая таким образом профессиональные занятия с богоугодным делом. Чаще всего туги грабили караваны и убивали путешественников. Тела они закапывали ритуальной лопатой, а ценности брали себе. Трудно сказать, что было первично в деятельности тугов, религия или жажда наживы. Но в тридцатые годы девятнадцатого века английские власти Индии положили конец их активности или по крайней мере свели ее к минимуму. Книга рекордов Гиннеса утверждает, что на совести тугов лежит около двух миллионов смертей.

В сегодняшней Индии Кали — не самая популярная богиня, центром ее культа считается Бенгалия. Там стоит посвященный ей храм Калигхата, в честь которого названа столица страны (в европейском произношении — Калькутта). Но человеческие жертвоприношения давно заменены жертвоприношениями животных (правда, очень массовыми). В самой же Индии кровавые жертвоприношения стали скорее исключением. Убийства коров, которые некогда считались самой угодной богам жертвой, давно запрещены или ограничены законом в большинстве штатов Индии.

Одним из самых массовых видов ритуального убийства, точнее, самоубийства, в Индии был обряд «сати» — сожжение вдовы на погребальном костре мужа. Первой женщиной, совершившей саможжение и давшей имя страшному обряду, была Сати, дочь Дакши, жена бога Шивы. Отец Сати обидел ее мужа, отстранив его от жертвоприношения,

и оскорбленная женщина бросилась в священный огонь и сгорела. К похоронам мужа эта история не имела никакого отношения: Шива остался жив-здоров и долго скитался по миру с обгоревшим телом жены, пока другой бог, Вишну, не разрубил останки на множество кусков и не разбросал по миру, создав тем самым места паломничества. Спустя некоторое время Сати возродилась под именем Парвати, снова стала женой Шивы, и все были счастливы. Но почему-то эта история, никак не связанная с заупокойными жертвоприношениями, легла в основу ужасной традиции.

Этот обычай упоминается еще в «Ригведе» — древнейшем памятнике индийской литературы. Но некоторые комментаторы оспаривают подлинность текста, предписывающего женщине всходить на погребальный костер мужа. Существует мнение, что в свое время «Ригведа» рекомендовала вдове после похорон мужа отправляться в «дом», но одну согласную букву в этом слове заменили, в результате чего «дом» превратился в «костер». Так чья-то ошибка, вольная или невольная, стоила жизни многим тысячам женщин. Впрочем, священные тексты, написанные позднее, поддержали нарождающийся обычай. Например, «Вишну смрити» (написанный, по-видимому, в середине первого тысячелетия) рекомендует (впрочем, не настаивая) вдове совершить сати: «Когда умирает муж, ей следует сохранять целомудрие или подняться на его погребальный костер». Другой канонический текст, «Гаруда-пурана», сулит женщине, которая умрет вместе с мужем, столько же лет райской жизни, сколько волос у нее на голове. Впрочем, «Вишну-смрити» обещает: «Добродетельная жена, пребывающая в целомудрии после смерти мужа, даже не имея сыновей, попадет на небеса».

Несмотря на прямые указания священных текстов, в древности обряд сати не получил массового распространения. Он упомянут в эпических поэмах, которые, конечно, основаны на каких-то реальных событиях, но все же не являются историческими документами. Одним из первых бесспорных свидетельств о совершении сати считают надпись, вырезанную на колонне близ Сагара (штат Мадхья-Прадеш) в 510 году н. э. Она гласит:

«Сюда пришел Бханугупта, храбрейший из смертных, великий царь, смелостью равный Арджуне, и сюда последовал за ним Гопараджа, как друг следует за другом. Он сражался в великой и славной битве и отошел на небо, бог среди вождей. Его жена, преданная и любящая, любимая им и прекрасная, последовала за ним в пламя костра».

Во втором тысячелетии сати принимает массовый характер. Добровольность сменяется принуждением — хотя силой женщину на погребальный костер не волокли, но это считалось ее моральным долгом, этого ждали от нее родственники. Жизнь вдовы, которая оставалась в живых после смерти мужа, была в Индии совершенно невыносима. Религиозные законы индуизма запрещали ей повторное замужество. Наследства после мужа она не получала и зависела только от благотворительности его родственников, которые считали предательницей вдову, отказавшуюся идти вслед за покойным. Традиция запрещала вдове носить украшения, посещать храм, выходить на улицу, обедать за одним столом с семьей. Считалось, что вдова приносит несчастье всем, кто общается с ней и живет с ней под одним кровом. Кроме того, и сама смерть мужа была, в определенном смысле, на ее совести: ведь у хорошей жены боги мужа не отберут. Даже если женщина не была замечена ни в каких провинностях, значит, она грешила в прошлой жизни... Только сати могло снять с нее вину и обеспечить и ей, и ее мужу, и другим родственникам хорошую карму и загробное благополучие.

Существуют два вида сати. При «саха-марана» (смерть вместе) женщина сжигает себя на погребальном костре мужа. Но если в этот день ритуал для нее невозможен из-за менструальной нечистоты или беременности, она может совершить его в течение четырех последующих месяцев. Тогда он будет называться «ану-марана» (смерть в одиночку). Кроме того, в некоторых районах Индии, где не была принята кремация, вдова могла живой лечь в могилу своего мужа, и ее хоронили вместе с ним.

Чаще всего индийские женщины совершали «саха-марану». После того, как решение о сати было принято, вдова получала особую власть над окружающими. Все ее жела-

ния исполнялись. Ее проклятие считалось особенно действенным. Но пути назад у женщины уже не было. В назначенный день, в окружении толпы родственников, она шла к водоему, на берегу которого складывали погребальный костер. У раджпутов ее сопровождали воины с обнаженными саблями: с одной стороны, это был почетный эскорт, с другой — символ неизбежности ее смерти. Возле костра вдове давали выпить напитка из сушеных пестиков шафрана, который должен был хоть немного притупить боль. Иногда женщина прыгала в костер с помоста после того, как огонь разгорался. Чаще она садилась рядом с телом мужа, и ее приковывали цепью, чтобы она, загораясь, не выскочила из костра. Если это все-таки случалось, ее шестью заталкивали обратно.

Но далеко не все женщины совершали сати, принуждаемые к этому родней и обстоятельствами. Многие действительно видели в этом свой духовный долг. Особенно строго соблюдали обычай сати женщины, принадлежавшие к воинскому сословию раджпутов. Поскольку раджпуты жили в состоянии постоянных войн и далеко не всегда тело воина, погибшего в битве, удавалось должным образом похоронить, в замках раджпутов существовали специальные залы с гигантскими очагами по два-три метра в диаметре. Здесь совершали самосожжение жены воинов, погибших и похороненных вдали от дома.

Здесь же сгорали женщины, чьи мужья принимали решение погибнуть в жертвенной битве «шака», — воины клана, проигравшего войну и осажденного врагами в родовой крепости, распахивали ее ворота и в праздничной одежде выходили на последний, действительно смертный бой. Решившись на «шака», раджпуты знали, что победители, связанные традицией, не причинят вреда детям побежденных и не посягнут на их владения. Но зато, даже победив в «шака», раджпуты, согласно ритуалу, не могли остаться в живых — они сражались друг с другом, а последний уцелевший кончал жизнь самоубийством. А в это время в пламени костров, не дожидаясь гибели мужей, сгорали их жены. При обороне Читора от войск Бахадур-шаха в 1535 году сожгли себя пятнадцать тысяч раджпутских женщин...

В первой половине четырнадцатого века группа французских миссионеров отправилась в Индию проповедовать слово Божие. Один из них, Журден де Северак, потрясенный экзотической страной и ее удивительными нравами, написал книгу «Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей». Он сообщает:

«В этой Индии, когда умирает сколько-нибудь знатный муж, а также люди, чем-либо владеющие, то тела их сжигают; при этом жены устремляются за мужьями в пламя; ради славы мирской, любви к супругу и вечной жизни они сжигают себя вместе с мужьями и с такой радостью, как будто идут к венцу. И те, которые так поступают, слынут здесь наидостойнейшими и наилучшими женами. Удивительно это! И не раз на моих глазах во след одного-единственного мертвеца бросались в огонь и гибли пять жен».

На рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков грузинский дворянин Рафаил Данибегашвили, совершавший путешествие по Индии, стал свидетелем обряда сати:

«Отправившись отсюда, через 40 дней прибыл я в город Норпор или Фар, лежащий на горе. Первое зрелище, представившееся мне при въезде моем в сей город, было самое печальное и трогательное. Умер один идолопоклонник — надобно было сжечь его. Вот какая бывает при сем церемония: положив труп умершего в довольно украшенный гроб, понесли в определенное для сожжения по их обычаю место. Покойный имел двух жен, которые, будучи одеты в великолепное и драгоценное платье, шли за гробом мужа своего. Как скоро прибыли к назначенному месту, то составили превеликой костер из дров, на который положив шесты, положили на них труп умершаго. Как по тамошнему жестокому обыкновению жены из любви к мужу должны добровольно отдаться вместе с ним на жертву огню, для того сии две богато одетые женщины сели по обоим сторонам мужа их на костер. Жрецы, полив на всех трех довольно масла и других горючих веществ, вдруг зажгли костер со всех сторон, и сии две невинные жертвы, вместе с трупом мужа их, соделались добычею огня. Окружавшие пылающий костер

люди начали играть на разных инструментах и играли до тех пор, пока он с семи несчастными не превратился в пепел. Но жены могут и не исполнять сего бесчеловечного обряда; их даже уговаривают родные и знакомые остаться живыми или для детей, или для достатка, оставленного мужьями. Но ежели оне уже решатся, уже приближаются к пламени, с намерением броситься на оной, и, почувствовавши ужас, захотят возвратиться, то окружающие костер приставы угрожают им другой смертью — от сабельных ударов, которых в таком случае несчастные не избежали бы, как недостойные жизни».

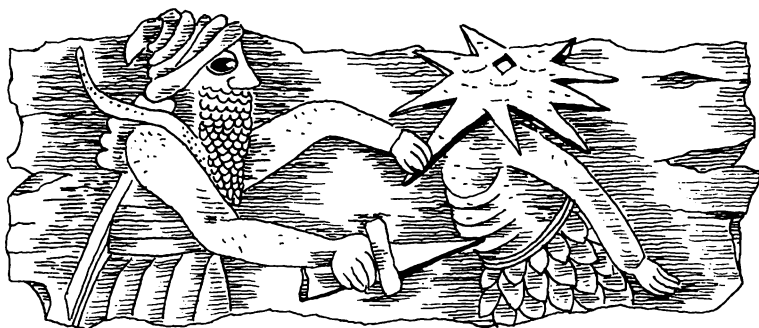
Журнал «Московский телеграф» писал в 1826 году: «Известен ужасный обычай Индиянок, Брамайской веры; оне должны сжигаться с мужьями, если их переживут; бесчестие и посрамление падает на ту женщину, которая откажется от сей ужасной жертвы, и никакие убеждения, никакие средства не могут остановить страшного обряда. Англичане решились наконец препятствовать этому силою. Из одиннадцати десять сожжений успевают они остановить, и за всем тем, в 1823 г., в Бенгале сожглось 575 женщин, в том числе 109 более 60 лет, 226 от 40 до 60, 208 от 20 до 40 и 32 менее 20 лет. В Калькутте сожглось в 1819 г. — 650, в 1820 — 597, в 1821 — 654, в 1822 — 583, в 1823 — 575. Величайшая пошлина не останавливает Индийцов: оне продают последнее для получения дозволения. Решительно остановить Индийцов не смеют, ибо опасаются, что это возмутит их, а от предосторожностей правительства оне употребляют всякие ухищрения».

Пришедшие в Индию англичане действительно не решились сразу пресечь страшный обычай, как, впрочем, и другие человеческие жертвоприношения, которые хотя и не слишком часто, но совершенно открыто совершались на берегах Ганга. Попытки запретить или хотя бы ограничить их сталкивались с сопротивлением местного населения, которое видело в этом самоуправство завоевателей. Кампания против сати включала лекции и статьи, беседы проповедников... От женщин, объявивших о намерении совершить сати, требовали подписания документов о том, что они делают это по собственной воле. Постепенно

в одном штате за другим вводились законы о запрещении сати. Индийцы оспаривали этот запрет в судебном порядке.

В сегодняшней Индии существует закон, по которому судебная ответственность грозит абсолютно всем участникам и даже свидетелям церемонии, в том числе и самой вдове (если она останется жива). Тем не менее даже в наши дни женщины все еще совершают ритуал сати. Как правило, становится известно о нескольких случаях в год, но на самом деле далеко не все они делаются достоянием гласности. О них напоминают только стелы с глиняными слепками ладоней или камни с высеченными на них женскими руками. Каждая такая рука — память о женщине, которая на этом месте живой взшла на костер мужа.

В конце четвертого тысячелетия до н. э., с концом эпохи энеолита, в Междуречье Тигра и Евфрата появились пришельцы — шумеры, которые сами себя называли «черноголовыми». Откуда они явились, до сих пор неизвестно, но «черноголовые» смешались с местным населением и создали великую шумерскую цивилизацию. Примерно в середине третьего тысячелетия Шумер был покорен соседним Аккадом, но «черноголовые», проиграв на полях сражения, одержали над своими завоевателями убедительную духовную победу: аккадцы в значительной мере переняли культуру и традиции побежденных. Одной из этих традиций было сопровождать похороны царей (а быть может, и других высокопоставленных лиц) массовыми человеческими жертвоприношениями.

При раскопках города Ур археолог Леонард Вулли обнаружил кладбище, на котором шумеры, а потом и аккадцы хоронили своих покойников на протяжении почти всего третьего тысячелетия до н. э. Вулли исследовал около полутора тысяч погребений. Судя по всему, древние жители Ура собирались жить в загробном мире примерно так же, как и на земле, — с ними в могилы были положены орудия труда, оружие, посуда с едой, ларцы с украшениями. И очень часто покойные, лежащие на боку, держали возле рта кубки с каким-то напитком. Во многих могилах найдены модели лодок — ведь загробное царство шумеров, рас-

положенное под землей, отделялось от мира живых подземной рекой. Правда, через нее была налажена лодочная переправа (наподобие ладьи греческого Харона), но некоторые шумеры предпочитали добираться до царства владычицы загробного мира Эрешкигаль на собственном транспорте. Для этого же в могилах могли лежать повозки.

Знатные шумеры, снаряжаясь в окончательное путешествие, не собирались отказывать себе ни в каких земных радостях. Их усыпальницы, состоящие порой из нескольких комнат, — это просторные помещения из кирпича и камня, который привозили за десятки километров. Археологи находят здесь предметы роскоши: музыкальные инструменты, наборы настольных игр вроде шашек, вазы, фигурки животных, изваянные из драгоценных камней... Рядом с мужчинами лежат кинжалы тонкой работы, узорчатые копья... Знатные дамы брали с собой огромное количество украшений и косметики... И естественно, шумерские владыки не хотели обходиться в загробном мире без своих слуг и придворных. Но изумление археологов вызвал тот факт, что эти слуги, судя по всему, решались сопровождать своих господ добровольно. На их телах нет никаких следов насильственной смерти, и похоронены они, как правило, в самых непринужденных позах.

Гробницы царей Первой династии Ура (правившей в середине третьего тысячелетия до н. э.) напоминают не могилу, а пиршественные залы, которых дыхание смерти коснулось неожиданно для всех присутствующих. Кажется, что музыканты до последнего мгновения продолжали играть на арфах, а дамы — развлекать свою царицу веселой беседой. К тому же дамы эти — отнюдь не рабыни, брошенные в могилу для загробной службы, а дорого одетые женщины, украшенные золотом и камнями, судя по всему — богатые и знатные. Существует версия о том, что слуги и придворные шумерских властителей добровольно спускались в роскошные склепы, дабы и на том свете продолжать свое безбедное существование. Они принимали наркотический яд, который избавлял их от предсмертных мук, и навеки засыпали под музыку таких же добровольных смертников-музыкантов, или же их закалывали во сне мгновенным и безболезненным ударом стилета.

Среди погребений, найденных Леонардом Вулли, можно особо отметить усыпальницу некоего Абарги. Вулли отнес ее к числу царских, хотя некоторые исследователи считают, что Абарги был скорее высокопоставленным жрецом. Но кем бы ни был этот шумер, имя которого мы знаем благодаря найденной при нем традиционной цилиндрической печати, похоронен он с поистине царской пышностью. Его могила была ограблена еще в древности, и тем не менее в ней сохранилось немало вещей и даже кое-какие ценности, например, две серебряные модели лодок. Здесь же лежали две четырехколесные повозки — тогда это было последним словом техники, ибо еще совсем недавно шумеры ездили на волокушах с полозьями. Повозки были запряжены волами, и при них, естественно, находились и конюхи, назначенные ухаживать за животными и управлять новомодным транспортом. А всего в загробной свите Абарги насчитывается шестьдесят мужчин и женщин — охранников, слуг, приближенных...

Прямо над могилой Абарги Вулли обнаружил другой склеп, принадлежавший женщине по имени Шубад и возведенный на несколько лет позже. Возможно, Шубад была женой Абарги, а значит, царицей (либо жрицей). Но именно строительство этой усыпальницы привело к тому печальному для археологов (а возможно, и для самого Абарги) факту, что могила супруга Шубад была ограблена вскоре после его смерти. Дело в том, что попасть в нее можно было только через склеп Шубад, который тем не менее ограблен не был. Археологи допускают, что на ограбление пошли строители верхнего склепа, которые проломили свод во время работы, защищенные от посторонних взглядов возводящими-ся стенами.

Так или иначе, Абарги сохранил в загробном мире свою многочисленную свиту, но лишился большей части имущества (свита, естественно, тоже была ограблена). Шубад (ее имя донесла до нас цилиндрическая печать из лазурита) повезло больше. Она покоилась на носилках, держа в руках золотой кубок. Ее парик обвивала восьмиметровая золотая лента, на голову были надеты три венка: из тонких золотых колец, золотых и стеклянных листьев и цветов. Их пере-

вязывала нить лазуритовых и сердоликовых бус. Золотой пятизубый гребень, инкрустированный лазуритом, удерживал эту сложную конструкцию. В ушах висели золотые серьги в форме полумесяцев... Царица взяла с собой трон, украшенный серебряными львиными головами. Вокруг были расставлены драгоценные чаши и вазы из золота, серебра и алебастра, масляные лампы, два серебряных жертвенных столика, золотые шкатулки с косметикой...

Возле носилок царицы сидели две служанки: одна в изголовье, другая в ногах. Музыкант продолжал сжимать в руках арфу... Всего с Шубад было похоронено двадцать пять человек, часть — непосредственно рядом с ней, а остальные — в большой могиле, примыкающей к склепу царицы.

Леонард Вулли реконструирует события, происходившие после того, как склеп покойного владыки, в котором, кроме него самого, находились ближайшие слуги, запечатывался.

«После того как вход в усыпальницу замуровывали кирпичом и заштукатуривали, завершалась первая часть погребального ритуала, и начиналась вторая, самая драматическая часть церемонии. Ясное представление о ней дают гробницы царицы Шубад и ее супруга.

В огромную, пустую открытую сверху могилу, стены и пол которой устланы циновками, спускалась погребальная процессия: жрецы, руководившие выполнением обрядов, воины, слуги, женщины в разноцветных сверкающих одеяниях и пышных головных уборах из сердолика и лазурита, золота и серебра, военачальники со всеми знаками отличия и музыканты с лирами или арфами. За ними въезжали или спускались пятасть повозки, запряженные быками или ослиами. На повозках сидели возницы, ездовые вели упряжки под уздцы. Все занимали заранее отведенные им места на дне могильного рва, и четверо воинов, замыкая процессию, становились на страже у выхода. У всех мужчин и женщин были с собой небольшие чаши из глины, камня или металла — единственный предмет, необходимый для завершения обряда.

Затем, по-видимому, начиналась какая-то церемония. Во всяком случае, она наверняка сопровождалась до самого конца музыкой арфистов. И наконец, все выпивали

из своих чаш смертоносное зелье, которое либо приносили с собой, либо находили на дне могилы. В одной из гробниц мы нашли посередине рва большой медный горшок, из которого обреченные люди могли черпать отраву. После этого каждый укладывался на свое место в ожидании смерти. Кто-то еще должен был спуститься в могилу и убить животных. Мы обнаружили, что их кости лежат поверх скелетов ездовых, следовательно, животные умирали последними. Эти же люди, по-видимому, проверяли, все ли в могиле в должном порядке. Так, в гробнице царя они положили лиры на тела музыкантш, забывшихся последним сном у стены усыпальницы. Потом на тела погруженных в небытие людей обрушивали сверху землю...»

Но на этом традиционный погребальный обряд не заканчивался. Когда гигантская яма, в которой помещались и склеп владыки, и могила придворных, была наполовину засыпана землей, в ней из сырцового кирпича строили еще одно помещение. Здесь расставляли новые заупокойные дары и здесь же приносили в жертву еще одного человека. Сверху снова насыпали землю и строили следующее здание, в котором погребали очередную жертву. После чего насыпали новый слой земли... Так продолжалось до тех пор, пока котлован не оказывался заполнен почти доверху. В последнем, верхнем помещении ставили гроб с телом человека, который, судя по всему, был главной, самой ценной жертвой. После чего могилу окончательно засыпали землей и наверху сооружали что-то вроде погребального храма.

Таковы погребальные традиции царей Ура. Но владыки Ура были не единственными из шумеров, переселявшимися в мир иной со свитой. Герой шумерского эпоса Гильгамеш (который правил в городе Уруке где-то около 2700 года до н.э.), согласно тексту «Смерть Гильгамеша», сошел в загробный мир и принес дары богам и героям подземного царства не только от себя, но и от имени тех, кто «почил вместе с ним». На этом основании многие исследователи считают, что урукского царя сопровождала в загробный мир какая-то свита. Гробницы примерно того же времени, в которых вместе с хозяином могилы были

погребены и слуги, были обнаружены в еще одном шумерском городе — Кише...

Постепенно загробные свиты шумерских царей уменьшались. Более поздние владыки Ура (жившие примерно в двадцать четвертом веке до н. э.) брали с собой в вечность не более двадцати человек. Впрочем, трудно сказать, было это вызвано изменениями в представлениях о загробной жизни или материальными проблемами — возможно, они просто не могли себе позволить большую свиту. Как писал об этих гробницах раскопавший их Вулли, «ни одна из них не может даже сравниться по пышности с древними царскими гробницами».

На рубеже XXII—XXI до н. э. царь Урнамму, основатель Третьей династии Ура, и его наследники возродили многие традиции древних владык, в том числе и посмертную роскошь. Надземная часть мавзолея, построенного Шульги, сыном Урнамму (по-видимому, для своего отца), занимает площадь тридцать восемь метров на двадцать шесть, помещения были богато украшены золотом, остатки которого сохранились. Подземная часть находилась на девятиметровой глубине и состояла из двух огромных комнат; одна из них принадлежала самому царю, в другой расположилась свита.

Аналогично были устроены и гробницы других царей Третьей династии, и в них также найдены останки принесенных в жертву людей. Но, видимо, в это время обычай хоронить вместе с царями их придворных постепенно отмирает. Уже в поэме, посвященной загробному существованию Урнамму (нечто вроде похоронной песни, написанной, вероятно, вскоре после его смерти), нет ни слова о сопровождающих его людях. Там говорится о том, как царь прибыл в подземное царство Эрешкигаль — «страну без возврата» — с богатыми дарами. Он, как ранее Гильгамеш, тоже почтил подарками богов и героев, но сделал это лишь от своего имени. Более того, в загробном мире к царю сразу приставили нескольких слуг из числа ранее умерших шумеров — это дает основание думать, что своей свиты у новоприбывшего не было (хотя археологические находки и говорят об обратном). Примерно с этого времени шумеры стали на царских похоронах наносить себе сим-

волические ранения ножами, царапать лица... Но умирать вместе со своим повелителем от них теперь не требовалось.

Шумерские, а позднее и вавилонские боги никогда не отличались особой кровожадностью, и человеческие жертвоприношения богам в междуречье Тигра и Евфрата не привились. Некоторые ученые считают, что в далекой древности здесь мог существовать земледельческий культ, в котором роль умирающего и воскресающего бога, символизирующего умирающую и воскресающую природу, поручалась человеку. При этом, как пишет английский археолог Гордон Чайлд, человек, исполнявший во время обряда роль «царя зерна», «подобно зерну, должен быть зарыт в землю, чтобы позднее появиться вновь; применительно к людям это означало, что он должен быть убит и заменен более молодым и сильным».

Культы, в которых земледельцы для повышения урожая расчленили и зарывали в полях тела своих жертв, действительно известны. Но что касается Междуречья, этот обряд, если и выполнялся здесь в далекой древности буквально, в историческое время был представлен символически. М. Белицкий в книге «Шумеры» пишет: «Мужчина, игравший роль божества, мог на какое-то время исчезнуть, а для того чтобы убедить высшие силы в подлинности происходящего, разыгрывались сцены всеобщего отчаяния...»

Шумерская мифология рассказывает о том, как в древности бог-пастух Думузи действительно был отдан подземным богам в качестве выкупа за свою жену, богиню плодородия Инанну (аккадцы называли ее Иштар). Инанна намеревалась посетить загробный мир с кратким визитом, но ее сестра Эрешкигаль, владычица подземного царства, умертвила богиню и повесила ее труп на вбитый в стену крюк. Визирь Инанны, не дождавшись своей госпожи, поднял тревогу. Он обратился к богу мудрости Энки, который, к счастью для богини, не отличался чистоплотностью. Энки вычистил грязь из-под своих ногтей и слепил из нее двух магических существ, которые, запасшись «водой жизни» и «травой жизни», добились оживления Инанны. Однако извлечь ожившую богиню из загробного мира оказалось

не так-то просто: по законам шумерской преисподней всякий, выходящий наружу, должен был прислать вместо себя своего «заместителя». Таким заместителем Инанна и решила сделать своего мужа, тем более что, вернувшись домой, она застала его не в трауре, а в парадных одеждах и, судя по всему, не слишком озабоченного судьбой пропавшей супруги. В результате Думузи был разорван демонами преисподней галлу и отправился вместо своей жены в подземное царство. Позднее его сестра Гештинанна согласилась отбывать за брата по половине срока каждый год, и Думузи стал ежегодно воскресать из мертвых и возвращаться к жене.

Древние шумеры и аккадцы разыгрывали мистерии, посвященные этой истории. Но, по счастью, их больше вдохновила не гибель бедного Думузи, а его воскрешение и воссоединение с женой. Поэтому они ежегодно проводили ритуал священного брака, во время которого цари шумерских городов от имени Думузи соединялись с богиней Инанной (Иштар), роль которой играла жрица. Позднее, когда власть в Месопотамии захватили вавилоняне, в священный брак в день празднования Нового года стал вступать царь Вавилона. Правда, теперь он делал это не от имени Думузи, а от имени Мардука — главного бога Вавилона, который возвысился вместе со своим городом.

Человеческая кровь на празднике проливалась, но, к счастью, все оставались живы. Просто особо экзальтированные жрецы, идущие в праздничной процессии, занимались самоистязанием (а возможно, и самооскоплением). Но главное действие было радостным и жизнеутверждающим: на стоящее в храме золотое ложе всходила верховная жрица богини Иштар, чтобы принести свое тело в бескровную жертву божеству:

Люди установят мое плодоносящее ложе,
Покроют его растениями цвета лазурита,
Я введу туда моего жениха...
Он положит свою руку возле моей руки,
Положит сердце возле моего сердца...
Прикосновение его руки — какое оно освежающее,
Прикосновение его сердца — какое оно пленительно сладкое.

Не оставались в стороне от священного брака и другие вавилонянки. Они тоже должны были принести в жертву свое тело, а по некоторым сведениям — и свою невинность. Этот обычай (называя Иштар именем греческой богини Афродиты) в пятом веке до н. э. описывал знаменитый историк Геродот:

«Самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться за деньги чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с толпой остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходкам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: «Призываю тебя на служение богине Милитте!» Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой, и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре».

Правда, сегодня историки считают, что Геродот кое-что перепутал: священный брак был не только обязанностью, но и привилегией, которой пользовались девушки-жрицы из наиболее знатных семей. И этим подчерки-

вается тот факт, что жрицы не просто зарабатывали деньги на содержание храма (их родители могли бы и сами сделать необходимый взнос) — они отдавали свое тело и свою невинность в жертву божеству.

Интересно, что боги Вавилона, не требуя человеческих жертвоприношений, убивали себе подобных, в том числе в сакральных целях. Космогоническая поэма «Энума элиш» рассказывает, в числе прочего, о том, как бог Мардук убил богиню Тиамат — воплощение мирового хаоса — и сотворил из нее небо и землю:

На ноги Тиамат наступил Владыка.
 Булавой беспощадной рассек ей череп.
 Он разрезал ей вены, и поток ее крови
 Северный ветер погнал по местам потаенным,
 Смотрели отцы, ликовали в веселье.
 Дары задравные ему послали.
 Усмирился Владыка, оглядел ее тело.
 Рассек ее тушу, хитроумное создал.
 Разрубил пополам ее, словно ракушку.
 Взял половину — покрыл ею небо.
 Сделал запоры, поставил стражей —
 Пусть следят, чтобы воды не просочились.

Потом Мардук задумал создать людей, но для этого требовалась живая кровь. И вновь было решено принести в жертву общему делу одного из богов:

Да будет выбран один из братства,
 Он да погибнет — люди возникнут!

В качестве жертвы был избран злокозненный бог Кингу, муж Тиамат, из крови которого премудрому богу Эйе и предстояло создать людей:

Связали его, приташили к Эйе.
 Объявили вину его, кровь излили.
 Людей сотворил он на этой крови

Самим же людям, согласно поэме, были предписаны только бескровные «великие хлебные приношенья»:

Божествам да приносят хлебные жертвы!
Без небреженья богов да содержат!

Единственным человеком, которому в Вавилоне могла угрожать ритуальная смерть, был, как это ни удивительно, сам царь — может быть, потому, что он в отличие от остальных людей обладал божественными функциями. Возможно, что в незапамятные времена в Месопотамии на празднике Нового года и впрямь убивали царей, когда они старели и их сакральная сила уменьшалась, — такой обычай существовал у многих народов. Кроме того, царь считался символически ответственным за все грехи и бедствия подданных, каковые грехи и должен был смыть своей кровью. Но к тому времени, о котором сохранились письменные свидетельства, в Вавилоне возникла традиция, согласно которой царь на праздновании Нового года становился на колени перед верховным жрецом, отдавал ему знаки своей власти и клялся, что ничем не согрешил против государства. В ответ жрец бил царя по щеке и дергал за уши, каковым ритуалом и заменялась возможная казнь правителя. После этого царю надлежало заплакать: это означало, что Мардук поверил клятве и разрешил царю остаться в живых и сохранить власть.

Впрочем, таким образом можно было отвести от царя необходимость только ритуальной смерти. Если же ему, согласно предсказаниям, грозила смерть настоящая, царя временно смещали с престола и вместо него «короновали» преступника или раба, на которого и должна была обрушиться кара судьбы. Если судьба с таковой карой медлила, вавилоняне брали функции Провидения на себя. Например, если царю предсказывали смерть через сто дней после его вступления на престол, то на сотый день «подменного царя» казнили, и все возвращалось на круги своя. Однажды такая практика привела к неожиданному результату: в начале второго тысячелетия до н. э. царь города Исин — Эрраимитти в качестве «подменного царя» посадил на престол садовника по имени Эллильбани. Но хитрость не помог-

ла — Эрраимитти умер, объевшись горячей кашей. После чего Эллильбани, которого теперь не было смысла приносить в жертву судьбе и который был как-никак царем, хотя и «подменным», остался на троне.

Позднее, когда Вавилон, начиная с 539 года до н. э., находился под властью персов, здесь существовал обычай, чрезвычайно близкий к древним обычаям вавилонян: ритуальная казнь «подменного», теперь уже персидского, царя по завершении ежегодного праздника Сакеи. В течение пяти праздничных дней рабы и господа Вавилона менялись местами, а во главе государства становился приговоренный к смерти преступник, который объявлялся «царем». Роль его была не только символической, он получал и вполне реальные права, например, право сожительствовать с женами своего «предшественника», который должен был покорно терпеть нового владыку в собственном гареме. Но в последний день праздника «царя» торжественно казнили. После чего на престоле появлялся прежний царь, символизируя обновление власти и вечное воскресение жизни. Персы-зороастрийцы верили в воскресение праведников по завершении Последнего суда. У них эта жертва могла из земледельческого обряда ежегодного обновления природы стать символом того окончательного воскресения, которое ожидало людей после грядущей победы сил добра над воинством зла.

Впрочем, не будем скоропалительно обвинять зороастрийцев в приверженности человеческим жертвоприношениям — эта традиция абсолютно чужда их религии, и в Вавилоне персов она существовала лишь как рудимент древних верований, сложившихся задолго до прихода в мир пророка Зороастра и тем более до прихода персов-зороастрийцев в земли Месопотамии. Что же касается собственно персов, их религия таких жертв не требовала. Тем не менее человеческие жертвоприношения персов упоминаются, и неоднократно, причем, насколько известно авторам настоящей книги, лишь одним историком, но настолько значительным, что отмахнуться от его свидетельств нельзя, — о них рассказывает Геродот.

В своей знаменитой «Истории» Геродот пишет, что во время одного из военных походов Ксеркса его войско оказалось в Эдонийской области у населенного пункта, называемого Эннеагодой. Здесь персы переправились через реку по заранее построенному мосту и, видимо, в благодарность за удачную переправу решили принести жертвы богам. Узнав, что «Эннеагодой» в переводе означает «девять путей», они «принесли в жертву там столько же мальчиков и девочек из числа местных жителей, закопав их живыми в землю. Закапывать жертвы живыми — это персидский обычай». Далее Геродот пишет: «Как я узнал из рассказов, супруга Ксеркса Амстрида, достигнув преклонного возраста, велела закопать живыми 14 сыновей знатных персов в благодарность богу, живущему, как говорят, под землей».

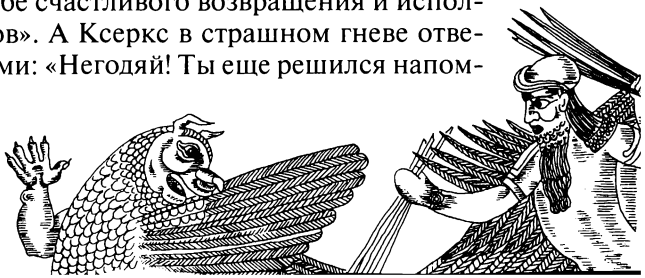
Интересно, что другой персидский царь, Камбиз, по уверению того же Геродота, «велел без всякой веской причины схватить двенадцать знатнейших персов и с головой закопать живыми в землю». Впрочем, возможно, это было не ритуальное убийство, а обычная казнь, причины которой попросту остались неизвестны Геродоту. Что же касается Ксеркса, то его армия была многонациональной, и нельзя исключить, что человеческие жертвы в Эдонийской области были принесены по инициативе и от имени не персов, а наемников или подданных-иноверцев. Зороастризм в правление династии Ахеменидов был господствующим, но не единственным культом Персидского царства; государственной религией он стал позднее, при Сасанидах. Поэтому не исключено, что и жена Ксеркса могла поклоняться иноземным богам.

Геродот называет еще один случай человеческого жертвоприношения, совершенного персидской армией во время второй греко-персидской войны, в 480 году до н. э. Историк пишет: «Между тем флот Ксеркса вышел из города Фермы, и десять самых быстроходных кораблей поплыли вперед прямо к Скиафу. Здесь стояли три дозорных эллинских корабля: трезенский, эгинский и аттический. Завидев издали варварские корабли, эллины обратились в бегство. Варвары пустились в погоню за трезенским кораблем под начальством Праксина и тотчас же захватили его.

Затем они привели на нос корабля самого красивого воина и закололи его (они считали счастливым предзнаменованием, что первым захваченным ими эллином был такой красавец)». Возможно, впрочем, этими варварами были не персы, а финикийцы, из которых в основном комплектовался флот персидских царей.

И если этот случай опять-таки можно с некоторой натяжкой объяснить многонациональностью и полирелигиозностью персидской армии, то следующий рассказ Геродота прямо говорит о ритуальном убийстве, совершенном по приказанию самого царя. Правда, здесь Ксеркс совместил религиозный ритуал с показательной казнью. В Лидии царю и всему его войску довелось воспользоваться гостеприимством местного уроженца Пифия, который к тому же предложил персам финансировать их военный поход. Ксеркс от денег отказался, но в благодарность нарек Пифия своим гостеприимцем (т. е. человеком, который всегда может рассчитывать на ответное гостеприимство и помощь самого царя) и сделал ему ответный денежный подарок. «Будь всегда таким, как сейчас, и тебе не придется никогда раскаиваться ни теперь, ни в будущем», — сказал царь своему новому другу. Доверчивый Пифий принял слова персидского владыки за чистую монету, в чем ему очень скоро пришлось раскаяться. Об этом подробно пишет Геродот:

«В пути подошел к Ксерксу лидиец Пифий и сказал так (...): «Владыка! Я желал бы попросить тебя о том, что тебе легко исполнить, и для меня будет очень важно твое согласие». Ксеркс же, ожидая от него любой другой просьбы, кроме того, что Пифий действительно попросил, обещал исполнить и повелел говорить, что ему нужно. Услышав ответ царя, Пифий ободрился и сказал так: «Владыка! У меня пять сыновей. Им всем выпало на долю идти с тобой в поход на Элладу. Сжался, о царь, над моими преклонными летами и освободи одного моего старшего сына от похода, чтобы он заботился обо мне и распоряжался моим достоянием. Четырех же остальных возьми с собой, и я желаю тебе счастливого возвращения и исполнения твоих замыслов». А Ксеркс в страшном гневе отвечал ему такими словами: «Негодяй! Ты еще решился напо-

нить мне о своем сыне, когда я сам веду на Элладу своих собственных сыновей, братьев, родственников и друзей? Разве ты не раб мой, который обязан со всем своим домом и с женой сопровождать меня? Знай же теперь, что дух людей обитает в их ушах: если дух слышит что-либо благостное, то он наполняет тело радостью; услышав же противоположное, дух распалается гневом. Ты сделал мне, правда, доброе дело и изъявил готовность сделать подобное же, но не тебе хвалиться, что превзошел царя благодеяниями. А ныне, когда ты выказал себя наглцом, ты все-таки не понесешь заслуженной кары, но меньше заслуженной. Тебя и четверых твоих сыновей спасает твое гостеприимство. Но один, к которому ты больше всего привязан, будет казнен». Дав такой ответ, царь тотчас же повелел палачам отыскать старшего сына Пифия и разрубить пополам, а затем одну половину тела положить по правую сторону пути, а другую по левую, где должно было проходить войско. Палачи выполнили царское повеление, и войско прошло между половинами тела».

Надо сказать, что прохождение между половинами рассеченного тела было не просто актом устрашения войска. У некоторых древних народов обычай этот носил сакральный характер. Он описан, например, в Книге Бытия, только там были использованы тела животных. В тот день, когда Господь заключил завет с Авраамом, Он приказал ему взять «трехлетнюю телицу, трехлетнюю козу, трехлетнего овна, горлицу и молодого голубя» (Быт. 15, 9). Авраам «взял всех их, рассек пополам, и положил одну часть против другой; только птиц не рассек» (Быт. 15, 10). «Когда зашло солнце, и наступила тьма, вот, дым как бы из печи и пламя огня прошли между рассеченными животными. В этот день заключил Господь завет с Авраамом...» (Быт. 15, 17–18). Позднее, в Книге пророка Иеремии, Господь вновь упоминает иудеев и завет, «который они заключили пред лицом Моим, рассекши тельца надвое и прошедши между рассеченными частями его, князей Иудейских и князей Иерусалимских, евнухов и священников и весь народ земли, проходивший между рассеченными частями тельца...» (Иер. 34, 18–19).

Таким образом, заставив свое войско пройти между разрубленными частями тела жертвы, Ксеркс принимал от него своеобразную присягу «на крови». Как совместить этот страшный ритуал с тем фактом, что зороастрийцы не признают человеческих жертвоприношений, — не вполне ясно. Скорее всего поступки Ксеркса можно объяснить частично политическими причинами, а частично — простым самодурством и недостаточной твердостью в вере.

Близкий ритуал прохождения войска между частями расчлененного человеческого тела описан у соседей вавилонян — хеттов, создавших свою державу в Малой Азии в семнадцатом веке до н. э. Обычай этот применялся, если войско потерпело поражение; жертвой, видимо, служил военнопленный. Из ветвей боярышника хетты сооружали символические ворота. Козла, щенка и поросенка разрубали пополам и клали по обе стороны ворот. Этой же участи подвергался и пленник. Потом с двух сторон разжигали костры, и войско проходило под воротами. Пройдя между расчлененными трупами, воины направлялись к реке и брызгали друг на друга водой. Обряд, по-видимому, носил очистительный характер.

Существовал у хеттов и еще один обычай, близкий к шумерскому и вавилонскому, — «замена» царя. Для того чтобы все неприятности, назначенные судьбой настоящему царю, обрушились на его «заместителя», проводился ритуал помазания на царство пленника. Потом настоящий царь объявлял божеству: «...Смотри! Это царь! Имя царствования я на него возложил, в одежду царствования его облачил, диадему на него возложил. И отметьте его дурным знаменем, укороченными годами, укороченными днями! И направьтесь к этой замене!» Потом пленника уводили, а настоящий царь совершал обряд омовения и снова обращался к богам: «...Смотрите! Небесному божеству Солнца и земным божествам я вместо себя дал замену. И вы ее возьмите, а меня отпустите!» После этого по логике вешей пленника, ставшего «царем», должны были казнить, но, как ни странно, судьба его оказывалась более чем благополучной. Согласно хеттским текстам, его отводили в ту

страну, откуда он был взят в плен. Хотя не исключено, что это было поздней традицией, а первоначально «заместителя» по-настоящему приносили в жертву богам.

Сохранились и другие косвенные свидетельства того, что в далекой древности хетты приносили в жертву людей если и не слишком часто, то достаточно регулярно, но позднее ритуал, судя по всему, смягчился. Так, у хеттов существовал праздник Хассумас, главным действующим лицом которого был наследник престола. В течение четырех дней праздника царевич обходил ритуальные помещения столицы и всюду пировал со своими приближенными и жрецами и «кормил» богов. Но на четвертый день к участию в празднике подключали человека, который должен был символизировать разнообразные несчастья и неприятности, угрожающие хеттскому народу. Это был своего рода «козел отпущения», недаром в ритуале участвовала шкура только что убитого и съеденного козла. Жертвой обязательно назначался слепец — символ мрака и смерти. Его раздевали, облачали в козлиную шкуру, избивали и вели в святилище, но избиением неприятности слепца, по-видимому, и заканчивались.

В хеттских текстах сохранились описания праздников, на которых люди «веселили» богов ритуальными битвами. Но, как и в случае с «козлом отпущения», нет четких указаний на то, чем заканчивались «потешные» битвы: смертью участников или же ее имитацией. Вероятнее всего, в глубокой древности побежденных действительно приносили в жертву, но в те времена, о которых пишут хеттские авторы, мог проводиться бескровный ритуал посвящения человека божеству. Это тем более вероятно, что битва была заведомо «срежиссированной», исход ее был известен заранее и повторялся на осеннем празднике из года в год, а одна из сторон сражалась тростниковым оружием. При этом владельцы бронзового оружия назывались «людьми Хатти» (хеттами), а их противники, вооруженные тростником, — некими «людьми Маса». Завершалась битва, естественно, победой «людей Хатти». Хеттский автор описывает это так:

«И люди, способные носить оружие, делятся на две половины, и они называются так: и одну половину разделив-

шихся зовут они «людьми Хатти», другую половину разделившихся зовут они «людьми Маса». И «люди Хатти» держат бронзовое оружие, «люди Маса» же держат оружие из тростника, и они сражаются друг с другом. И «люди Хатти» побеждают, и они хватают пленного и преподносят его божеству».

Вообще у хеттов человеческие жертвоприношения применялись только в самых крайних случаях, например, при тяжелом военном поражении. Сохранились и упоминания о людях, принесенных в жертву в рамках народной религии. Например, в одном тексте в качестве жертвы упомянуты кабан, собака и военнопленный. Но эти ритуалы не входили в государственный культ и оставались личным делом каждого отдельно взятого хетта. В целом же хетты были людьми гуманными. Даже их законодательство — один из древнейших в мире сводов, старейший сохранившийся текст которого датируется рубежом XVI—XV веков до н. э., — смертную казнь предусматривает лишь в исключительных случаях, стараясь все вопросы решить полюбовно. Например, один из его параграфов гласит:

«Если кто-нибудь причинит вред человеку и сделает его больным, то он должен за ним ухаживать. Он должен дать вместо него человека, и тот должен работать в доме пострадавшего до тех пор, пока тот не поправится. Когда же он поправится, виновный должен дать ему 6 сиклей серебра, и он сам должен также заплатить плату врачу».

Впрочем, была у хеттов богиня, которая требовала человеческой крови, хотя на убийствах и не настаивала. Ее жрецы в экстазе сами наносили себе раны, а самые рьяные и оскопляли себя — это считалось наиболее угодной жертвой. Эта кровожадная богиня носила имя Великой Матери, позднее ее называли Ма или Кибела. Когда в двенадцатом веке до н. э., привлеченные ослаблением Хеттского царства, в Малую Азию ринулись фригийцы, они переняли культ Кибелы у побежденного ими народа. С тех пор фригийская богиня Кибела начала свое победное шествие по Ойкумене. В 204 году до н. э. она покорила непобедимый Рим, где ее культ, слившись с культом богини посевов Опе, получил

статус государственного. Ей были посвящены Мегалезийские игры, которые подробно описывает Овидий в своих «Фастах» — книге о календарных праздниках Рима. Рассказывает поэт и о том, почему богиня требовала от своих служителей такого странного жертвоприношения.

Когда-то во фригийских лесах юный отрок, «обаятельный обликом Аттис», увлек Кибелу «чистой любовью». Богиня отвечала за плодородие, но в этом случае почему-то решила воздержаться от физической близости и потребовала от юноши, чтобы он оставался при ней и «блюл святыни», а также поставила маловыполнимое условие «отроком быть навсегда», т. е. отказаться от плотской любви с кем бы то ни было.

Повиновался он ей и дал ей слово, поклявшись:

«Если солгу я в любви — больше не знать мне любви!»

Скоро солгал он в любви; и с Сагаритидою нимфой

Быть тем, кем был, перестал. Грозен богини был гнев...

Ревнивая Кибела погубила соперницу, а на Аттиса насладала безумие, и он стал сам наносить себе раны острым камнем.

Он голосит: «Поделом! Искуплю я вину мою кровью!

Пусть погибают мои члены: они мне враги!

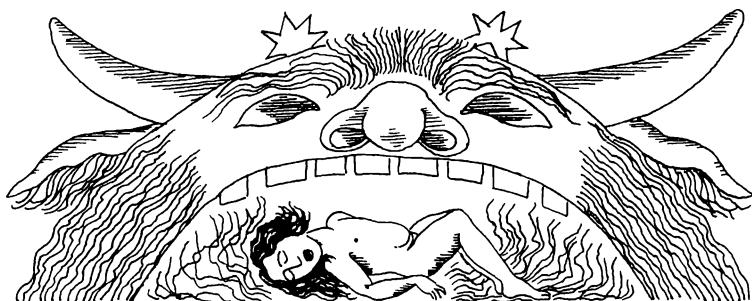
Пусть погибают!» Вскричал и от бремени пах облегчает,

И не осталось вдруг знаков мужских у него.

Это безумство вошло в обычай, и дряблые слуги,

Пряди волос растрепав, тело калечат себе...

Впрочем, к чести как хеттов и фригийцев, так и самой Великой Матери — Кибелы — эти жертвенные оскпления были добровольными.

На территории Ханаана (древнейшее название Палестины и соседних районов Сирии и Финикии) человеческие жертвоприношения были распространены, вероятно, не более чем по всему остальному древнему миру, но ужас потомков (а в значительной мере и современников) вызывал тот факт, что в жертву здесь очень часто приносили детей, причем не рабов и не пленников, а своих собственных. Впрочем, этот обычай тоже не был уникальным, но в финикийских городах он продержался до того времени, когда остальная Ойкумена давно от него отказалась.

Одним из крупнейших и древнейших городов Сирии была Катна. В середине четырнадцатого века до н. э. она была уничтожена хеттами; завоеватели сожгли царский дворец и храм, составлявшие единый архитектурный комплекс. Рухнувшие развалины надежно законсервировали для археологов подземные склепы и фундаменты. А под этими фундаментами исследователи обнаружили в специальных кувшинах жертвенные погребения детей в возрасте от двух месяцев до трех лет.

Впрочем, использование детей в качестве строительных жертв было достаточно широко распространено у многих народов. Но помимо этого у жителей Ханаана существовал еще один страшный обычай — принесение в жертву своих первенцев — их «всесождение». Практиковался он, напри-

мер, в Угарите — древнем городе-государстве, существовавшем на севере будущей Финикии в третьем — втором тысячелетиях до н. э. Сохранилась молитва, которую угаритцы возносили к своему богу Балу (он же Баал):

Когда осаждает сильный ворота ваши,
 витязь — стены ваши,
 глаза ваши к Балу поднимите:
 О Балу!
 Так! Прогони сильного от ворот наших,
 витязя — от стен наших!
 Тельца, о Балу, мы посвятим,
 посвящение по обету, Балу, мы выполним.
 Первородного, Балу, мы дадим!
 Добычу, Балу, мы дадим!
 Пиршество, Балу, мы устроим!
 К святыне, Балу, мы поднимемся,
 по дороге к храму, Балу, мы пойдём!
 И услышит Балу молитвы ваши,
 прогонит сильного от ворот ваших,
 витязя — от стен ваших.

Корни этого обычая — приносить в жертву именно первенцев — вызывают споры среди исследователей. Ведь у большинства народов первенец, как правило, считается привилегированным ребенком и наследником. Возможно, древние жители Угарита пытались смягчить своих кровожадных богов, отдавая им самое ценное, что у них было. Впрочем, есть и другая точка зрения. Дело в том, что религия и мировоззрение семитских народов, населявших эти края, были достаточно тесно связаны с шумеро-аккадской религией и мировоззрением. А у тех была своя точка зрения на ценность первенцев. Сохранилась аккадская поэма, записанная в одиннадцатом веке до н. э. вавилонским жрецом-заклинателем Эсагил-кини-уббибом (она носит условное название «Вавилонская теодицея»). В ней говорится, в частности, о том, что богиня-мать Аруру создала первенцев менее жизнеспособными, чем младших детей:

Творение рук Аруру все существа живые —
Отпрыск их первый у всех не ладен:
Первый теленок мал у коровы,
Приплод ее поздний — вдвое больше;
Первый ребенок дурачком родится,
Второму прозвание — сильный, смелый.
Видят, да не поймут божью премудрость люди!

Перевод И. С. Клочкова.

Греческий историк Филон Библский, ссылаясь на не дошедшую до наших дней книгу финикийца Санхунйатона Беритянина, описывает происхождение обычая детских жертвоприношений. Филон придерживался учения Эвгемера, считавшего, что прообразами языческих богов были реально существовавшие люди. Он пишет:

«У древних был обычай, по которому во время великих несчастий от опасностей властители городов или народа отдавали свое любимое дитя на заклятие карателям-богам — в качестве искупления, вместо всеобщей гибели. Отданные на заклятие убивались во время мистерий. Так, Крон, которого финикийяне называют Элом и который царствовал над странюю, а потом, после своей смерти, был обожествлен под видом священной звезды Крона, имел от туземной нимфы, называемой Анобрет, единственного сына, — его поэтому называли Йехуд, так как еще и теперь у финикийцев это слово означает «единородный», — его Крон, когда на страну обрушились величайшие несчастья вследствие войны, украсив царским нарядом и соорудив жертвенник, принес в жертву».

В другом отрывке Филон говорит: «Когда же случилась губительная моровая язва, Крон приносит в жертву отцу своему Урану единородного своего сына». Таким образом, согласно Филону, обычай детских жертвоприношений был освящен божественным почином. Филон отождествляет Эла (Илу) с Кроном и считает, что жертвы приносились его отцу Урану. Более традиционным считалось принесение жертв Балу (Ваалу, Баалу), который тоже отождествлялся с Кроном, а иногда — с Зевсом. А в культуре карфагенян ведущую роль играл Баал-Хаммон («хозяин-жаровик»),

олицетворение солнца, которого в римское время почему-то отождествляли с Сатурном.

Позднее возникла версия еще об одном божестве — Молохе. О нем говорится в Библии, причем Молох назван здесь «мерзостью Аммонитской», ему строятся капища и приносятся жертвы. Однако реальных следов кровожадного Молоха ученые не нашли; есть основания думать, что он появился на свет в результате ошибки переводчиков. Отечественный историк, профессор Новгородского университета Ю. Циркин, в своей книге «Карфаген и его культура» пишет: «...жертвоприношение, как полагают многие современные исследователи, называлось «молк» (или «молек»). Это слово встречается в Библии. Неправильно понятое, оно послужило поводом для сконструирования несуществовавшего у финикийцев бога Молоха, пожирающего человеческие жизни». Версия эта, впервые выдвинутая немецким семитологом О. Эйфельдтом, давно признана ученым миром, о ней говорится, в частности, и в солиднейшей энциклопедии «Мифы народов мира», написанной ведущими российскими учеными. Но это не мешает Молоху совершать победное шествие по множеству не только художественных, но и научно-популярных книг и словарей и даже иметь свои традиционные изображения.

Впрочем, как бы ни звали кровожадных ханаанских богов, требующих от своих последователей человеческих жертв, жертвы эти приносились. Детей сжигали в так называемых «тофетах» — небольших святилищах, вокруг которых простирались своего рода кладбища, здесь останки детей, помещенные в глиняные сосуды, зарывали в землю и над каждым ставили посвяtitельный камень с обращением к божеству, которому была принесена жертва. Но были и жертвоприношения другого рода. Сохранились египетские барельефы, на которых изображены сцены осады сироханаанских городов. Их жители, совершая какой-то религиозный обряд, стоят над стеной и держат детей с вероятным намерением бросить их вниз. Это можно видеть, например, в храме Амона в Карнаке, где показано взятие южноханаанского города Ашкелона в тринадцатом веке до н. э. Впрочем, поскольку это подозреваемое намерение на большин-

стве рельефов так и осталось неосуществленным (кроме, возможно, рельефа храма Бейт эль-Вали), исследователи не пришли к окончательному выводу о том, какой же обряд в действительности происходил на городских стенах.

Известны законы, за нарушение которых виновник должен был принести своих детей в жертву богам. Например, арамейский документ из Верхней Месопотамии (составленный на аккадском языке) гласит, что за осквернение царского имени преступнику положена следующая кара: «Пусть семеро его сыновей будут сожжены для Хаддада (одно из имен Баала. — *О. И.*), а семь его дочерей отданы Иштар в качестве жриц».

Сохранились документы, в которых жители Сирии обещают, в случае нарушения делового контракта, принести своих детей в жертву божеству. Так, заключенный в 783 году до н. э. договор о покупке пахотной земли гласил, что в качестве неустойки возможный нарушитель «должен будет сжечь своего старшего сына для (бога) Сина, а свою старшую дочь — для Белет-цери (богиня степи. — *О. И.*)». В контракте, заключенном ста годами позже, говорится, что нарушитель «должен будет сжечь своего старшего наследника или свою старшую дочь для Белет-цери, а также два хомера (по разным версиям от 440 до 750 литров. — *О. И.*) хороших пряностей». Впрочем, здесь уже происходит смешение традиций, потому что и Син, и Белет-цери были аккадскими божествами, которые ни человеческих жертв, ни тем более сожжения детей традиционно не требовали.

С возникновением и развитием иудаизма, который категорически запретил любые человеческие жертвоприношения, значительная часть Ханаана избавилась от страшного обычая (об этом мы подробнее поговорим в главе «Жертвоприношение Авраама»). Но в приморских городах-государствах, смешанное население которых греки называли финикийцами (Тире, Сидоне, Библе и других), его продолжали практиковать. Примерно с шестнадцатого века до н. э. финикийцы начинают осваивать берега всего Средиземного моря, выводя колонии и насаждая страшный культ Баала-Хаммона во множестве новых городов и поселений.

Финикийцы издревле считались лучшими кораблестроителями и мореходами Ойкумены. Даже само слово «финикийцы», возможно, произошло от египетского слова «кораблестроитель» — «фенеху». Уже в четвертом тысячелетии до н. э. финикийцы начали заниматься морской торговлей. На рубеже второго и первого тысячелетий знаменитые финикийские пираты наводили ужас на все Средиземноморье. Финикийцы были первыми, кто совершил путешествие вокруг Африки, — когда на рубеже VII—VI веков до н. э. египетский фараон Нехо II организовал такую экспедицию, он пригласил в нее финикийских мореходов, и они выполнили заказ фараона за три года.

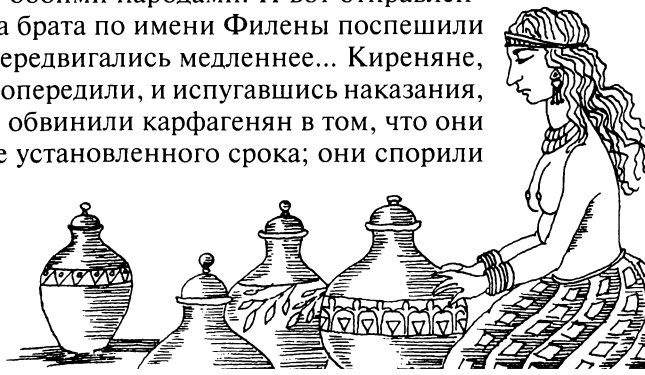
Естественно, что именно финикийцы были главной движущей силой колонизации Средиземноморья. И сегодня археологи находят традиционные следы финикийского культа — глиняные сосуды с обгоревшими детскими костями — во множестве древних береговых поселений. Около тысячи трехсот таких сосудов были найдены в одной из финикийских колоний, основанных на рубеже второго и первого тысячелетий до н. э., — в городе Моция на небольшом одноименном острове возле Сицилии. Над многими из них сохранились стелы с изображениями богов или посвятельными надписями. Подобные кладбища найдены в Хадрумете (в нынешнем Тунисе), в финикийских городах Сардинии и, конечно же, в Карфагене — крупнейшей колонии финикийцев.

Карфаген был основан выходцами из финикийского города Тира в конце девятого века до н. э. Согласно легенде, ими предводительствовала вдовствующая дочь тирского царя Дидона (или Элисса). Когда корабли Дидоны подошли к африканским берегам, предприимчивая царица купила у местного правителя Ярба такое количество земли, которое можно покрыть одной бычьей шкурой. Ярб отнюдь не собирался торговать своими владениями, но Дидона просила о ничтожном участке, и царь уступил. Однако Ярб просчитался: хитрая финикийка велела разрезать шкуру на узкие полоски и окружила ими огромный участок земли, на котором и основала цитадель будущего города.

О дальнейшей судьбе Дидоны мифографы повествуют по-разному. Существует рассказ о том, что Дидона, преследуемая сватовством Ярба и желающая сохранить верность покойному мужу, совершила самосожжение, чтобы спасти Карфаген от войск настойчивого жениха. Другое предание связывает гибель Дидоны с отъездом бросившего ее Энея. Исторический Эней, если он существовал, мог оказаться в Африке никак не позже начала двенадцатого века до н. э., вскоре после окончания Троянской войны; Карфаген же был основан значительно позже (впрочем, есть разные версии). Но из-за кого бы ни покончила с собой злосчастная Дидона, ее смерть однозначно была связана с самосожжением. Гибель царицы на костре положила начало страшному потоку ритуальных самоубийств и убийств, которые совершались в Карфагене на протяжении многих веков, причем так активно, как, возможно, ни в одном другом финикийском городе, а быть может, и ни в одном из городов Ойкумены.

Римский историк Саллюстий передает рассказ о двух жителях Карфагена, братьях Филенах, которые согласились похоронить себя заживо, дабы расширить границы карфагенских земель.

«В те времена, когда Карфаген владычествовал почти во всей Африке, Кирена тоже была могущественна и богата. Между обоими городами лежала однообразная песчаная равнина; не было ни реки, ни горы, которые могли бы служить границей между ними. Это обстоятельство привело к тяжелой и долгой войне. После того как не раз соперники разбивали вражеский флот и наносили огромный ущерб друг другу, они, опасаясь, как бы на усталых победителей и побежденных не напал кто-либо третий, заключив перемирие, договариваются о том, чтобы в назначенный день из обоих городов вышли послы, и там, где они встретятся, установится граница между обоими народами. И вот отправленные из Карфагена два брата по имени Филены поспешили в дорогу; киреняне передвигались медленнее... Киреняне, увидев, насколько их опередили, и испугавшись наказания, ожидавшего их дома, обвинили карфагенян в том, что они вышли в путь раньше установленного срока; они спорили

и готовы были на что угодно, только бы не уходить побежденными. Но когда пунийцы предложили поставить другие условия, лишь бы они были справедливыми, греки предоставили карфагенянам на выбор: либо чтобы они в том месте, где желают провести границу своей страны, позволили зарыть себя в землю живыми, либо чтобы сами греки на тех же условиях отправились до того места, которое выберут. Филены согласились и принесли себя и свою жизнь в жертву отечеству — они были заживо зарыты. В этом месте карфагеняне посвятили алтари братьям Филенам, а на родине учредили для них и другие почести».

Карфагеняне приносили в жертву и военнопленных. Иногда, как сообщает греческий историк первого века до н. э. Диодор Сицилийский, для этого выбирали самых красивых пленников. Но случалось, что с выбором не заморачивались и в жертву приносили всех пленников сразу. Так поступил Ганнибал Магон (не путать со знаменитым Ганнибалом Баркой) после того, как в 408 году до н. э. взял сицилийский город Гимеру. Когда-то карфагеняне потерпели при Гимере сокрушительное поражение, и в битве погиб дед Ганнибала Магона — Гамилькар. Взяв город, мстительный полководец разрушил его и принес в жертву тени своего деда 3000 пленных.

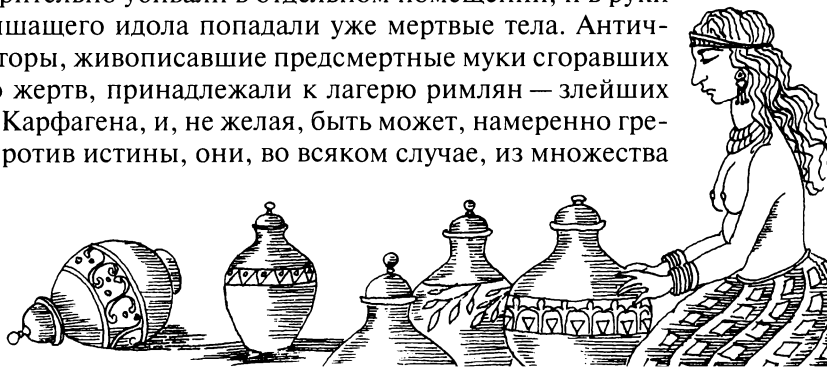
Двумя веками позже Ганнибал Барка, воевавший с Римом и одержавший блистательную победу при Каннах, перенял у побежденных обычай погребальных гладиаторских игр. По сообщению римского историка Аппиана, «тех, кто принадлежал к сенаторам или вообще к знатым, он заставил вступить друг с другом в единоборство, отцов с сыновьями, братьев с братьями, не упуская ни одного случая проявить презрительную жестокость, причем ливийцы были зрителями этого зрелища». Возмущение Аппиана, получившего римское гражданство и причисленного к сословию всадников, не вполне справедливо, ведь во времена пунических войн римляне сами практиковали и человеческие жертвоприношения, и гладиаторские игры. А ко второму веку н. э., когда Аппиан поселился в Риме, на аренах римских цирков ежегодно гибли тысячи людей. Но к вопросу о гладиаторских играх мы вернемся в главе, посвященной Вечному

городу. А пока что перейдем к самому страшному и массовому виду человеческих жертвоприношений Карфагена — всеожожению детей.

Тофет Карфаген находился на берегу моря, рядом с портом. Поначалу, примерно до седьмого века до н. э., здесь было обычное святилище, где приносили в жертву животных. Вплоть до этого времени археологические находки ничем не подтверждают детских жертвоприношений. Та же самая картина видна и в других финикийских колониях — покинув родину, древние мореходы отходили от традиций предков, хотя в остальном связи с метрополией сохраняли, и даже независимый Карфаген регулярно посылал своих представителей в Тир для участия в религиозных ритуалах. Но начиная с VII—V веков до н. э., на окраинах финикийских городов, рядом с крепостными стенами, появляются тофеты.

Карфагенский тофет представлял собой закрытый двор, внутри которого, за лабиринтом перегородок, находился еще один, внутренний дворик, а в нем — крохотная часовня площадью всего в один квадратный метр. Здесь на алтаре сжигали детей, прах и кости которых помещали потом в глиняные урны и хоронили в наружном дворе. Над урнами ставили каменные стелы.

Античные авторы оставили леденящие душу описания того, как карфагеняне сжигали живых детей, отправляя их в раскаленную утробу своего медного бога. Как во время ритуала, обставленного как всенародный праздник, родители детей стояли тут же с обязательными улыбками на лицах. Эти сцены, расцветив их красочными подробностями, передает Гюстав Флобер в своем знаменитом романе «Саламбо». Но сегодня исследователи считают, что на деле все выглядело несколько иначе. Ритуал этот действительно проходил ночью, под музыку флейт, тамбуринов и лир. Но детей предварительно убивали в отдельном помещении, и в руки огнедышащего идола попадали уже мертвые тела. Античные авторы, живописавшие предсмертные муки сгоравших заживо жертв, принадлежали к лагерю римлян — злейших врагов Карфагена, и, не желая, быть может, намеренно грешить против истины, они, во всяком случае, из множества

разноречивых слухов выбирали те, в которых карфагеняне были представлены наихудшим образом.

Археологи обнаружили в тофете Карфагена останки примерно двадцати тысяч детей. Но нет оснований думать, что все они были принесены в жертву. Возможно, здесь же хоронили и детей, умерших естественной смертью. Эта версия выглядит тем более резонно, что среди останков встречается немало недоношенных детей, вероятно — выкидышей, которых навряд ли приносили в жертву и, уж во всяком случае, не убивали преднамеренно. Но тем не менее, даже если детские жертвоприношения и не обставлялись с такой чудовищной жестокостью и не носили такого массового характера, как об этом одно время писали, все равно масштабы этих жертв потрясают.

По традиции в жертву приносили мальчиков-первенцев, причем прежде всего из аристократических семей. Антропологическое исследование останков, найденных в карфагенском тофете, показало, что 85 процентов похороненных были моложе шести месяцев, как правило, всем было меньше двух лет, и лишь одному ребенку было около двенадцати лет. Встречаются здесь и останки девочек; впрочем, пол далеко не всегда можно установить, а кроме того, как мы уже говорили, это могли быть и дети, умершие естественной смертью.

Как часто и по каким поводам приносились жертвы, неизвестно. Римлянин Силий Италик, автор историко-героической поэмы «Пуника», посвященной войне римлян с Карфагеном, уверяет, что жертвоприношения совершались ежегодно. Диодор писал, что во время осады Карфагена войсками сицилийского тирана Агафокла было принесено в жертву пятьсот детей. Из них двести было выбрано среди первенцев из аристократических семей, еще триста были пожертвованы гражданами добровольно.

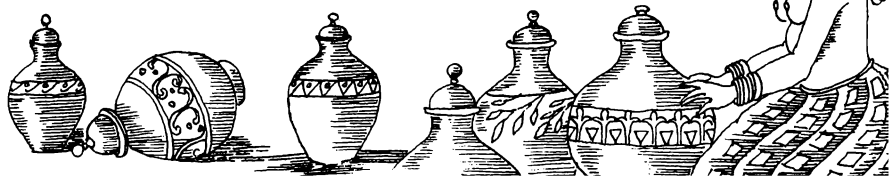
Карфаген был республикой, и, хотя руководили государством олигархические советы и избираемые из числа богатых и знатных граждан магистраты, народ имел огромные права. Высшая власть принадлежала народному собранию; была очень развита общинная собственность, и даже имущество храмов контролировалось общиной. Это приводило

к тому, что каждый карфагенянин чувствовал себя прежде всего частицей своего государства и ставил общественные интересы выше личных. Когда родине грозила опасность, большинство граждан были готовы пожертвовать ребенком ради общего дела. Тем не менее в условиях мира и благополучия все чаще случалось, что люди заменяли своего ребенка на купленного. Именно этим, по мнению карфагенян, и объяснялся гнев богов, которые позволили Агафоклу с четырнадцатитысячным войском высадиться в Северной Африке и овладеть подчиненными Карфагену морскими портами Гадруметом и Утикой. Следующий удар предназначался самому Карфагену. В городе началась паника, и пятьсот детей были уничтожены во имя спасения отечества.

Укреплению страшного обычая помогло то, что после этого жертвоприношения войска Агафокла действительно покинули Африку: пока сицилиец стоял под стенами Карфагена, на его родине произошло восстание и ему срочно пришлось перебросить свои войска обратно, после чего Карфаген заключил с Агафоклом мирный договор. С этого времени, судя по археологическим данным, карфагеняне настолько уверовали в действенность своего страшного ритуала, что он становится массовым, проникая в самые разные слои общества. Если раньше детей приносили в жертву прежде всего представители аристократии, которых принуждали к этому сограждане или собственный патриотизм, то уже в третьем веке до н. э. приносить в жертву детей стали даже рабы — их имена выбиты на посвященных стелах.

Поначалу жители Карфагена, соблюдая древнюю финикийскую традицию, приносили детей в жертву Баалу-Хаммону. До середины пятого века до н. э. территория карфагенского тофета была уставлена стелами с изображением солнечного круга и посвященными надписями: «Господу Баал-Хаммону жертва-молк, которую пожертвовал такой-то». Но позднее здесь все чаще начинают встречаться стелы с перевернутым полумесяцем — знаком богини Тиннит. С четвертого века и вплоть до падения города в 146 году до н. э. Тиннит занимает ведущее место в пантеоне Карфагена.

Покровительница Карфагена Тиннит была богиней весьма противоречивой. Она была девственницей, но в то же

время ведала плодородием. Символами ее были перевернутый полумесяц (иногда под ним изображался солнечный диск как знак ее «напарника» и, возможно, супруга Баала) и голубь. Но несмотря на такие мирные символы, Тиннит имела еще одну эмблему: так называемый «знак бутылки». Он представлял собой сосуд (яйцевидный или в форме конуса) с круглым колпачком наверху, причем сосуд этот со временем стал принимать антропоморфные черты. Исследователи делают вывод, что этот знак символизировал одновременно человека, приносимого в жертву богине, и урну, в которую его останки помещали после сожжения.

Известны случаи, когда карфагеняне уклонялись от принесения требуемой жертвы. К концу существования города в урнах вместо останков детей все чаще встречаются кости ягнят. А Силий Италик рассказывает, что Ганнибал Барка отказался возложить на алтарь своего сына, пообещав богам, что вместо этого принесет им роскошные жертвы после взятия Рима. Но военная удача оказалась не на стороне Карфагена.

Первая Пуническая война в середине третьего века до н. э. закончилась поражением Карфагена, который, впрочем, отделался относительно дешево — потерей Сицилии и контрибуцией. В конце третьего века Ганнибал Барка развязал Вторую Пуническую войну — но после многочисленных и блестящих побед в конце концов тоже потерпел сокрушительное поражение. Карфаген должен был отдать Риму Испанию и все острова, оставить из всего своего знаменитого флота лишь десять кораблей и выплатить огромную контрибуцию. Ганнибал после попытки политического переворота вынужден был бежать на чужбину и в конце концов покончить с собой. И, наконец, в Третьей Пунической войне (в середине второго века до н. э.) город Карфаген был стерт с лица земли, а территория государства стала римской провинцией, которой управлял наместник из Утики. Из полумиллиона жителей города в живых остались лишь пятьдесят тысяч. К этому времени в Карфагене уже давно усилилась позиция греческих и римских богов, которые были включены в состав официального государственного пантеона; человеческие жертвы им не приноси-

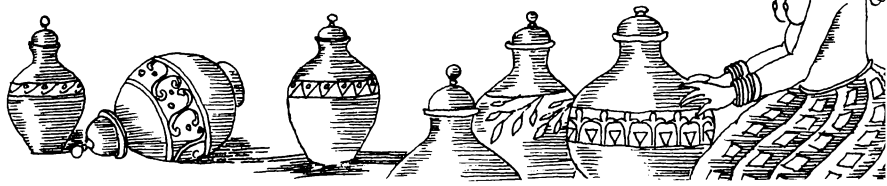
ли. Римская экспансия укрепила позиции античных богов в регионе, а римские власти положили конец традиции человеческих жертвоприношений.

На территории Финикии к этому времени страшный обычай уже не существовал. Последний раз он был упомянут в связи с осадой Тира войсками Александра. Римский автор Квинт Курций Руф писал в своей «Истории Александра Македонского»:

«Примерно в те же дни прибыли 30 послов от карфагенян, но они принесли осажденным не столько помощь, сколько сочувствие... Нашлись даже люди, предлагавшие обратиться к давно уже не применявшемуся жертвоприношению, которое, по-моему, совсем не было угодно богам, именно к заклятию в жертву Сатурну свободнорожденного младенца. Говорят, что карфагеняне до самого разрушения их города осуществляли это скорее святотатство, нежели жертвоприношение, завещанное им основателями их города. Если бы старейшины, по решению которых у них вершатся все дела, не воспротивились, то грубое суеверие взяло бы верх над гуманностью».

Финикийцы так и не решились на страшное жертвоприношение. Что же касается Александра, который позиционировал себя как представителя гуманной греческой традиции, человеческих жертв в прямом смысле слова он не приносил. Но после взятия Тира он приказал перебить всех его защитников, кроме тех, что укрылись в храмах. Шесть тысяч пленных были казнены внутри города, еще две тысячи — распяты вдоль берега моря.

Держава Александра просуществовала очень недолго. Но зимой 64/63 г. до н. э. Сирия и Финикия были подчинены римским полководцем Помпеем и вошли в состав Римского государства, в котором человеческие жертвоприношения были запрещены указом Сената в 97 году до н. э. Этот указ не касался преступников и гладиаторов, тем не менее он сыграл определенную роль в искоренении человеческих жертвоприношений на всех подчиненных Риму территориях.

У древних греков, несмотря на то, что они считали себя людьми гуманными и противопоставляли свою культуру «варварским» нравам окружающих народов, человеческие жертвоприношения в самых разных видах и по самым разнообразным поводам были в ходу на протяжении большей части их долгой истории. Правда, такой массовой резни, какую устраивали на похоронах своих царей египтяне и жители Месопотамии, греки не знали. Но человеческая кровь прекратила литься на алтари Эллады лишь к четвертому веку до н. э., а быть может, и позже.

Корни этого обычая уходят в глубь тысячелетий, он пронизывает всю греческую мифологию, и мы без труда прослеживаем его по крайней мере с первой половины второго тысячелетия до нашей эры — времени, когда, согласно мифографам, к власти пришло третье поколение богов во главе с Зевсом, а согласно историкам, на землях Эллады (включая острова Эгейского моря и побережье Малой Азии) воцарилась развитая крито-микенская культура.

В отличие от египтян и шумеров греки почти не знали заупокойных человеческих жертв. Их представления о загробном мире не предполагали, что умершему понадобятся слуги. Бесплотные, лишённые памяти тени, бродившие по Аиду, не имели земных благ, да они им были

и не нужны. Единственным, чего жаждали тени, была кровь черных баранов и овец, которая возвращала им память и позволяла вновь — видимо, ненадолго — обрести подобие жизни, хотя бы и бестелесной.

Впрочем, уже в «Одиссее» есть упоминание о том, что среди бесплотных и бесчувственных теней встречаются грешники, которые несут заслуженное и вполне телесное наказание: Тантал, мучимый голодом и жаждой, Сизиф, вынужденный, обливаясь потом, вечно вкатывать на гору тяжелый камень. Кроме того, в «Одиссее» есть и упоминание о блаженных Елисейских полях, куда попадают души самых выдающихся героев (впрочем, многие исследователи считают это позднейшей вставкой). Так или иначе, в период между началом двенадцатого века (посещение Аида Одиссеем) и восьмым веком до н. э. (жизнь Гомера) у греков появилось какое-то представление о том, что души за гробом продолжают жизнь, подобную жизни земной. Тем не менее в слугах покойные греки почему-то не нуждались, и человеческие жертвоприношения на похоронах были и согласно мифам, и согласно данным археологии большой редкостью. Одним из немногих ахейцев, чье имя неоднократно упоминается в связи с такими жертвоприношениями, был, как это ни странно, Ахилл.

В «Одиссее» тень Ахилла, обитающая в Аиде, обретает сознание и память, только напившись бараньей крови. После этого герой говорит:

Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, простившихся с жизнью.

Трудно поверить, чтобы предводителю мирмидонян были нужны в загробном царстве служанки или наложницы. Тем не менее сразу после взятия Трои греки принесли в жертву Ахиллу дочь Приама — Поликсену. Она была зарезана на кургане героя его сыном Неоптолемом. Некоторые мифографы упоминают о любви, которую питал Ахилл к юной троянке. Существует и версия о том, что он погиб по дороге в святилище Аполлона, куда шел безоружным

для переговоров о свадьбе с дочерью своего врага. Таким образом, Поликсена стала, вольно или невольно, причиной смерти героя и была принесена ему в жертву перед отплытием ахейцев на родину. Эта история вдохновила многих писателей, драматургов и художников, о ней писали Софокл, Еврипид, Сенека... Правда, согласно Флавию Филострату, Поликсена сама покончила с собой после смерти Ахилла из любви к нему, а согласно древнему комментатору Еврипида, была смертельно ранена при падении Трои и похоронена Неоптолемом. Но так или иначе, версия о принесении девушки в жертву тени Ахилла не вызывала у греков никаких принципиальных сомнений. Тем более что сам Ахилл за год до этого принес двенадцать «пленных Трои прекрасных сынов» в заупокойную жертву своему другу Патроклу. Гомер так описывает эти похороны:

Сруб они вывели в сотню ступней шириной и длиною
И на вершину его мертвеца положили, печалясь.
Много и жирных овец, и тяжелых быков криворогих,
Перед костром заколов, ободрали. И, срезавши жир с них,
Тело Патрокла кругом обложил Ахиллес этим жиром
От головы до ступней; на костер побросал он и туши.
Там же расставил сосуды двуручные с маслом и медом,
К ложу их прислонив. Четырех лошадей крепкошеих
С силою бросил в костер, стеноя глубоко и тяжко.
Девять собак у стола Ахиллеса владыки кормилось;
Двух из них заколол Ахиллес и туда же забросил;
Также двенадцать отважных сынов благородных троянцев
Острою медью зарезал, свершив нехорошее дело.
Силе железной огня пасть на костре предоставил,
И зарыдал, и товарища принялся звать дорогого...

Впрочем, такие жертвы у греков носили скорее символический характер и свидетельствовали лишь о жажде мщения. При этом, вероятно, отнюдь не предполагалось, что зарезанные на жертвенном костре троянцы станут слугами Патрокла в загробном мире. Ахилл еще раньше говорил над трупом своего друга:

Радуйся, милый Патрокл, хотя б и в жилище Аида!
Делаю все для тебя, что раньше тебе обещал я:
Гектора труп приташив, собакам отдам его в пищу,
Возле ж костра твоего зарежу двенадцать я пленных
Трои прекрасных сынов, за убийство твое отомщая.

Эти два жертвоприношения, отметившие жизнь и смерть царя мирмидонян, были, скорее, редчайшими исключениями. И даже Гомер, вдохновенно описывающий резню, которую в течение многих лет устраивали ахейцы по всей Троеде, убийство двенадцати человек у костра Патрокла называет «нехорошим делом». Кстати, на похоронах Гектора, которые проходили под стенами Трои несколькими днями позже и которые описаны Гомером достаточно подробно, человеческие жертвы не упоминаются. А вот боги в отличие от павших героев человеческой крови требовали довольно часто.

Следы человеческих жертвоприношений, приносимых богам предками будущих эллинов, уходят в далекое прошлое. Так, в Коринфе археологи обнаружили колодец эпохи ранней бронзы, забитый останками более чем двадцати человек. Специалисты высказали предположение, что это — результат жертвоприношения хтоническим, или подземным, богам.

Согласно мифам, первые человеческие жертвоприношения совершались в честь Крона, отца Зевса. Крон был известен тем, что пожирал своих детей, рожденных богиней Реей. Бога можно было если не оправдать, то понять: было предсказано, что он будет свергнут собственным сыном. Но на всякий случай божественный отец проглатывал и дочерей. Впрочем, поскольку дети Крона, как и положено богам, были бессмертны, то, пожирая их, он тем не менее не мог их уничтожить (позднее все они были извергнуты обратно и жили долго и счастливо). Однако супруге Крона не нравилась эта традиция, и однажды взамен очередного ребенка она дала мужу проглотить завернутый в пеленки камень. А сына — им был грядущий верховный бог

Зевс — спрятала в пещере на острове Крит. Охраняли младенца некие «куреты».

По поводу того, кто такие куреты, существуют разнообразные точки зрения, но кем бы они ни были, людьми или божеествами, все сходится на том, что древние куреты обитали на Крите во времена правления Крона и именно они охраняли младенца Зевса. Позднее этим словом стали называть юношей, разыгрывавших перед зрителями сцены, которые, согласно греческим мифам, происходили на этом месте, сначала в Диктейской пещере, где Рея родила божественного младенца, а потом в Идейской пещере, где она его спрятала. Но если древнейшие куреты ограничивались охранными функциями и лишь заглушали плач младенца Зевса звоном щитов и копий, звуками тимпанов и флейт и шумом воинских плясок, то позднее куреты-жрецы, судя по всему, чувствовали вину перед обманутым ими Кроном и пытались загладить ее жертвоприношениями. Историк третьего века до н. э. Истр сообщает, что в древности куреты приносили в жертву Крону детей.

Действительно, на Крите археологи обнаружили следы человеческих жертвоприношений, совершавшихся в эпоху бронзы. В частности, в одном из помещений Кносского дворца археолог П. Уоррен обнаружил человеческие кости, лежавшие вместе с двадцатью восемью прекрасно сохранившимися сосудами. Это были останки нескольких подростков в возрасте десяти-пятнадцати лет. Следы скобления на костях говорят о ритуальном людоедстве. А тот факт, что кости не подвергались термической обработке, возможно, говорит о поедании критянами сырого мяса. Именно поэтому некоторые исследователи трактуют находку Уоррена иначе (не опровергая, впрочем, факта людоедства) и связывают ее с культом Диониса или Дионаса-Загрея (одной из архаических ипостасей Диониса).

Культ бога плодоносящих сил земли и вечно обновляющейся растительности Диониса был неразрывно связан в сознании греков с жизнью и смертью. Кроме того, жертвы богу виноградарства и виноделия могли приноситься не иначе, как в состоянии опьянения и вакхического неис-

товства. Поэтому одним из наиболее древних ритуалов служения Дионису было разрывание и поедание живого мяса. Всем известна печальная судьба Орфея, который был разорван на куски вакханками за то, что не почитал Диониса и предпочел ему Аполлона. Впрочем, сам Дионис оказался веротерпимее своих почитательниц — согласно Овидию, он не одобрил самоуправства вакханок и превратил их за это в дубовые деревья. Однако кровавые оргии на празднествах в честь Диониса после этого не прекратились. Сцены разрывания и поедания детей и животных в рамках культа Диониса сохранились на греческих вазах V—IV веков (но в это время, вероятно, уже только на вазах — к пятому веку человеческие жертвоприношения совершались греками лишь в исключительных случаях, причем в жертву приносились военнопленные или преступники).

В «Вакханках» Еврипида рассказывается о том, как юный фиванский царь Пенфей повторил судьбу Орфея и был растерзан женщинами за то, что пытался запретить поклонение Дионису — видимо, Пенфею, двоюродному брату Диониса, было сложно признать богом собственного кузена. Сами женщины поначалу тоже не признавали Диониса богом и сыном Зевса. Но он наслал на них безумие, заставил уйти в горы и превратил в вакханок. Еврипид описывает лагерь, в котором женщины идиллически украшали себя зеленью плюща, дуба или цветущего тиса и прикладывали к груди детенышей серны. «И вот одна, взяв тирс, ударила им о скалу — из скалы тотчас брызнула мягкая струя воды; другая бросила тирс на землю — ей бог послал ключ вина; кому была охота напиться белого напитка, тем стоило концами пальцев разгрести землю, чтобы найти потоки молока; а с плюшевых листьев тирсов сочился сладкий мед...» Но идиллия продолжалась недолго. Один из героев Еврипида, которому выпало сомнительное счастье побывать в лагере вакханок, рассказывает:

«В положенный час они начали потрясать тирсами в вакхической пляске, призывая в один голос Иакха — Бромия, Зевсова сына. И вся гора стала двигаться в вакхическом ликовании, все звери; не было предмета, который бы не закружился в беге. Мы бегством спаслись; а то вакханки

разорвали бы нас. Они же, безоружные, бросились на скот, жевавший траву. И вот одна стала производить ручную расправу над вымистой коровой, мычавшей под ее руками; другие рвали на части и разносили телок; вот взлетело на воздух ребро, вот упало на землю раздвоенное копыто; а само животное висело на ели, обливаясь и истекая кровью. Свирепые быки, бравшие раньше на рога всякого, кто их дразнил, теперь валялись на землю под тысячами девичьих рук, и покровы их мяса разносились быстрее, чем ты мог бы сомкнуть свои царские очи...»

Потом опьяненные вином и кровью женщины понеслись в селения, лежавшие у подножия Киферона. «Ворвавшись туда, точно враги, они стали разносить и опрокидывать все, что им попадало в руки». Они похищали детей (правда, не причиняя им вреда). А мужчинам, которые пытались смирить их силой оружия, вакханки наносили раны своими тирсами. В конце концов обезумевшие женщины увидели фиванского царя Пенфея, приняли его за льва и, предводительствуемые матерью Пенфея и ее сестрами, разорвали на части.

«Мать первая, точно жрица, начала кровавое дело и бросилась на него. Он сорвал митру с головы, чтобы она, несчастная Агава, узнала его и не совершила убийства; он коснулся рукой ее щеки и сказал: «Мать моя, ведь я сын твой, Пенфей, которого ты родила в доме Эхиона; жалься надо мною, мать моя, за мои грехи не убивай твоего сына!» Но она, испуская пену изо рта и вращая своими блуждающими глазами, одержимая Вакхом, не была в своем уме, и его мольбы были напрасны; схватив своими руками его левую руку, она уперлась ногой в грудь несчастного и вырвала ему руку с плечом — не своей силой, нет, сам бог проник своей мощью ее руки. То же сделала с другой стороны Ино, разрывая тело своей жертвы; к ней присоединились Автоноя и вся толпа вакханок. Дикий гул стоял над долиной; слышались и стоны царя, пока он дышал, и ликования вакханок; одна уносила руку, другая ногу вместе с сандалией; они сдирали мясо с ребер, обнажая кости, и разносили обогранными руками тело Пенфея.

Теперь части разорванного тела лежат в различных местах, одни — под мрачными скалами, другие — в густой

листве леса, и не легко собрать их; бедную же его голову сама мать, своими руками сорвавшая ее, наткнула на острие тирса и, воображая, что это голова горного льва, несет ее прямо через Киферон, оставив сестер в хороводах менад».

На греческом острове Тенедос Дионис носил прозвище Антропоррест — «Человекорастерзыватель». Римский писатель рубежа II—III веков н. э. Элиан писал в своем сочинении «О природе животных»: «Тенедосцы держат стельную корову для Диониса Антропорреста, «Человекорастерзывателя», и когда ей приходит пора телиться, они заботятся о ней, как о женщине-роженице. Но новорожденного детеныша они приносят в жертву после того, как привяжут котурны к его ногам. В человека же, который поражает его топором, народ бросает камни, и тот бежит прочь, пока не достигнет моря». Историки считают, что теленок стал заменой человеческой жертвы, которая приносилась в далеком прошлом.

Согласно Павсанию, составившему во втором веке подробное «Описание Эллады», жители города Потнии, неподалеку от Фив, однажды, принося жертву богу, «под влиянием опьянения пришли в такое неистовство, что убили жреца Диониса; убившие тотчас же были поражены моровой язвой, и вместе с тем из Дельф к ним пришло веление бога приносить Дионису ежегодно цветущего мальчика; немного лет спустя, по их словам, вместо мальчика бог разрешил приносить им как жертву козу». После этого местный Дионис получил прозвище Эгобол — «Козлопоражающий».

Римский писатель Фирмик Матерн описал празднество, которое раз в два года совершалось на Крите в честь Диониса, — на этом празднестве критяне растерзывали живого быка.

Бык и козел — традиционные символы Диониса — заменили человека в культе этого бога. А человек в свое время заменил самого бога — ведь именно смерть божества разыгрывалась в дионисийских мистериях. Не случайно вакханки растерзали Пенфея, приняв его за льва, — ведь и Дионису случалось превращаться в этого зверя. А одна из ипостасей Диониса — Загрей (сын Зевса Критского и богини плодородия Персефоны) — был растерзан титанами.

И Орфей, и Пенфей не были случайными жертвами — они пострадали за свое нежелание преклониться перед Дионисом. Жители Потнии тоже приносили человеческие жертвы не в порядке обычного ритуала, а в качестве компенсации за убийство жреца. Это достаточно типичная для Греции ситуация: регулярные, например, календарные человеческие жертвоприношения встречались достаточно редко. Чаще случались жертвоприношения разовые — очень часто в виде наказания за нечестие или иные преступления против нравственности (не обязательно свои собственные). Правда, такие случаи в одной только мифологии исчисляются десятками...

Однажды сын критского царя Миноса Андрогей стал победителем на Панафинейских играх, чем вызвал зависть афинского царя Эгея. Эгей решил погубить юношу и предложил ему принять участие в охоте на Марафонского быка. У быка была богатая биография: он был послан Миносу Посейдоном для принесения в жертву, но остался жив, имел связь с женой Миноса Пасифаей, которая родила от него печально известного Минотавра, потом Посейдон наслал на быка безумие, и он опустошал Крит, пока Геракл не смирил его и не доставил царю Эврисфею в Микены. После чего бык помчался в Аттику и стал бесчинствовать на Марафонской равнине, в окрестностях Афин. Бык, конечно, представлял немалую опасность, чем и воспользовался злокозненный Эгей, пославший на смерть бедного Андрогей. Впрочем, по другой версии, Эгей убил юношу, не прибегая к помощи быка. Но так или иначе Андрогей действительно погиб из-за козней афинского царя, и Минос, узнав о смерти сына, пошел войной на Афины.

Минос имел лучший в мире флот, он высадился в Аттике и осадил Афины, но взять их не смог. Тогда царь Крита обратился к Зевсу с просьбой отомстить убийце сына. Зевс взял мольбе, и в Афинах начались голод и болезни, что, впрочем, и без божественного вмешательства естественно в условиях осады. Тогда афиняне запросили оракул и выяснили, что им надлежит принести человеческую жертву, что и было исполнено. Обряд почему-то совершили на могиле киклопа Гереста, причем выбор пал на четы-

рех девушек сразу. Ими стали дочери спартанца Гиакинта: Антеида, Эглеида, Литея и Ортея. Но боги, судя по всему, сочли жертву недостаточной — ведь Гиакинт не был уроженцем Афин, он переселился в Аттику из Лакедемона. А греческие боги любили, чтобы для них жертвовали самым дорогим; предпочтительной жертвой всегда считались царские дети и, уж во всяком случае, не дети недавнего переселенца.

Афиняне вновь спросили оракул, и бог ответил им, что наказание на них должен наложить сам Минос. Смирившийся перед божественной волей Эгей отправил к Миносу посольство и получил приказ регулярно посылать на Крит семь юношей и семь девушек на съедение Минотавру. Это, безусловно, было не простой данью — если стоять на точке зрения мифа и признать реальность Минотавра, то прокормить его наверняка можно было и чем-нибудь другим, поэтому регулярная гибель четырнадцати афинян могла носить только ритуальный характер. Если же обратиться к исторической науке, то, как мы уже говорили, человеческие жертвы на Крите были известны, они приносились и Кроноу, и Дионису (хотя в данном случае речь скорее могла идти о жертвоприношении отцу Миноса — Зевсу, который прибыл на Крит в образе быка с юной Европой на спине, или же Посейдону, который послал на Крит Марафонского быка). В Кносском дворце сохранились фрески, на которых изображены люди, играющие с быками. И вполне возможно, что юношей и девушек, привезенных из Афин, действительно заставляли участвовать в тавромахии и погибать — на арене или в лабиринте — под копытами и рогами разъяренного животного.

Афинская история (или мифология?) знает немало жертвоприношений, связанных с военными действиями. Аполлodor рассказывает о войне между Афинами и близлежащим Элевсином, которая разгорелась в правление одного из древнейших афинских царей Эрехтея (прадеда Эгея). Элевсинцам помогало большое войско фракийцев, и дело для афинян оборачивалось далеко не самым лучшим образом. Эрехтей спросил бога о том, как ему все-таки одержать победу, и оракул предложил царю принести в жерт-

ву одну из своих дочерей. Выбор пал на младшую дочь, после чего остальные дочери царя закололись сами, потому что у них существовал договор умереть вместе. После такой представительной жертвы боги повернулись к афинянам, и победа над Элевсином была одержана.

Подобным образом и перед Походом Семерых против Фив знаменитый предсказатель Тиресий предупредил фиванцев, что они победят, если Менекей, сын знатного фиванца Креонта, принесет себя в жертву Аресу. Аполлодор пишет: «Услышав это предсказание, сын Креонта Менекей заколол себя перед городскими воротами». Жертва не оказалась напрасной: война была кровопролитной, но в конце концов Фивы одержали победу (хотя она и далась дорогой ценой).

Надо отметить, что отношение греческих богов к человеческим жертвоприношениям было двойственным. С одной стороны, они их требовали и принимали. С другой — случалось, что и осуждали, по крайней мере в тех случаях, когда люди приносили им такие жертвы по собственной инициативе, без повеления оракула. Так, Павсаний, сравнивая первого царя Аттики, строителя афинского акрополя, Кекропса и царя Аркадии Ликаона, пишет:

«Лично я думаю, что афинский царь Кекропс и Ликаон жили в одно время, но в вопросах религии они были не одинаково мудры. Кекропс первый назвал Зевса Верховным и решил не приносить ему в жертву ничего, что имеет душу, сжигая на его алтаре в виде жертвы местные лепешки, которые и до нашего времени афиняне называют пеланами. Наоборот, Ликаон на алтарь Зевса Ликейского принес человеческого младенца, зарезал его в качестве жертвы и окропил его кровью алтарь. Говорят, что сейчас же после этой жертвы он из человека был обращен в волка. Этот рассказ внушает мне доверие: сказание это издавна сохраняется у аркадян, и самая вероятность говорит в его пользу».

Случалось, что жертвоприношение, которого требовали боги, не удавалось, если в дело вмешивался смертный герой. Если жертва была спасена силой оружия, то боги

в большинстве случаев не обижались и даже могли наградить воспротивившихся их воле смертных. Об этом рассказывает, например, миф о Персее и Андромеде. Мифографы сообщают, что Кассиопея, жена царя эфиопов Кефея, стала хвалиться своей красотой, утверждая, что превосходит самих морских богинь nereид. Нереиды обиделись и пожаловались Посейдону, а тот, по сообщению Псевдо-Эратосфена, «стал разорять страну, наслав на нее кита». Не вполне понятно, как мог кит — животное достаточно мирное, питающееся планктоном и к тому же не способное выходить из воды, — угрожать бедным эфиопам, однако достоверно известно, что он настолько напугал их, что пришлось обратиться к оракулу Амона. Тот объявил, что единственный способ избавиться от чудовища — принести ему в жертву дочь Кассиопеи и Кефея — Андромеду. Девушку приковали к скале, но, по счастью, мимо пролетал на волшебных сандалиях Персей, только что расправившийся с горгоной Медузой и имевший при себе ее голову, от взгляда которой все живое обращалось в камень. По некоторым данным, Персей достал из сумки знаменитую голову и тем превратил кита в скалу у берегов Эфиопии. По сообщению же Овидия, который подробно описал эту историю в «Метаморфозах», герой не стал расходовать голову и обошелся своими силами, поразив кита мечом. Так или иначе, жертвоприношение не состоялось, и вместо него сыграли свадьбу. Правда, эта история в конечном итоге стоила жизни немалому количеству народа, но их гибель не имела отношения к ритуалу и культуре — явившийся на свадьбу бывший жених Андромеды Финей устроил на пиру потасовку, в результате которой многие погибли, а сам Финей и те из его соратников, которых Персей не успел убить собственноручно, были обращены в камень знаменитой головой.

Ни Посейдон, ни nereиды не имели к Персею претензий за то, что он избавил город от напасти. Более того, все участники данной истории получили от богов по персональному созвездию: и Кассиопея, и Кефей (Цефей), и Андромеда, и Персей, и даже кит... Интересно, что, хотя Персей выступил в защиту девушки, обреченной в жертву, сам он был позднее обожествлен греками и на его родине, в Арго-

се, и ему стали приносить в жертву мальчиков, причем в качестве жриц выступали юные девы.

Кстати, очень похожая история с неудавшимся жертвоприношением произошла в Трое за несколько десятилетий до Троянской войны. Царь Лаомедонт пригласил богов Посейдона и Аполлона построить стены вокруг своего города. Боги исправно выполнили работу: окружили Троию действительно замечательными стенами, после чего потребовали от Лаомедонта обещанной платы. Однако прижимистый царь не только не рассчитался с божественными строителями, но с позором изгнал их, причем, как передает Гомер, «обоим похвально отсечь в поругание уши». Боги справедливо обиделись, и Аполлон наслал на город чуму, а верный традиции Посейдон напустил на жителей очередного кита, пожиравшего жителей.

В конце концов, чтобы избавить город от напасти, Лаомедонту пришлось принести в жертву собственную дочь Гесиону. Девушку приковали к скале, и чудовище уже готовилось сожрать ее, но в это время мимо города проплывал Геракл, направлявшийся на черноморское побережье Малой Азии, в страну амазонок, за поясом царицы Ипполиты. Герой готов был сразиться с чудовищем, но потребовал для себя нетрадиционной награды — он вовсе не жаждал жениться на Гесионе и попросил отдать ему замечательных коней, которых Лаомедонт в свое время получил от Зевса в качестве выкупа за своего сына Ганимеда. Лаомедонт пообещал коней, и девушка была спасена. Но, обманув богов, Лаомедонт тем более не побоялся обмануть простого смертного — получив дочь, он отказался отдать Гераклу коней. Геракл ушел ни с чем, но зло затаил и через некоторое время вернулся к стенам Трои, без особого труда взял город, Лаомедонта убил, на трон посадил его сына Приама, а Гесиону отдал в наложницы своему соратнику Теламону. Так история с неудавшимся жертвоприношением Андромеды повторилась под стенами Трои.

С окрестностями Трои, точнее, с проливом, на берегу которого она стоит и который древние называли Гелеспонтом, связана история еще одного жертвоприношения. Впрочем, началась она достаточно далеко от этих

мест, в Беотии — одном из регионов центральной Греции. Здесь правил царь Афамант (сын бога ветров Эола и брат печально известного Сизифа). Первой женой царя стала богиня облаков Нефела, от которой он имел сына Фрикса и дочь Геллу. Но потом супруги разошлись, и царь женился на некоей Ино, которая хотя являлась и дочерью основателя Фив Кадма и теткой бога Диониса, но все же была простой смертной. Ино возненавидела пасынка и падчерицу и замыслила погубить их, причем сделать это решила весьма сложным образом. Для начала злокозненная фиванка решила добиться принесения Фрикса в жертву Зевсу. Она убедила женщин Беотии тайно от мужей поджарить семенную пшеницу. В стране начался голод, и Афамант послал гонцов за советом к дельфийскому оракулу. Что бы ни ответил оракул, предусмотрительная Ино перехватила гонцов и убедила их сказать, что оракул требует принести Фрикса в жертву Зевсу. Афамант под давлением сограждан был вынужден подчиниться. Впрочем, сначала все как будто кончилось благополучно: когда мальчика уже подвели к алтарю, его мать послала на выручку сыну златорунного барана. Баран подхватил Фрикса и его сестру и помчал их по воздуху в далекую Колхиду. На этом история с жертвоприношением благополучно и бескровно завершилась, но злоключения детей не окончились: пролетая над проливом, отделяющим Малую Азию от Европы, Гелла упала в воду и утонула, дав проливу имя Геллеспонт — «море Геллы». Впрочем, некоторые мифографы утверждают, что ее спас Посейдон. А Фрикс благополучно прилетел в Колхиду и женился на дочери местного царя Эета. В результате пострадал только несчастный баран — вместо благодарности он был принесен в жертву Зевсу.

Отец детей Афамант тоже едва не окончил жизнь на жертвеннике. После долгих скитаний и злоключений он оказался в Ахее, и когда местные жители по повелению оракула затеяли, как пишет Геродот, «очищение своей страны», они решили заколоть бывшего царя Беотии в качестве искупительной жертвы. На счастье Афаманта как раз в это время в Ахее оказался его внук — сын Фрикса Китиссор. Он не стал поминать былые обиды своего отца и спас

злополучного деда. Но, видимо, греческие боги не всегда спокойно относились к тому, что у них отнимают предназначенные им жертвы. На этот раз боги обиделись, и их гнев пал на потомков Китиссора. Отныне всем старшим в роду было воспрещено вступать в «пританей» — так греки называли здание суда и государственного совета. А тех, которые все же имели несчастье каким-то образом оказаться в пританее, приносили в жертву в святилище Зевса Лафистия (на горе Лафистион). Не вполне понятно, что же так влекло бедных потомков Китиссора в злополучный пританей, но, судя по Геродоту, они постоянно там оказывались, после чего подлежали казни. Историк пишет: «...много осужденных в жертву богу в страхе убежали на чужбину. Если они через некоторое время возвращались и были пойманы, то их вводили в пританей как бы в торжественной процессии и, покрыв с ног до головы венками, приносили в жертву».

Одним из самых знаменитых жертвоприношений в мировой истории стало заклание Ифигении перед отплытием ахейцев под стены Трои. Оно замечательно прежде всего тем, что в последний момент Артемиды, которой предназначалась жертва, спасла девушку, заменив ее ланью. Эта история наметила грядущую гуманизацию греческих культов, если же рассматривать ее в мировом масштабе, то она перекликается с аналогичным событием, ставшим краеугольным камнем трех великих религий, — жертвоприношением Авраама (в процессе которого, как известно, Бог заменил Исаака овном). Кроме того, именно жертвоприношение Ифигении во многом определило ход грядущих событий античной мифологии (или истории?). Не будь его, ахейские корабли не доплыли бы до Трои; не было бы ссоры Ахилла с Агамемноном, легшей в основу «Илиады», не скитался бы по морям Одиссей, а настойчивые женихи не осаждали бы верную Пенелопу. Не будь его, не прогремело бы на весь мир убийство Атрида Агамемнона, богини мщения Эвмениды не преследовали бы его сына Ореста, и мир не узнал бы великих трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. Эней не бежал бы из горящего Илиона и не основал бы

в Италии колонию, ставшую праmaterью Рима... Короче, жертвоприношение Ифигении стоит того, чтобы познакомиться с ним поближе.

Когда ахейцы после долгих сборов, которые, по разным источникам, длились от одного до семи лет, наконец вывели свои корабли из гавани города Авлида, их поход на Трои не продлился слишком долго. Сначала греки перепутали и вместо «высокотвердынной Трои» разгромили владения своего союзника Телефа в Мизии. А когда ошибка разъяснилась и устыженные ахейцы, принеся извинения, вновь сели на свои «чернобокие суда», разразилась буря, которая пригнала неудачливых вояк обратно в авлидскую гавань. Здесь выяснилось, что дороги на Трои не знает никто, кроме того самого Телефа, с которым только что вышла такая неприятная история. А когда ахейцы всеми правдами и неправдами уговорили Телефа участвовать в походе, случилась очередная заминка: не стало попутного ветра. Обратились к прорицателю Калханту, и тот объявил, что ветер отменила богиня Артемида. По одним данным, она разгневалась на Агамемнона за то, что он убил ее священную лань, по другим — за то, что он, подстрелив оленя, похвастался, что даже сама Артемида не сделала бы это так ловко. Кроме того, он не принес богине в жертву чаемого ею золотого ягненка... Короче, Артемида устами Калханта возгласила, что ветра не будет, пока греки не принесут ей в жертву дочь Агамемнона Ифигению.

Ифигения со своей матерью Клитемнестрой, сестрами и маленьким братом Орестом в это время мирно жила в Микенах. Для того чтобы заманить дочь в Авлиду, Агамемнону пришлось пойти на хитрость: он отправил в Микены гонца, который объявил, что отец просватал Ифигению за Ахилла и ей надлежит явиться в стан ахейцев, чтобы вступить в блестящий брак с сыном любимца богов Пелея и богини Фетиды. Клитемнестра с Ифигенией немедленно прибыли в Авлиду. Одним из первых, кого они здесь встретили, оказался Ахилл. Клитемнестра заговорила с ним, как с будущим зятем, и к своему удивлению выяснила, что Пелид вовсе не собирается ни на ком жениться. К чести героя, он не знал, что Агамемнон воспользовался

его именем для того, чтобы заманить девушку на жертвенник. Возмущенный Пелид объявил, что не допустит убийства, невольной причиной которого является он сам. Категорически воспротивилась и мать девушки. Еврипид в трагедии «Ифигения в Авлиде» влагает в уста Клитемнестры яростное обличение человеческих жертвоприношений:

«Я жрец, — ты говоришь, — а не палач».
 Жрец, а какой, скажи, Атрид, молитвой
 Благословенье призывать на нож
 Ты думаешь, подъятый на ребенка,
 На плоть и кровь свою, Агамемнон?
 А я? могла бы я с тобой молиться?
 С убийцею и за убийцу — нет!
 И если б бог, малютку пожирая,
 От матери еще молитвы ждал,
 Он был бы глуп... Но дальше, царь, вернувшись
 Домой, ужель ты б мог ласкать детей?
 О, ты бы не решился! Да ребенок
 Не захотел бы ни один глядеть
 На этого жреца их детской крови...

Впрочем, Ифигении не нужны были заступники — узнав, как обстоит дело, она решила исполнить волю богини:

За родину, за всю Элладу тело
 Я предаю на жертву, и никто
 Меня к тому не вынуждал, — веди же
 К богине дочь, коли богиня ждет.
 И дай вам бог счастливую удачу,
 Оружие украсить и домой
 С победою вернуться из-под Трои.
 А до меня ахеец ни один
 Пусть не касается: я горло молча
 Подставляю вам; я — сердцем не ягненок.

Еврипид подробно описывает подготовку к жертвоприношению:

И вот Калхант-провидец вынул нож,
Что лезвие таил в суровой коже,
И в россыпь круп его он погрузил
Средь золотой корзины, а царевне
Венком чело увил. Меж тем Пелид,
Вкруг алтаря кружась, его водою
И той крупой священной окропил
И к дочери Зевесовой взывает:
«О дивная охотница, в ночи
Ты по небу свое светило катишь...
Прими ж от войск союзных этот дар
И от вождя дружин, Агамемнона:
Кровь чистую из девственной ее
И мраморной мы выпускаем шеи.
Утешься ей и даруй путь судам,
Дай Трою нам высокую разрушить!..»
И в землю взор в молчаньи вперил
Агамемнон; и Менелай, и войско
Потупились. И наскоро мольбу
Жрец сотворил, меж тем как взор прилежно
На девственной груди ее искал,
Где б нож вонзить ему, чтоб без мучений
И разом ей конец настал...

Еврипид описывает, как испуганные очевидцы отвели глаза от жертвенника, а когда вновь подняли их — Ифигении уже не было.

Близ алтаря лежала, содрогаясь,
Огромная, красы отменной, лань,
И кровь ее в последних муках жизни
По ступеням рекой струилась алой...

Жрец объявил ахейцам, что «благородный дар... охотницей божественной отринут...», что Ифигения «среди богов удел днесь обрела» и что «молва о чуде меж греками, конечно, не умрет». Версии о том, что Ифигения стала божеством, придерживался автор «Каталога женщин» (ошибочно приписывавшегося Гесиоду); он писал, что Артемида

Деву поспешно с собой унесла и амвросией сладкой
 Тело с главы умастила, чтоб оно стало нетленным,
 Дни навсегда положила в бессмертии жить, не старея.
 Ныне ее называет племя земных человек
 Спутницей славной метальщицы стрел Артемидой Дорожной.

Спася девушку, Артемида перенесла ее в далекую Тавриду (нынешний Крым), где у богини было святилище, и сделала своей жрицей. О том, как дальше сложилась судьба Ифигении, тоже повествуют многие античные авторы. Тем более что судьба эта была не из легких: едва спасшись от жреческого ножа, Ифигения должна была сама участвовать в человеческих жертвоприношениях, которыми старались умиловить богиню благочестивые тавры. Делала она это, судя по всему, настолько добросовестно, что со временем затмила саму Артемиду и стала почитаться местными жителями в качестве одной из ипостасей богини. Геродот, побывавший в Причерноморье семью веками позже, писал:

«У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибавляют к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это — дочь Агамемнона Ифигения. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома».

Даже в четвертом веке уже нашей эры Аммиан Марцелин, офицер римской армии и историк, описывает почти такой же ритуал — с той лишь разницей, что в его време-

на отрубленные головы выставляли на стенах святилищ. Описания античных авторов подтверждаются и находками археологов...

Еврипид, описавший чудесное спасение дочери Агамемнона в трагедии «Ифигения в Авлиде», посвятил ее деятельности на новом месте жительства еще одну трагедию — «Ифигения в Тавриде». Он описал святилище богини, в котором по приказу царя Фоанта в жертву Артемиде приносили всех появившихся в этих краях греков. Ифигения говорит:

Из старины обычай
Меж таврами ведется и теперь:
Коль эллин здесь появится, богине
Его готовить в жертву я должна.

Еврипид описывает алтарь, замазанный кровью, — «по его зубцам развешены остатки вооружения приносимых в жертву эллинов». Сюда прислужницы Ифигении несут необходимые для жертвоприношения «сосуды с медом, маслом, молоком, белые ткани и ножи». Впрочем, сама Ифигения, хотя и называет свою богиню «дивной», хотя и служит ей, как этого требует обычай, такой практики не одобряет. Она говорит:

Лукавая богиня! К сердцу желчь
Вздывается: убитого коснися,
Родильницы иль мертвого — и ты
Нечист — от алтаря ее подальше!
А челоуэчья кровь самой в усладу...
Не может быть, чтоб этот дикий бред
Был выношен Латоною и Зевсом
Был зачат. Нет, нет, не поверю я,
Чтоб угощал богов ребенком Тантал
И боги наслаждались. Грубый вкус
Перенесли туземцы на богиню...
При чем она? Да разве могут быть
Порочные среди богов бессмертных?

Трагедия Еврипида заканчивается отменой человеческих жертвоприношений. Ифигения с ее неожиданно объявившимся братом Орестом, которого она должна вести на заклание, бегут обратно в Грецию. Афина, которая тоже совершенно неожиданно объявилась во владениях Артемиды, рекомендует беглецам перенести статую кровожадной богини из Таврии в Аргос и там учредить культ хотя и кровавый, но в смягченном варианте. Теперь жрецу надлежало лишь слегка касаться мечом шеи жертвы и пускать кровь «для вида, сердце теща богинино».

Не вполне понятно, почему процедуру жертвоприношения Артемиде установила Афина и что по этому поводу думала сама Артемиды. Но, судя по всему, богиня-охотница не слишком возражала, потому что смягченный вариант ее культа в спартанском государстве (в которое со временем вошел и Аргос) действительно прижился и существовал много веков. Со временем надрезы на шее жертвы отменили. Но поскольку богиня все-таки жаждала крови, то спартанцы учредили обычай бичевать на алтаре Артемиды юношей-эфебов (достигших совершеннолетия).

Павсаний пишет:

«Место, называемое Лимнеем, является храмом Артемиды. Тут находится ее деревянное изображение, которое, говорят, некогда Орест и Ифигения похитили из Тавриды. По рассказам лакедемонян (спартанцев. — *О. И.*), оно было перенесено в их город Орестом, который тут и царствовал... После этого им было сообщено божье слово — орошать жертвенник человеческой кровью. Прежде приносили в жертву того, на которого указывал жребий, но Ликург заменил это бичеванием эфебов... При этом присутствовала жрица, держа в руках деревянное изображение. Будучи маленьким по величине, это изображение было очень легким, но если бывает, что бичующие бьют эфеба слабо, щадя или его красоту, или его высокое положение, тогда для жрицы это деревянное изображение становится тяжелым, и она с трудом может его держать; она начинает тогда обвинять бичующих и говорит, что из-за них она чувствует тяжесть».

Юные спартанцы считали делом чести выдержать истязание без единого стога; они состязались друг с другом,

кто выдержит больше ударов, и некоторые из них умирали на алтаре. Впрочем, это уже было делом добровольным — Артемида не требовала смертей и готова была ограничиться кровью. Да и юноши шли на смерть не столько во имя богини, сколько ради славы, которую они за это обретали. Плутарх сообщает:

«Мальчиков в Спарте пороли бичом на алтаре Артемиды Орфии в течение целого дня, и они нередко погибали под ударами. Мальчики гордо и весело соревновались, кто из них дольше и достойнее перенесет побои; победившего славили, и он становился знаменитым. Это соревнование называли «диамастигосис», и происходило оно каждый год».

Приносили человеческие жертвы Артемиде и соседи спартанцев, жители города Патры на северо-западе Пелопоннеса. Но у них эта практика полностью прекратилась вскоре после Троянской войны. Согласно Павсанию, дело обстояло так. Когда ионийцы заселили эти места, они построили в честь Артемиды храм и учредили ежегодный праздник и ночное бдение, посвященные богине. Должность жрицы должна была нести невинная девушка до тех пор, пока она не выходила замуж, — ведь и сама Артемида была богиней девственной. Однажды обязанности жрицы возложили на девушку изумительной красоты, по имени Комето. В нее был влюблен юноша Меланипп, «превосходивший своих сверстников красотой лица и другими качествами». Меланипп пытался просватать Комето, но не встретил поддержки ни у своих родителей, ни у отца Комето. «Тогда, — как пишет Павсаний, — в печальном романе Меланиппа подтвердилось то, что подтверждалось много раз и в других случаях, а именно: что любви свойственно нарушать законы людские и попирает почтение к богам». Но Комето и Меланипп не просто «нарушили законы» и «попрали почтение» — они сделали храм «своим брачным чертогом». Учитывая декларативную девственность Артемиды, это нанесло ей особое оскорбление. Павсаний пишет:

«...Гнев Артемиды обрушился на людей: земля перестала приносить плоды, их поразили необычные болезни

со смертными случаями, более частыми, чем прежде. Когда при этих бедствиях они прибегли к помощи божественного откровения в Дельфах, то Пифия открыла преступление Меланиппа и Комето; и веление бога было — их самих принести в жертву Артемиде и затем каждый год приносить богине в жертву девушку и юношу, которые были самыми красивыми. Из-за этого жертвоприношения река у храма Артемиды Трикларии получила название Амелиха (Немилостивая), а раньше у нее не было никакого названия. Достойна сожаления судьба юношей и девушек, которые гибли как жертвы богине из-за Меланиппа и Комето, сами не повинные ни в чем, достойны сожаления и их родственники...»

Жители Патр, обескураженные происходящим, обратились за советом в Дельфы, и оракул пообещал, что жертвоприношения можно будет прекратить после того, как в их землю прибудет «иноземный царь, везя с собой иноземное божество». Таковой царь не замедлил явиться: это был один из героев Троянской войны Эврипил.

Когда после взятия Трои греки делили добычу, Эврипила, в числе прочего, достался замечательный ларец с изображением Диониса. Открыв ларец, Эврипил увидел божественный лик и сошел с ума. Впрочем, Дельфийский оракул не поскупился на предсказание и для него: для того, чтобы исцелиться, царю было велено водрузить свой ларец и поселиться в том месте, где он встретит людей, приносящих «чуждые эллинам жертвы». У Эврипила, несмотря на безумие, хватило ума последовать этому совету, и он стал скитаться по миру в поисках таких людей. Однажды ветер пригнал его корабли к морскому берегу на побережье Пелопоннеса, и Эврипил увидел людей, ведущих юношу и девушку на заклатие к храму Артемиды. Нельзя сказать, чтобы эта жертва была такой уж «чуждой эллинам», тем более что ветеран Троянской войны Эврипил не мог не знать о судьбах Ифигении, троянских юношей и Поликсены. Тем не менее он водрузил на берегу свой ларец, а местные жители, увидев обещанных им царя и кумира, поняли, что жертвоприношения на этом можно прекратить. Прекратилась и болезнь Эврипила, и все кончилось хоро-

шо. Девушка и юноша спаслись, и даже реке жители Патр дали новое название: теперь она стала называться Мелиха, что значит «милостивая». Служение новому богу было бескровным и радостным. Павсаний описывает его следующим образом:

«Бог, который находится в ларце, именуется Эсимнетом (Владыкой); тех, которые служат специально ему, всего девять человек, их выбирает народ по их достоинству из числа всех граждан; столько же выбирается и женщин. В праздничную ночь один только раз выносит наружу жрец этот ларец. Это особенность и торжественный акт специально этой ночи. Кроме того, часть молодых людей, детей местных жителей, украсив свои головы венками из колосьев, спускается к реке Мелихе: некогда так украшались те, кого вели на жертву Артемиде. В наше же время они складывают свои венки из колосьев у статуи богини и, омывшись в реке, вновь возлагают на себя венки, но уже из плюща, и так идут к храму Эсимнета. Так установлено у них совершать это торжественное служение».

Кое-где времена, непосредственно следовавшие за Троянской войной, действительно ознаменовались смягчением или отменой кровавых культов. Но далеко не все ветераны этой войны оказались гуманистами. В свое время для Агамемнона и Ифигении все началось с отсутствия попутного ветра, который обидчивая Артемиде не хотела послать ахейским кораблям. Позднее проблемы с ветром повторились, но теперь уже у брата Агамемнона — Менелая, который по окончании войны какое-то время обретался в Египте. Геродот пишет:

«Менелай, несмотря на то, что египтяне сделали ему много добра, отплатил им за это бесчестным поступком. Противные ветры задерживали его отплытие, и так как это промедление тянулось долго, то Менелай задумал нечестивое дело. Он схватил двух египетских мальчиков и принес в жертву, чтобы умиловать ветры. Когда это злодеяние обнаружилось, то возмущенные египтяне погнались за ним, и он бежал с кораблями в Ливию. Куда он затем направился дальше, египтяне не могли мне сказать. Однако они

утверждали, что знают об этом частично, правда, по слухам, а частью могут ручаться за достоверность, так как события происходили в их стране».

Кровавый след человеческих жертвоприношений еще долго тянулся за ахейцами после того, как они отбыли из разрушенной Трои. Павсаний рассказывает следующую историю. Когда Одиссей и его спутники блуждали по Средиземному морю, их занесло в сицилийский город Темесу. «Здесь один из его спутников, напившись пьяным, изнасиловал девушку и за такое беззаконие был побит местными жителями камнями. Одиссей, не обратив никакого внимания на его гибель, поплыл дальше, демон же побитого камнями человека все время предавал смерти без сожаления и старого и малого как в Темесе, так и за ее пределами, так что они совсем уже были готовы бежать из Италии и покинуть Темесу, но им не позволила сделать этого Пифия, а велела умиловить «героя», выделить для него священный участок и выстроить храм и каждый год приносить ему в жертву в качестве жены самую красивую из девушек Темесы. Когда они выполнили приказание бога, то в дальнейшем демон уже не наводил на них страха».

Сам Павсаний жил на полторы тысячи лет позднее Одиссея и его спутников и признается, что передает эту историю «по слухам». Но ему довелось видеть «копию с древней картины», на которой был изображен означенный демон — «страшного черного цвета и видом во всех отношениях ужасный; на нем в качестве одежды была накинута волчья шкура. Надпись на картине давала ему имя Лика».

Судя по словам Павсания, жители Темесы приносили кровавые жертвы демону в течение примерно семи веков. И только в пятом веке до н. э. к ним пришло спасение в лице знаменитого кулачного бойца Евфима. Демон, хотя он и требовал себе жертв, которые могут понадобиться только духу, оказался существом не только зловредным, но и вполне материальным, и для победы над ним требовалась грубая физическая сила. Но Евфим недаром был победителем на 74-й, 76-й и 77-й Олимпиадах. Павсаний пишет:

«Когда же Евфим, придя в Темесу как раз в то время, как совершался этот обряд в честь демона, узнал, что у них

делается, он пожелал войти в храм и там посмотреть на девушку. Когда он ее увидел, сначала его охватила жалость к ней, а затем появилась у него к ней любовь. Девушка поклялась ему, что, если он спасет ее, она станет его женою; тогда Евфим, снарядившись, стал ожидать нападения демона. В этой битве он его победил, и так как он выгнал его из этой страны, то герой исчез, погрузившись в море. Евфим блестяще справил свою свадьбу, а местные жители навсегда получили свободу от этого демона».

Еще один обычай жертвоприношения девушек был связан с именем ахейского воина Аякса Оилида, предводителя локров. Во время разгрома Трои Аякс изнасиловал дочь Приама, вешую Кассандру. Сам по себе этот поступок укладывался в «право войны» и особого порицания не вызывал, но Аякс умудрился совершить его прямо возле статуи Афины Паллады, и богиня, носившая прозвище Парфенос — девственница, — обиделась. В результате сам Аякс, гонимый гневом Афины, погиб в море по пути домой, а его соплеменникам была ниспослана эпидемия, для борьбы с которой пришлось запрашивать Дельфийского оракула. Оракул возгласил, что во искупление греха своего невоздержанного царя локры должны в течение тысячи лет регулярно отсылать в восстановленную Троию двух девушек для службы в храме Афины-Илиады. Причем, несмотря на то, что Афина не требовала возлагать девушек на алтарь, этот обычай оказался весьма кровавым: когда корабль с новоявленными храмовыми служительницами подходил к берегам Трои, локры по традиции встречали девушек градом камней и преследовали их до самого святилища. Если несчастные оставались в живых, они должны были выполнять в храме грязную работу и не смели выходить наружу до наступления ночи. После смерти тела девушек сжигали, прах выбрасывали в море, а локры присылали новых жертв.

Не вполне понятно, почему Афина, выступавшая в Троянской войне на стороне ахейцев (и, соответственно, локров), вступилась за честь девушки-троянки в ущерб девушкам-гречанкам. Видимо, оскорбление, нанесенное ей как богине и девственнице, оказалось сильнее политиче-

ских пристрастий. Обычай этот действительно просуществовал тысячу лет. В середине четвертого века до н. э. Эней Тактик писал о нем как о современном ему обряде. В 345 году до н. э. локры решили, что срок их повинности истек, и девушек отправлять в Илион перестали, но боги послали знамения, из которых вытекало, что срок исчислен неверно. Посольства возобновились, но условия смягчили: теперь девушки должны были служить богине в течение года.

Интересно, что Афина, хотя и славилась как богиня мудрости и ремесел, человеческие жертвоприношения принимала, причем не только условные, как описано выше, но и самые непосредственные. На Кипре, в городе Саламине (не путать с одноименным островом), находилось объединенное святилище Афины, ее любимца героя Диомеда и второстепенного мифологического персонажа Агравры (в одном из вариантов — Агравлы), которую иногда считали ипостасью Афины. В этом святилище по крайней мере до конца четвертого века до н. э. существовал обычай человеческих жертвоприношений. В осеннем месяце афродизионе эфебы трижды прогоняли человека вокруг алтаря, после чего жрец убивал его ударом копья, и труп сжигали.

Мифографы сохранили еще немало упоминаний о знаменитых человеческих жертвоприношениях, относящихся, судя по всему, ко второй половине второго тысячелетия до н. э. (если признавать их реальность). О некоторых из них напоминают географические названия, долгое время бытовавшие у эллинов. Так, Павсаний приводит следующую историю:

«Когда Калидон был еще обитаем, то в числе других жрецов бога из среды калидонян был также и Корес, которому больше всех людей пришлось испытать незаслуженного горя от любви. Он любил девушку по имени Каллироя. Но насколько горяча была у Кореса любовь к Каллирое, настолько же было велико к нему у девушки отвращение. Когда ни все просьбы, с какими Корес к ней обращался, ни обещания всяких даров не могли изменить настроения девушки, Корес обратился с мольбой к статуе бога Диониса».

Бог внял мольбе своего жреца, но принял весьма странные меры: вместо того, чтобы внушить девушке любовь к бедному Коресу, Дионис внушил калидонцам массовое безумие, и они «тотчас стали сходить с ума, как бывает при опьянении, и в безумии они умирали». А те из них, кто не успел обезуметь и умереть, в панике запросили оракул в Додоне, где жрецы давали прорицания по «воркованию голубей и шелесту священного дуба». Жрецы прислушались к воркованию и сообщили, что напасть не прекратится, пока Корес не принесет Дионису в жертву или саму Каллирою, или добровольца, который решится за нее умереть. Поскольку никто не захотел умирать за несговорчивую девушку, калидонцам ничего другого не оставалось делать, как повести к алтарю ее саму. Павсаний пишет:

«Когда все уже было готово для жертвы, согласно велестью из Додоны, когда ее вели к алтарю подобно жертвенному животному и Корес стоял, готовый совершить эту жертву, то он под влиянием чувства любви, а не гнева, сам убил себя за Каллирою, тем на деле доказав свою самую искреннюю любовь, какая нам только известна среди людей. Когда Каллироя увидела мертвым Кореса, чувства девушки переменились; ее охватило чувство жалости к Коресу и стыд за то, что она сделала с ним; она умертвила себя, бросившись в источник, который протекал в Калидоне недалеко от залива и который потом в ее память люди называли ручьем Каллирой».

Римлянин Юлий Гигин в своей «Астрономии» сообщает о том, как получили название море и гавань неподалеку от Трои, возле города Элеунта, а заодно и небольшое созвездие, которое и мы по сей день зовем Чашей. «Когда там царствовал некий Демофонт, ту землю охватило неожиданное бедствие, и удивительная смертность распространилась среди жителей. Демофонт, опечаленный таким состоянием дел, послал, рассказывают, спросить оракул Аполлона о том, как избавиться от бедствия. Пифия ответила, что следует ежегодно приносить в жертву богам Пенатам одну деву знатного рода. Демофонт убивал дочерей всех прочих граждан, на кого падал жребий, исключая при этом из жеребьевки своих, и так продолжалось до тех

пор, пока один гражданин весьма знатного рода не ожесточился душой на Демофонта. Он сказал, что отказывается решать судьбу своей дочери жребием, если туда не будут включены царские дочери. Этим он возбудил царский гнев, и царь предал смерти его дочь, не бросая жребий. Мاستусий — так звали отца той девы, — в ту же минуту притворился, что он, ревнитель отечества, не ропщет на случившееся, ведь его дочь могла погибнуть через какое-то время по жребию. Спустя несколько дней он заставил царя забыть об их ссоре. И вот, когда отец несчастной девы сделался едва ли не самым близким наперсником царя, он объявил, что хочет торжественно совершить ежегодное жертвоприношение, и пригласил царя и его дочерей участвовать в церемонии. Царь, ничего не подозревая, послал дочерей вперед, сам же он, обремененный государственными заботами, намеревался прибыть позднее. Все случилось так, как и рассчитывал Мастусий. Он убил царских дочерей, смешал их кровь с вином и, когда прибыл царь, угостил его этим питьем. Когда царь, пожелав видеть дочерей, узнал, что с ними случилось, он приказал бросить Мастусия вместе с чашей в море. Вот почему то море в память о нем стали называть Мастусийским, а гавань и донныне зовется Чашей. По воле древних астрономов она обрела зримый образ среди созвездий...»

К временам несколько более поздним — вскоре после Троянской войны — относятся и свидетельства (правда, не бесспорные) о человеческих жертвоприношениях в Пилосе. «Пилос песчаный», подробно описанный у Гомера, был вотчиной мудрого царя Нестора, который в «Илиаде» зовется «почтеннейший старец, великая слава данаев». Нестор отличался долголетием и правил долго: до войны, во время ее и по крайней мере десять лет после ее завершения (именно в это время к нему в гости приехал сын Одиссея — Телемах). Происходило все это на рубеже XIII—XII веков до н. э. А век спустя пилосский дворец Нестора сгорел в огне страшного пожара, которым было ознаменовано нашествие дорийцев. Но то, что было несчастьем для пилосцев, стало неоценимой удачей для археологов: пожар сохранил в архи-

вах дворца сотни табличек с самыми разнообразными записями. В наше время пожары не способствуют сохранности архивов, но древние греки делали текущие учетные записи на табличках из сырой глины. Обжигать их никому не приходило в голову, и со временем эти таблички рассыпались, или размокали, или еще каким-то образом уничтожались. Но пожар превратил хрупкую глину в бессмертную керамику, и мы знаем сегодня, как жил Пилос в последние годы и даже дни своего существования. О последних днях, а быть может, и часах дворца, когда его жители, отчаявшись, готовы были к последнему средству — человеческим жертвоприношениям, повествует одна из найденных здесь табличек.

Табличка эта, довольно крупная, была исписана с обеих сторон в страшной спешке. Здесь есть прочерченные строки, которые так и не были заполнены, кое-где писец стирал написанное, начинал писать на обороте, потом возвращался обратно. Содержание таблички не вполне ясно, но исследователи склоняются к мысли, что речь шла о каком-то религиозном обряде, вероятно, о жертвоприношениях целому ряду богов. В первом параграфе текста говорится: «Владычице — один золотой сосуд, одна женщина». Дальше перечисляются еще четыре божества, каждому из которых причитается по одному сосуду, а двум из них — еще и по женщине. Подобная информация содержится и в завершающей части текста, причем в двух случаях речь идет о богах мужского рода, которым, соответственно, предлагаются мужчины. Всего в табличке названы четырнадцать богов, которым было пожертвовано тринадцать золотых сосудов и десять людей — восемь женщин и двое мужчин. Указаны и местности, в которых должны были совершиться эти жертвоприношения. Одна из них входила в непосредственный округ Пилосского дворца, две другие были связаны с культами Посейдона и Зевса, четвертая сегодня не локализуется.

Поскольку в других табличках, найденных здесь же, идет речь об организации охраны побережья и о сборе металла с целью его переработки, напрашивается мысль о том, что записи эти делались в дни непосредственной военной угрозы. Чешский историк и филолог А. Бартонек в книге

«Златообильные Микены» пишет: «...Все это так или иначе указывает на то, что Пилосу угрожала какая-то смертельная опасность; вопрос стоял о самом его существовании, и у писца уже не было времени переписывать или хотя бы исправлять текст таблички. Если при этом вспомнить, что все найденные таблички датируются последними месяцами существования Пилосского дворца, то естественно напрашивается мысль, что по крайней мере некоторые из них были составлены в самые последние дни перед катастрофой».

Неизвестно, были ли принесены упомянутые в табличках жертвы. Во всяком случае, если и были, то боги их не приняли: Пилос, как и другие города-государства ахейцев, пал под ударами наступавших с севера дорийцев. Дорийцы несли с собой навыки получения и обработки железа. Бронзовый век подошел к концу, наступил век железный. Победители смешались с побежденными, образовав античную греческую цивилизацию, продолжившую традиции цивилизации крито-микенской. Сохранились в Элладе и человеческие жертвоприношения, хотя год от года этим обычаям следовали все реже, заменяя их жертвоприношениями животных или отменяя совсем.

Одним из обычаев, которые продержались в Афинах и в крупных торговых портах Ионии с древности и вплоть до шестого, а где-то и до пятого века до нашей эры, был обычай принесения в жертву так называемого «фармака». Фармак — это нечто вроде «козла отпущения», им объявляли преступника, приговоренного к смертной казни, или кого-то из людей, принадлежавших к низам общества. В случае эпидемии, голода или других напастей фармак объявлялся ответственным за все грехи горожан, и его приносили в жертву богам. Чаще всего фармака побивали камнями, но этому предшествовал определенный ритуал. В некоторых местах его предварительно кормили смоквами, ячменными лепешками и сыром, а потом розгами прогоняли через весь город и, нанеся ему семь ударов прутьями по половым органам, убивали, а пепел сжигали и развеивали над морем. Где-то фармака оставляли

в живых, но камнями прогоняли из города. В Афинах избирали двух фармаков, мужчину и женщину. Их украшали венками из фиговых ветвей и после ритуального обхода города изгоняли прочь.

Существовал такой обычай и на острове Левкада, но ко времени, о котором сохранились письменные свидетельства, гуманность восторжествовала, и, хотя в качестве фармака выступал преступник, левкадцы всячески старались сохранить ему жизнь. Страбон описывает это так: «У левкадцев существовал унаследованный от отцов обычай на ежегодном празднике жертвоприношения Аполлону сбрасывать со сторожевого поста на скале одного из обвиненных преступников для отвращения гнева богов; к жертве привязывали всякого рода перья и птиц, чтобы парением облегчить прыжок, а внизу множество людей в маленьких рыбацких лодках, расположенных кругом, подхватывали жертву; когда преступник приходил в себя, его, по возможности невредимым, переправляли за пределы своей страны».

Во второй половине восьмого века до н. э., в то время, когда Греция, возрождавшаяся после периода «темных веков», испытывала культурный подъем, когда создавались поэмы Гомера и Гесиода, когда в Спарте уже царили законы Ликурга, а Афинам меньше века оставалось до просвещенного законодательства Солона, между Спартой и близлежащей Мессенией разразилась война. Павсаний пишет, что царь Мессении традиционно запросил совета у Дельфийского оракула. Ответ гласил:

Взявши деву чистую Эпита крови —
Жребий вам ее укажет, — в жертву ночью
Демонам ее подземным принесите.
Если ж жертва не свершится, кто другой пусть
Даст для жертвы добровольно дочь свою вам.

Всем девушкам из царского рода Эпитидов пришлось тянуть жребий, и он выпал дочери некоего Ликиска. Однако провидец Эпепол отверг кандидатуру девушки на том основании, что она была не родной, а приемной дочерью

и не имела кровного родства с Эпитидами. Пока вопрос обсуждался, Ликиск на всякий случай забрал дочь и эмигрировал во враждебную Спарту. Тогда другой житель Мессении — Аристодем, принадлежавший к тому же роду, уже без всякого жребия, добровольно предложил свою дочь в жертву. Но к жертвоприношению снова явились препятствия: жених девушки объявил, что он имеет больше прав на невесту, чем ее отец. Когда же это не помогло, он объявил, что девушка уже ждет от него ребенка. Тогда Аристодем, разгневанный поведением дочери, убил ее, но вскрытие показало, что девушка была невинна. Однако ее смерть не удовлетворила прорицателя Эпeboла. Он заявил: «Нет никакой выгоды от того, что дочь Аристодема убита; она убита отцом, а не принесена в жертву тем богам, для которых Пифия приказала это сделать». Он потребовал новой жертвы. Сначала разгневанные жители хотели убить жениха девушки, хотя он и не удовлетворял требованиям Пифии, но потом царь Мессении Эвфай убедил своих подданных, «что раз девушка умерла, этим исполнено божье слово и что то, что совершил Аристодем, для них совершенно достаточно. На эти слова все бывшие из рода Эпитидов заявили, что он говорит верно: каждый из них старался избавиться от страха за своих дочерей. И вот они, послушавшись убеждений царя, закрывают собрание и обращаются после этого к жертвоприношениям и празднеству».

В каком-то смысле убийство девушки действительно помогло жителям Мессении в войне против Спарты: спартанцы, услышав о предсказании и о том, что жертва была принесена, побоялись продолжать военные действия, и на Пелопоннесе на пять лет воцарился мир. Но потом война вновь началась, и положение Мессении стало критическим. Кроме того, боги послали мессенцам целый ряд знамений: медная статуя Артемиды выпустила из рук щит; бараны, назначенные в жертву Зевсу, сами кинулись на жертвенник и разбились об него; а все мессенские собаки изменили отечеству — «собравшись все в одно место, в течение всей ночи выли и в конце концов все ушли к лакедемонскому лагерю». Аристодему, который к этому времени стал правителем страны, во сне явилась

дочь в черной одежде, «показывая свою грудь и чрево, рас-сеченные мечом... Тогда Аристодем, подумав о себе и своих делах, что он напрасно сделался убийцей дочери, и видя, что у родины не осталось никакой надежды на спасение, убил сам себя на могиле дочери».

В пятом веке до н. э. человеческие жертвоприношения уже казались просвещенным грекам варварским обычаем. Гуманные афиняне даже беспричинное убийство раба поставили вне закона. Уже были написаны и поставлены трагедии Еврипида, в которых автор устами Клитемнестры и Ифигении осудил обычай человеческих жертвоприношений и уверил, что боги не могут требовать от людей таких жертв, что это «грубый вкус перенесли туземцы на боги-ню...». Но у жрецов и прорицателей, случалось, была своя точка зрения по этому вопросу.

Плутарх описывает, как в самом начале пятого века, во время греко-персидских войн, перед морской битвой при Саламине, афинский стратег Фемистокл приносил жертвы богам. В это время к нему подвели трех персидских пленников, «очень красивых собою, роскошно одетых и украшенных золотом». Как говорили, это были племянники персидского царя. Плутарх пишет:

«Когда их увидел прорицатель Эвфрантид, жертвы вспыхнули большим ярким пламенем и в то же время справа кто-то чихнул, что также было добрым предзнаменованием. Тогда Эвфрантид подал руку Фемистоклу и велел ему обречь на жертву юношей и, помолившись, всех их заклать Дионису Оместу (питающемуся сырым мясом. — *О. И.*): в таком случае будет эллинам спасение и победа. Фемистокл пришел в ужас от этого страшного, чудовищного пророчества. Но, как обыкновенно бывает при большой опасности, в трудных обстоятельствах, толпа ожидает спасения больше от чего-то противоречащего рассудку, чем от согласно-го с ним: все в один голос стали взывать к богу и, подведя пленников к алтарю, заставили, как приказал прорицатель, совершить жертвоприношение».

Эллины действительно одержали блестящую победу над персами при Саламине, хотя произошло это благодаря

предусмотрительности Фемистокла, еще до войны настоящего на постройке флота, и его же таланту военачальника. Что же касается помощи Диониса, то не вполне понятно, как мог этот бог, не имеющий никакого отношения ни к войне, ни к мореплаванию, оказать заметное влияние на ход событий.

Столетием позже, во время войны между Фивами и Спартой, фиванскому полководцу Пелопиду приснился вещий сон. Он увидел некоего Скидаса, чьи дочери были изнасилованы и убиты спартанцами. Скидас проклял врагов и лишил себя жизни на могиле дочерей. Теперь он явился к Пелопиду во сне и сказал, что, если фиванцы хотят одержать победу в битве при Левктрах, они должны принести в жертву его дочерям белокурую девушку. Это повеление ужаснуло Пелопида, и он решил посоветоваться с прорицателями и военачальниками. Плутарх пишет:

«Одни не считали возможным пренебречь приказом или послушаться его, приводя в пример Менэкея, сына Креонта, и Макарию, дочь Геракла, а из новых времен — мудреца Ферекида, который был убит лакедемонянами и чью кожу, выполняя предписание оракула, по сию пору берегают их цари, и Леонида, который, повинувшись пророчеству, до какой-то степени принес себя в жертву за Грецию, и, наконец, персов, заколотых Фемистоклом в честь Диониса Оместа накануне морского сражения при Саламине; в пользу подобных действий свидетельствует счастливый исход, которым они завершались. И, напротив, когда Агесилай, отправляясь войною на того же противника и из тех же мест, что некогда Агамемнон, и увидев в Авлиде такой же сон, отказал богине, просившей отдать ей в жертву его дочь, это малодушие расстроило весь поход, который окончился бесславно и бесплодно. Но другие отговаривали Пелопида, уверяя, что ни одной из вышних сил не может быть угодна столь дикая и беззаконная жертва, ведь нами правит отец всех богов и людей, а не гиганты и не пресловутые тифоны...

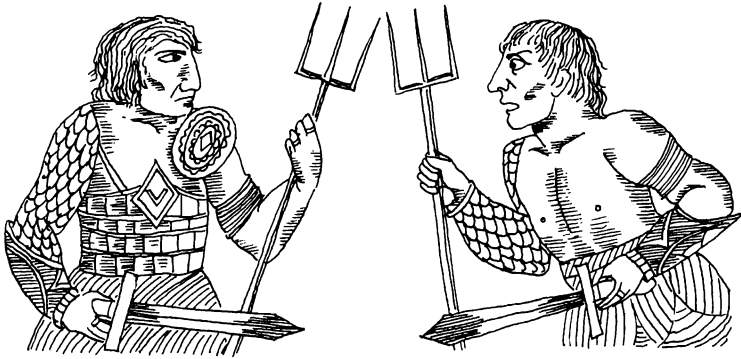
В то время как предводители были поглощены этим спором, а сам Пелопид находился в величайшем затруд-

нении, молодая кобылица, убежав из табуна, промчалась через лагерь и на полном скаку вдруг остановилась прямо перед совещавшимися. Все обратили внимание на ее светлую масть и огненно-рыжую гриву, на ее резвость, стремительность и дерзкое ржание, а прорицатель Феокрыт, сообразив, что это значит, вскричал, обращаясь к Пелопиду: «Вот тебе жертва, чудака! Нечего нам ждать другой девы, бери ту, что посылает бог!» И тут же, взяв кобылицу, они повели ее к могилам девушек, украсили венками и, помолвившись, радостно заклали, а потом известили все войско о сне Пелопида и об этом жертвоприношении».

Пелопид одержал победу над спартанцами, и этим, вероятно, была поставлена последняя точка в истории человеческих жертвоприношений в Греции. К этому времени окончательно восторжествовало мнение, которое приводит тот же Плутарх в трактате «О суеверии»:

«Нелепо, пожалуй, верить в демонов, которых радует убийство и человеческая кровь, а если они и существуют, не следует обращать на них ни малейшего внимания, считая совершенно бессильными, ибо нелепые и злобные их желания могут возникать и сохранять силу только по слабости и порочности нашей души».

Уже само основание города Рима ознаменовалось если не жертвоприношением в прямом смысле, то ритуальным убийством. Когда потомки бежавшего из горящей Трои Энея, близнецы Ромул и Рем, в середине восьмого века до н. э. затеяли строить город, в котором намеревались поселиться сами и поселить окружающую их толпу бродяг, у братьев сразу же возникли разногласия по поводу места будущего города, его названия и кандидатуры правителя. Спор постановили разрешить гаданием по полету птиц. Братья сели порознь и стали смотреть в небо. Рем увидел шесть коршунов. Ромул увидел двенадцать, но возникло подозрение, что они появились позже, чем коршуны Рема, хотя Ромул и утверждал обратное. В результате вопрос о главенстве остался открытым, но Ромул принял волевое решение и стал копать ров, которым хотел окружить стену своего будущего города. Рем, насмехаясь над братом, перепрыгнул через ров и был убит, по одним сведениям — самим Ромулом, по другим — кем-то из его окружения. Римский историк Тит Ливий в своей «Истории Рима от основания города» приписал Ромулу фразу: «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои стены».

Стены Рима были возведены над пролитой кровью, что в значительной мере знаменовало «строительную жертву», принятую у многих народов. Впрочем, сам Ромул,

похоронив брата, в дальнейшем ограничился при закладке города бескровными жертвами. Как пишет Плутарх, он пригласил из Этрурии специалистов, давших ему подробные советы по ритуалам, которые надлежало провести перед началом строительства. В центре будущего города был вырыт ров, куда положили «первины всего, что люди признали полезным для себя в соответствии с законами, и всего, что сделала необходимым для них природа». Потом каждый из будущих граждан бросил туда горсть принесенной с собой родной земли.

Днем основания города римляне считали одиннадцатый день перед майскими календами (22 марта). Плутарх пишет, что римляне называли его днем рождения отечества и что поначалу «в этот день не приносили в жертву ни одно живое существо: граждане полагали, что праздник, носящий столь знаменательное имя, следует сохранить чистым, не обагранным кровью».

Вообще надо отметить, что римляне, хотя и не декларировали в отличие от греков свою гуманность и к пролитию крови — и чужой, и своей — относились достаточно спокойно, человеческими жертвоприношениями не злоупотребляли (хотя и применяли их в экстренных случаях). Единственными исключениями — правда, весьма массовыми — были, во-первых, казни преступников (которых по римскому законодательству не просто казнили, но посвящали богам) и, во-вторых, гладиаторские игры. Они родились из погребальных игр и поначалу были в какой-то мере жертвоприношением в честь умершего. Но о правосудии и о гладиаторских играх мы поговорим особо.

Преемником Ромула на римском троне стал избранный народом Нума Помпилий. Новый царь славился справедливостью и благочестием, в чем ему, согласно римским авторам, немало помогала советами его жена нимфа Эгерия. Он строил храмы, назначал жрецов, сформировал жреческие коллегии и учредил многочисленные культы. Ливий пишет: «...он избрал понтифика... и поручил ему наблюдать за всеми жертвоприношениями, которые сам расписал и назначил, указав, с какими именно жертвами, по каким дням и в каких храмах должны они совершаться и откуда

должны выдаваться необходимые для этого деньги. Да и все прочие жертвоприношения, общественные и частные, подчинил он решениям понтифика, чтобы народ имел, к кому обратиться за советом...»

Этические взгляды Нумы были во многом близки взглядам пифагорейцев, и предание даже называет его учеником Пифагора (чего, впрочем, быть не могло, ибо Нума умер до рождения Пифагора). Пифагорейцы категорически не признавали никакого пролития крови. О введенных Нумой правилах жертвоприношений Плутарх пишет: «Порядок жертвоприношений полностью следует пифагорейским обрядам: жертвы были бескровны и большей частью состояли из муки, вина и вообще из веществ самых дешевых».

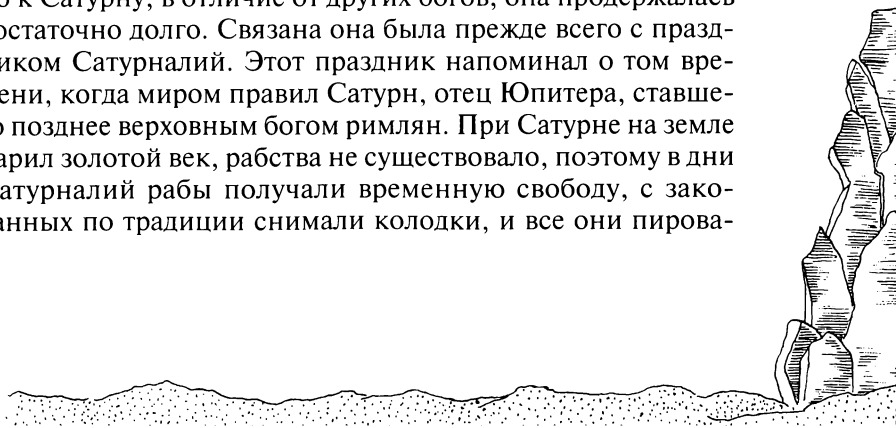
Предание сохранило историю о том, как Нума, от которого Юпитер требовал очистительных человеческих жертв, перехитрил и переспорил верховного бога и добился того, что жертвы стали приносить луком, волосами и мелкой рыбой. Плутарх так описывает разговор Нумы с Юпитером: «Бог... возвестил, что очищение надлежит произвести головами. «Луковичными?» — подхватил Нума. «Нет. Человеческими...» — начал Юпитер. Желая обойти это ужасное распоряжение, Нума быстро переспросил: «Волосами?» — «Нет, живыми...» — «Рыбешками», — перебил Нума, наученный Эгерией. Тогда Юпитер удалился, смилостивившись».

С тех пор очистительные жертвы Юпитеру у римлян совершались так, как было выторговано Нумой. Овидий пишет, что Юпитер остался настолько доволен мудростью царя, что пообещал ему дать небесное знамение, подтверждающее его власть над Римом. Таковое знамение и было дано в назначенный день: при стечении народа разверзлись небеса, и на землю упал замечательный щит, с которого Нума тут же приказал сделать одиннадцать копий. В честь знаменательного события 1 марта был учрежден праздник жрецов «салиев», пляшущих со щитами. В этот день приносились жертвы Юпитеру и Сатурну, но человеческие жертвоприношения были отменены.

Вообще римская традиция знает множество случаев замены человеческих жертвоприношений бескровными дара-

ми. Это косвенно говорит о том, что в далекой древности человеческая кровь на алтарях Италии лилась достаточно часто. У римлян существовало предание, что в свое время, еще до того, как в устье Тибра причалили корабли троянцев во главе с Энеем, в этих местах появились греческие переселенцы — пеласги из Аркадии. В случае благополучного прибытия оракул предписал им принести в жертву Аполлону десятую часть их имущества, в жертву Юпитеру — человеческие головы, а в жертву Сатурну — человеческое тело. Вероятно, греки имели в виду не Сатурна и Юпитера, а соответствующих им Крона и Зевса — впрочем, это не меняло ситуации. Но прибывший в эти же места Геракл (или, на римский лад, Геркулес), который в римском предании почему-то оказался носителем не грубой силы, а культуры и образования, смягчил приказ оракула. Геркулес обучил италийцев письменности, а человеческие жертвоприношения велел заменить символическими. Макробий, автор трактата «Сатурналии», писал, что знаменитый герой приказал во время праздника Сатурналий приносить в жертву Сатурну вместо людей восковые свечи (поскольку слова «человек» и «факел» созвучны), а Юпитеру Диту (т. е. Подземному) вместо человеческих голов — человеческие фигурки из глины или воска. Кроме того, в Риме существовал обычай окрашивать статуи Юпитера красной охрой — она должна была заменить кровь, которой их орошали в глубокой древности.

Впрочем, тот же Макробий сообщает, что человеческие жертвоприношения именно в честь Сатурна совершались на берегах Тибра и позднее, уже потомками Геркулеса и пеласгов. Традиция приносить людей в жертву Сатурну существовала и у римлян, причем именно применительно к Сатурну, в отличие от других богов, она продержалась достаточно долго. Связана она была прежде всего с праздником Сатурналий. Этот праздник напоминал о том времени, когда миром правил Сатурн, отец Юпитера, ставшего позднее верховным богом римлян. При Сатурне на земле царил золотой век, рабства не существовало, поэтому в дни Сатурналий рабы получали временную свободу, с закованных по традиции снимали колодки, и все они пиرو-

ли вместе со своими господами. Но, как ни удивительно, именно в дни Сатурналий свободных людей могли обратиться в рабство. Дело в том, что в ноябре у римлян было принято отдавать долги. В это же время собирался десятипроцентный земельный налог, который вносился в храм Сатурна. А в декабре, на празднике Сатурналий, тех, кто не мог рассчитаться с долгами и налогами, казнили, принося их в жертву на алтаре Сатурна. Позднее, примерно в пятом веке до н. э., казнь стали заменять продажей в рабство. Правда, в 326 году до н. э. обращение свободных граждан в долговое рабство было отменено законом Петелия.

Кроме казни должников, на Сатурналиях приносилась и еще одна человеческая жертва: на время праздника римляне избирали так называемого «царя Сатурналий», которого в конце недели ритуально убивали. «Царем» мог быть провинившийся раб или преступник, т. е. человек, которого так или иначе должны были казнить. Поэтому эта традиция просуществовала достаточно долго, ее отмечали даже в те времена, когда человеческие жертвоприношения у римлян давно уже были заменены символическими. Потом и эту жертву заменили ее символом: во время Сатурналий римляне по жребию избирали среди свободных граждан шутовского «царя», который становился предводителем праздника, отдавал забавные приказания, но оставался жив-здоров по окончании ритуала.

В дни Сатурналий у римлян было принято делать друг другу подарки. Сам по себе этот обычай вполне естественен для любого праздника, но интересно, что одним из традиционный сатурнальских подарков были терракотовые человеческие фигурки. Для их дарения был отведен специальный день — сиггилярый. Сами римляне, вероятно, не задумывались об истоках этой традиции, но современные ученые видят в сатурнальских сувенирах напоминание о человеческих жертвоприношениях, которыми праздник отмечали в далеком прошлом.

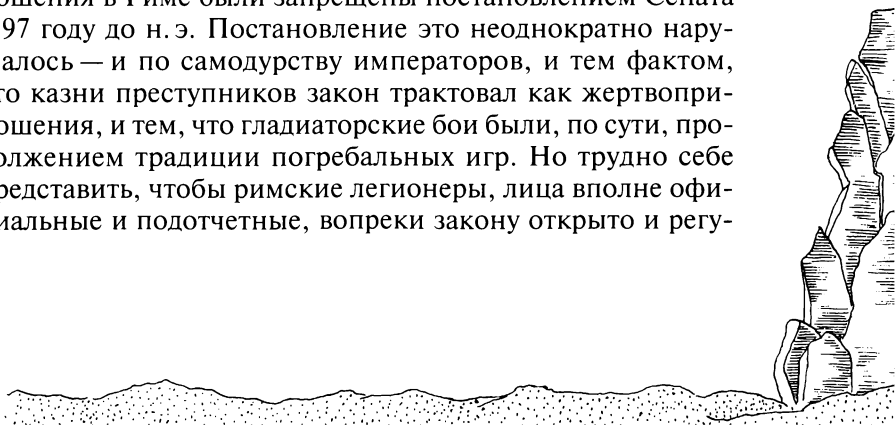
Впрочем, какие бы замены кровопролитию ни придумывали римляне, древняя традиция оказалась живучей. Последний случай принесения в жертву «царя Сатурналий» описан в начале четвертого века н. э. Произошло это в горо-

де Дуросторуме, в имперской провинции Нижняя Мезия (современная Силистра в Болгарии). Фрэзер так описывает эти события:

«Римские солдаты в Дуросторуме в Нижней Мезии каждый год праздновали Сатурналии следующим образом. За 30 дней до начала праздника они по жребию выбирали молодого и красивого человека, которого для сходства с Сатурном обряжали в царские одежды. В таком одеянии он разгуливал по городу в сопровождении толпы солдат. Ему предоставлялась полная свобода удовлетворения своих чувственных влечений и получения всех видов удовольствий, пусть даже самых низменных и постыдных. Но веселое правление этого воина было кратковременным и кончалось трагически: по окончании тридцатидневного срока, в канун праздника Сатурна, ему перерезали горло на алтаре этого бога, которого он представлял.

В 303 году н. э. жребий пал на солдата-христианина Дазия, который отказался играть роль языческого бога и запятнать распутством последние дни своей жизни. Непреклонную решимость Дазия не сломили угрозы и доводы его командира офицера Басса, и, как со скрупулезной точностью сообщает житие христианского мученика, в пятницу двадцатого дня ноября месяца, в двадцать четвертый день по лунному календарю, в четыре часа он был обезглавлен в Дуросторуме солдатом Иоанном».

Фрэзер утверждает, что основывает этот рассказ на повествованиях, «сомневаться в подлинности которых нет никаких оснований». Тем не менее он противоречит собственному утверждению, признавая, что лишь один из его источников «возможно, даже основывается на официальных документах». Известно, что человеческие жертвоприношения в Риме были запрещены постановлением Сената в 97 году до н. э. Постановление это неоднократно нарушалось — и по самодурству императоров, и тем фактом, что казни преступников закон трактовал как жертвоприношения, и тем, что гладиаторские бои были, по сути, продолжением традиции погребальных игр. Но трудно себе представить, чтобы римские легионеры, лица вполне официальные и подотчетные, вопреки закону открыто и регу-

лярно приносили в жертву свободных и неповинных людей. Надо полагать, что выбор жертвы производился все-таки среди осужденных преступников. Тот факт, что очередным «царем Сатурналий» был избран солдат-христианин, только подтверждает это предположение. Ведь в 303 году по всей империи проводилась кампания по очистке армии от христиан, а цезарь восточных провинций Галерий настоятельно требовал от августа Диоклетиана издания закона о полном истреблении христианства (что тот и попытался исполнить, издав четыре соответствующих эдикта, из них три в 303 году и последний, самый страшный, — в 304 году; по нему все христиане поголовно осуждались на пытки с целью отказа от веры). Таким образом, можно допустить, что легионеры избрали и казнили «царя Сатурналий» в рамках официальной кампании по преследованию христиан. Впрочем, эта кампания продолжалась не очень долго (если рассуждать в исторических масштабах) — в 311 году Галерий, напуганный болезнью и близкой смертью, издал указ о веротерпимости. А еще через два года его преемники Константин и Ликий издают Миланский эдикт, провозглашающий свободное исповедание христианства.

Но отвлечемся от Сатурналий и вернемся к вопросу о заместительных жертвах. В праздник, который назывался Компиталии, римляне приносили в жертву богине Мании кукол, сделанных из шерсти. Это было отголоском древней кровавой традиции, отмененной то ли царем Нумой, то ли еще полумифическим Геркулесом. Мания была связана с обожествленными душами усопших предков — манами, она была матерью домашних богов-покровителей ларов (которых иногда отождествляли с манами), ведала благополучием в доме, и ей надлежало приносить жертву за каждого здравствующего члена семьи. Но несмотря на свое материнство и склонность к семейным и домашним добродетелям, Мания была одной из самых кровожадных богинь древней Италии: за каждого члена семьи она требовала себе в жертву голову одного ребенка. Этот обычай, который римляне также возводили к оракулу, данному пеласгам, был отменен в незапамятные времена, и детей

заменяли шерстяными куклами. Но в шестом веке он был восстановлен царем Тарквинием Гордым. Впрочем, Тарквиний не пользовался популярностью у римлян. Власть он захватил ценой убийства своего тестя; его правление отличалось деспотичностью и жестокостью, он залил кровью не только алтари, но и весь Рим. После того, как сын Тарквиния прославился скандальным насилием над Лукрецией, царь был изгнан из Рима. В результате последовавшей гражданской войны римляне возымели стойкое отвращение к царской власти, установили республиканское правление и избрали первым консулом Луция Юния Брута, главного борца против ненавистных Тарквиниев.

Став консулом, Брут отменил жертвоприношения детей и приказал заменить их головы маковыми головками. И, как пишет Макробий, «было сделано так, чтобы вместо душ отдельных людей посвященные манам фигурки искупали опасность, если таковая угрожала домохозяевам». Поскольку кроме ларов отдельных семей были и лары, покровительствующие соседским обществам и добрососедским отношениям вообще, то римляне стали сооружать для них святилища не только дома, но и на перекрестках. Каждое из них имело столько отверстий, сколько примыкало к этому перекрестку усадеб. В святилище главы семейств развешивали кукол по числу своих близких. Рабов тоже не забывали, но они персональных кукол не удостоивались: за каждого раба вешался шерстяной шарик.

Еще одна религиозная традиция римлян, уходящая в глубь веков, тоже прямо говорит о когда-то приносившихся человеческих жертвах. В ночь с 14 на 15 мая главные жрецы города сбрасывали с моста в Тибр соломенных кукол со связанными руками и ногами. На ритуале должны были присутствовать весталки и первые лица Рима. А фламника — верховная жрица Юноны — должна была в этот день носить траур, снять с себя украшения и избегать омовений. Кукол, приносимых в жертву, было немало: в первом веке до н. э. писатель-энциклопедист Марк Теренций Варрон называет число двадцать семь, Дионисий Галикарнасский, примерно тогда же написавший «Римские древности», — тридцать. Видимо, в далеком прошлом в эту ночь

римляне или их предшественники приносили массовые человеческие жертвы. Но к тому времени, когда этот обычай был описан римскими авторами, никто уже не помнил об истинной сути обряда.

Овидий, описавший этот обряд в своих «Фастах» на рубеже эр, приводит разные версии его возникновения. По одной, он был посвящен «старцу, несущему серп», т. е. Сатурну. Как и многие другие человекоубийственные обряды, обычай этот, по версии Овидия, был обязан своим возникновением греческим переселенцам. В главе, посвященной грекам, мы рассказывали о том, как жители греческого острова Левкада сбрасывали со скалы преступника, который должен был искупить своей смертью все грехи островитян. В историческое время гуманные левкадцы обвешивали беднягу перьями (как писал Страбон, «чтобы парением облегчить прыжок») и страховали его в воде, стараясь и обычай соблюсти, и жизнь жертвы сохранить. Но в давние времена этот ритуал был, по-видимому, гораздо более жестоким. Именно его вспоминает Овидий, рассказывая о том, как

...с дубового моста весталки
Чучела старых мужей в воду бросают реки.

Овидий, как и многие другие авторы, считает, что конец жестокому обряду положил Геркулес (немалое время живший в Тиринфе):

Вплоть до того как пришел к нам тиринфский герой, ежегодно
Здесь этот мрачный завет, как на Левкаде, блюли.
Первый он вместо людей утопил соломенных чучел, —
И, по приказу его, так поступают досель.

О том, что заменить людей соломенными чучелами велел Геркулес, пишет и Дионисий. Но существует немало других версий возникновения этого обряда. Овидий упоминает о том, что в древности

...юнцы стариков низвергали с помостов,
Чтобы на выборах шли только свои голоса...

Впрочем, эту теорию можно оставить на совести Овидия, но не римских юнцов. В четвертом веке до н. э. римляне действительно приняли закон, запретивший гражданам старше шестидесяти лет участвовать в выборах, но никаких сведений о том, чтобы стариков при этом сбрасывали в реку, не сохранилось, и эта версия представляется весьма маловероятной. Сам Овидий, высказав точку зрения о проводившейся когда-то массовой казни стариков, опровергает ее в следующих строках:

Ибо нельзя же поверить, что предки настолько жестоки,
Чтоб поголовно казнить всех, кому за шестьдесят.

Впрочем, римский грамматик и историк Веррий писал, что, когда галлы в том же четвертом веке осадили Рим и в городе началась нехватка продовольствия, стариков могли убивать, чтобы уменьшить количество ртов. Тит Ливий тоже сообщает, что во время осады Рима галлами римские старцы, не способные держать оружие, действительно решили, что «не должны обременять собою воюющих, которые и так будут во всем терпеть нужду». Они отказались укрыться в Капитолии, остались в своих домах, облачившись в лучшие одежды, и встретили ворвавшихся в город врагов с «величественной строгостью». Все они были перебиты галлами. Ливий пишет: «Некоторые передают, будто они решили принести себя в жертву за отечество и римских квиритов и будто сам великий понтифик Марк Фабий произнес над ними посвяtitельное заклинание».

Еще одна версия возникновения обряда утопления чучел, которую приводит Овидий, говорит о том, что некогда один из греческих переселенцев, сохранивший «привязанность к милой отчизне», завещал после смерти опустить его тело в воды Тибра, дабы они перенесли его прах к родным берегам. Наследник не исполнил завещания и похоронил умершего в земле, как было положено по традиции. А для того, чтобы хоть как-то соблюсти волю покойного, в воду была опущена тростниковая кукла, «чтобы до Греции вдаль морем она доплыла». В такой трактовке обычай утопления кукол избавляется от своей жестокой предыстории.

Но это — единственная гуманная версия. Плутарх в своих «Римских вопросах» высказывает предположение о том, что обычай этот восходит к тем временам, когда «в древности варвары, населявшие эти места, расправлялись так с пленными эллинами». Он же допускает, что предводитель переселившихся в эти места аркадцев Эвандр мог поступать таким образом со своими врагами, жившими здесь же выходцами из Арголиды.

Таким образом, можно видеть, что римляне заменили календарные и праздничные человеческие жертвоприношения богам на жертвоприношения символические. Тем не менее в исключительных случаях, прежде всего когда родине грозила опасность, квириды не останавливались перед ритуальными убийствами. Хотя провести грань между ритуалом и убийством, вызванным другими причинами, не всегда возможно.

Так, когда состоялся знаменитый поединок между братьями Горациями и братьями Куриациями, который должен был решить судьбу противостояния Рима и Альбы, Публий Гораций, победивший после гибели своих братьев всех троих Куриациев, воскликнул: «Двоих я принес в жертву теням моих братьев, третьего отдам на жертвенник того дела, ради которого идет эта война, чтобы римлянин властвовал над альбанцем».

Одними из немногих достоверных случаев недвусмысленных человеческих жертвоприношений были ритуальные погребения живых людей на Бычьем рынке. Сохранились описания одного такого жертвоприношения, совершенного во время Второй Пунической войны, в 217 году до н. э. Когда римская армия терпела от карфагенян поражение за поражением и Ганнибал стоял уже почти под стенами Вечного города, римляне были напуганы несколькими страшными предзнаменованиями. Плутарх пишет:

«...Девушка по имени Гельвия ехала как-то верхом и была убита молнией. Лошадь нашли без сбруи, а у девушки как бы нарочно была задрана туника, разбросаны вокруг сандалии, колечки, покрывало и язык высовывался изо рта. Гадатели сказали, что это знамение страшного позора

весталок, о котором все будут говорить, и что в этом дерзком преступлении замешан кто-то из всадников. И вот раб всадника Барра донес, что три весталки — Эмилия, Лициния и Марция — были совращены и долгое время находились в преступном союзе с мужчинами, одним из которых и был Ветуций Барр, хозяин доносчика. Весталки были избличены и казнены, а так как дело это показалось ужасным, то почли необходимым, чтобы жрецы обратились к Сивиллиным книгам. Говорят, там нашли предсказание, из которого стало ясно, что эти события предвещают недоброе и что для отвращения грядущих бед надлежит умиловать чуждых варварских демонов, зарывши заживо двух эллинов и двух галлов».

Ливий говорит, что согрешивших весталок было только две, но так или иначе, искупительные жертвы были принесены: «Квинта Фабия Пиктора послали в Дельфы спросить оракула, какими молитвами и жертвами умиловать богов и когда придет конец таким бедствиям; пока что, повинувшись указаниям Книг, принесли необычные жертвы; между прочими галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже свершались человеческие жертвоприношения, совершенно чуждые римским священнодействиям».

Интересно, что Ливий, хотя и признает, что человеческие жертвоприношения совершались на Бычьем рынке и раньше, называет их тем не менее «совершенно чуждыми» для римлян. Кстати, Плутарх, описывая эту историю, тоже считает ее нетипичной для Рима. Он вспоминает о ней в связи с событиями, происшедшими на подвластном Риму Иберийском полуострове. Историк пишет:

«Почему римляне, прослышав, что блетонесии (народность. — *О. И.*) совершали человеческие жертвоприношения, велели привести их правителей на расправу, но, узнав, что все было совершаемо по обычаю, отпустили их, наперед запретив, однако, совершать подобное? Между тем они сами незадолго до того на Бычьем рынке закопали заживо двух греков — мужчину и женщину — и двух галлов — мужчину и женщину; а ведь странно за то самое, что совершили сами, карать варваров как за нечестие».

Плутарх, пытаясь объяснить логику римлян, склоняется к тому, что преступным они считали именно «закон и обычай» человеческих жертвоприношений. Если же это сделано в виде исключения, «по предписанию Сивиллиных книг», то преступления в этом нет. Кроме того, он допускал, что, с точки зрения римлян, «приносить людей в жертву богам нечестиво, а демонам — неизбежно...», и жертвоприношение на Бычьем рынке было проведено для того, чтобы «умилостивить чуждых варварских демонов».

Впрочем, принося жертвы богам, жители Вечного города далеко не всегда обрекали на смерть рабов или чужеземцев. Для римлян, которые превыше всего ставили гражданские добродетели и готовность принести свою жизнь на алтарь отечества, была достаточно типична ситуация, когда человек сам предлагал себя в жертву богам во имя процветания родины. Ливий описывает такой случай, происшедший в 362 году до н. э.:

«...То ли от земного трясения, то ли от какой иной силы земля, говорят, расселась почти посередине форума и огромной трещиною провалилась на неведомую глубину. Все один за другим стали приносить и сыпать туда землю, но не могли заполнить эту бездну; и тогда лишь, вразумленные богами, стали доискиваться, в чем главная сила римского народа, ибо именно это, по вещанию прорицателей, надо было обречь в жертву сему месту, чтобы римское государство стояло вечно. Тогда-то, гласит предание, Марк Курций, юный и славный воин, с укоризною спросил растерянных граждан, есть ли у римлян что-нибудь сильнее, чем оружие и доблесть. При воцарившемся молчании, обратив взоры на Капитолий и храмы бессмертных богов, высящиеся над форумом, он простирал руки в небо и в зияющую пропасть земли к преисподним богам и обрек себя им в жертву; а затем верхом на коне, убранном со всею пышностью, в полном вооружении бросился в провал, и толпа мужчин и женщин кидала ему вслед приношения и плоды. Именно в его честь получило имя Курциево озеро...»

Полководцам случалось приносить себя в добровольную жертву во имя победы римского оружия. Существовал даже

специальный религиозный акт, называвшийся «девоция». Перед сражением консул, командовавший армией, произносил священную формулу, которой посвящал себя подземным богам. После этого он кидался в самые опасные места битвы, ибо только его смерть могла означать, что жертва принята богами. Увидев гибель своего предводителя, предупрежденные солдаты испытывали не замешательство, а напротив, воодушевление и уверенность в божественной помощи и в грядущей победе. Если же полководцу не удавалось умереть, вместо него погребали куклу, а сам консул навеки лишался права приносить жертвы небожителям.

Вообще говоря, подобный ритуал военачальник мог провести не обязательно над собой, но и над любым гражданином, занесенным в список легиона. Но известны не только отдельные полководцы, но и целая династия Дециев, в которой представители трех поколений подряд по доброй воле совершили этот акт ритуального самоубийства: отец в войне с латинянами, сын в войне с этрусками и внук в войне с Пирром.

В 340 году до н. э. при консулах Манлии Торквате и Публии Деции Мусе Рим вступил в войну с латинами, претендовавшими на римское гражданство. В канун решающего сражения, как рассказывает Ливий, обоим консулам, командовавшим армией, приснился один и тот же сон: «Муж, более величественный и благостный, чем обычный смертный, объявил, что полководец одной стороны и войско другой должны быть отданы богам преисподней и Матери Земле; в каком войске полководец обрек в жертву рати противника, а с ними и себя самого, тому народу и той стороне даруется победа».

Когда гадание по внутренностям животных подтвердило достоверность сна, консулы призвали к себе легатов и трибунов и повелели объявить армии волю богов, «дабы во время боя добровольная смерть консула не устрасила войско». Потом они договорились, что обречет себя в жертву тот из консулов, на чьем крыле войско начнет отступать... Армии двинулись в бой. Деций возглавлял левое крыло, и именно здесь легионеры дрогнули и начали отступать. Ливий пишет:

«В этот тревожный миг консул Деций громко позвал Марка Валерия: «Нужна помощь богов, Марк Валерий, — сказал он, — и ты, жрец римского народа, подскажи слова, чтобы этими словами мне обречь себя в жертву во спасение легионов». Понтифик приказал ему облачиться в претексту, покрыть голову, под тогой рукой коснуться подбородка и, став ногами на копье, говорить так: «Янус, Юпитер, Марс-отец, Квирин, Беллона, Лары, божества пришлые и боги здешние, боги, в чьих руках мы и враги наши, и боги преисподней, вас заклинаю, призываю, прошу и умоляю: даруйте римскому народу квиритов одоление и победу, а врагов римского народа квиритов поразите ужасом, страхом и смертью. Как слова эти я произнес, так во имя государства римского народа квиритов, во имя воинства, легионов, соратников римского народа квиритов я обрекаю в жертву богам преисподней и Земле вражеские рати, помощников их и себя вместе с ними». Так произносит он это заклинание и приказывает ликторам идти к Титу Манлию и поскорей сообщить товарищу, что он обрек себя в жертву во имя воинства. Сам же препоясался на габинский лад, вооружился, вскочил на коня и бросился в гущу врага. Он был замечен и в одном, и в другом войске, ибо облик его сделался как бы величественней, чем у обыкновенного смертного, словно для вящего искупления гнева богов само небо послало того, кто отвратит от своих погибель и обратит ее на врагов. И тогда внушенный им страх охватил всех, и в трепете рассыпались передовые ряды латинов, а потом ужас перекинулся и на все их войско. И нельзя было не заметить, что, куда бы ни направил Деций своего коня, везде враги столбенели от ужаса, словно пораженные смертоносной кометой; когда же пал он под градом стрел, уже нескрываемо перетрусившие когорты латинов пустились наутек, и широкий прорыв открылся перед римлянами. Выйдя из благочестивого оцепенения, они с воодушевлением, как будто им только что подали знак к битве, снова бросились в бой...

Тело Деция нашли не сразу, так как ночная тьма помешала поискам; на завтра его обнаружили в огромной куче вражеских трупов, и оно было сплошь утыкано стрелами.

Тит Манлий устроил Децию похороны, достойные такой кончины».

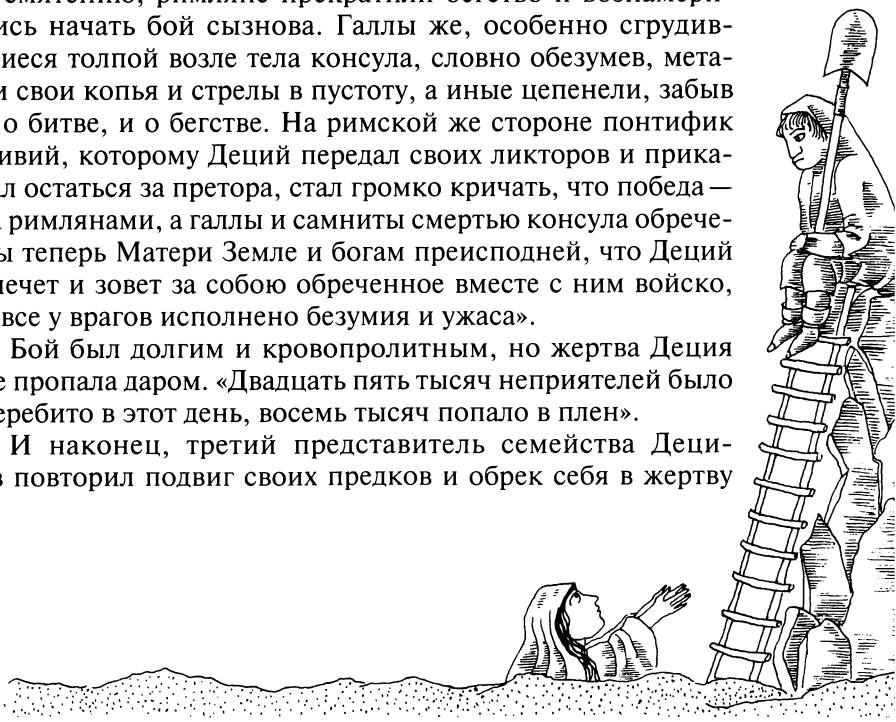
Сын Публия Деция Муса, которого звали так же, как и отца, повторил его подвиг. Это было тяжелое для Рима время, когда, как пишет историк середины второго века Луций Анней Флор, «двенадцать этрусских городов, умбры, древнейший народ Италии, к тому времени еще полный сил, и остатки самнитов внезапно поклялись, что уничтожат само имя римского народа». Младший Деций, когда войско его оказалось в окружении, призвал жреца и повторил священную формулу, которую сорок пять лет назад произнес его отец. Ливий пишет:

«...Он прибавил к положенным проклятиям, что будет гнать впереди себя ужас и бегство, кровь и гибель, гнев небесных богов и подземных и обратит зловещие проклятия на знамена, оружие и доспехи врагов, а место его гибели будет местом истребления галлов и самнитов. С этими проклятиями и себе, и врагам он пустил коня туда, где приметил, что галлы стоят всего плотнее, и, бросившись сам на выставленные копы, встретил свою смерть.

С этого мгновения битва перестала походить на дело рук человеческих. Потерявши вождя, что обычно ведет к смятению, римляне прекратили бегство и вознамерились начать бой сызнова. Галлы же, особенно сгрудившиеся толпой возле тела консула, словно обезумев, метали свои копы и стрелы в пустоту, а иные цепенели, забыв и о битве, и о бегстве. На римской же стороне понтифик Ливий, которому Деций передал своих ликторов и приказал остаться за претора, стал громко кричать, что победа — за римлянами, а галлы и самниты смертью консула обречены теперь Матери Земле и богам преисподней, что Деций влечет и зовет за собою обреченное вместе с ним войско, и все у врагов исполнено безумия и ужаса».

Бой был долгим и кровопролитным, но жертва Деция не пропала даром. «Двадцать пять тысяч неприятелей было перебито в этот день, восемь тысяч попало в плен».

И наконец, третий представитель семейства Дециев повторил подвиг своих предков и обрек себя в жертву

подземным богам во время войны с эфирским царем Пирром в 279 году до н. э.

Существовала у римлян и еще одна традиция, к которой прибегали только в случае крайней опасности, грозящей государству, — традиция «священной весны». Обычай этот шел из древнейших времен и в историческое время практически не употреблялся. Заключался он в том, что богам в случае, если они отклонят нависшую над общиной или государством угрозу, обещали принести в жертву все живое, что родится ближайшей весной, в том числе собственных детей. Позднее человеческие жертвоприношения заменили тем, что детей, родившихся в роковую весну, изгоняли из государства по достижении ими совершеннолетия. Мы знаем об этом обычае от римского грамматика Секста Помпея Феста в изложении историка восьмого века Павла Диакона. Однако известен лишь один-единственный случай реального проведения этого обряда, причем в весьма смягченном варианте.

В 217 году до н. э. римляне потерпели очередное поражение от Ганнибала: они были разбиты у Тразименского озера. Для того чтобы склонить богов на свою сторону, квиристы приняли решение, которое допускалось только в случае крайней опасности: раскрыли древние Сивиллины книги, которые хранились жрецами в каменном ящике в храме Юпитера Капитолийского. Посовещавшись с книгами, жрецы объявили, что для устранения опасности следует построить новые храмы, принести обильные жертвы богам, пообещать Юпитеру «Великие игры», а также пообещать «священную весну» на случай, если война пойдет удачно.

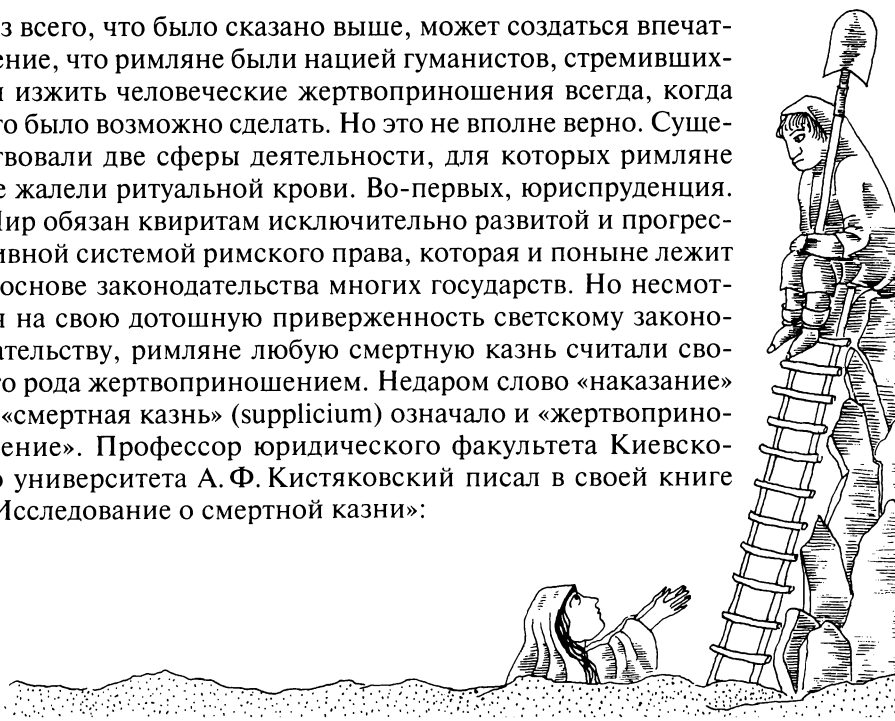
Как пишет Ливий, Великий понтифик запросил согласия народа на проведение обряда:

«Желаете ли, повелеваете ли, чтобы сделано было так: если государство римского народа квиристов на протяжении ближайших пяти лет будет сохранено невредимым в нынешних войнах, а именно в войне народа римского с карфагенским и в войнах народа римского с галлами, обитающими по сю сторону Альп, то пусть тогда римский народ квиристов отдаст в дар Юпитеру все, что принесет весна в стадах

свиней, овец, коз и быков, — с того дня, какой укажет сенат, и что, кроме того, не обещано другим богам...»

Народ дал согласие, и обеты были принесены. В них не было ни слова о человеческих жертвоприношениях, по крайней мере в дошедшем до нас изложении римских авторов. Тем не менее косвенные свидетельства говорят о том, что римляне предполагали задействовать в этом обряде детей, родившихся в роковую весну. Убивать их на алтарях, естественно, никто не собирался — видимо, их должны были изгнать из города. Об этом свидетельствует тот факт, что исполнение обряда было по каким-то причинам отложено на двадцать один год, т. е. до того времени, когда выросшую молодежь можно было бы отселить, например, вывести колонию. Но и этого, судя по всему, не произошло. «Священная весна» была проведена лишь в 195 году, причем уже на следующий год жрецы объявили, что проведена она была «в нарушение священных постановлений». Было решено повторить обряд, что римляне и исполнили. Однако не сохранилось никаких сведений о том, что в 196 году римляне основали где-либо колонию, заселенную молодежью. Судя по всему, богов умилостивили каким-то другим образом.

Из всего, что было сказано выше, может создаться впечатление, что римляне были нацией гуманистов, стремившихся изжить человеческие жертвоприношения всегда, когда это было возможно сделать. Но это не вполне верно. Существовали две сферы деятельности, для которых римляне не жалели ритуальной крови. Во-первых, юриспруденция. Мир обязан квинитам исключительно развитой и прогрессивной системой римского права, которая и поныне лежит в основе законодательства многих государств. Но несмотря на свою дотошную приверженность светскому законодательству, римляне любую смертную казнь считали своего рода жертвоприношением. Недаром слово «наказание» и «смертная казнь» (*supplicium*) означало и «жертвоприношение». Профессор юридического факультета Киевского университета А. Ф. Кистяковский писал в своей книге «Исследование о смертной казни»:

«...В древнее время смертная казнь в Риме совершалась в виде жертвоприношения. В законах римских, дошедших до нас, сохранились выражения, которые прямо указывают, что преступник был в наказание приносим в жертву какому-нибудь богу: *sacer alicui deorum, sacer estot, caput Jovi sacratum esset, diis devotus, furiis consignatus* («посвященный одному из богов, пускай он будет принесен в жертву, жизнь его да будет посвящена Юпитеру, отданный в обет богам, обреченный фуриям») — это обыкновенная формула определения в позднейшее время смертной казни. Род жертвоприношения и способ его совершения был определяем по свойству преступления. Так, кто нарушал священные законы, тот посвящаем был вообще богам; кто покушался на неприкосновенность личности народного трибуна, был обрекаем в жертву Юпитеру; кто нарушал священную межу, тот вместе с волами обрекался Юпитеру, хранителю границ (*Jupiter terminalis*); сын, поднявший руку на своих родителей, обрекаем был домашним богам; кто опустошал жатву другого, был обрекаем Церере, покровительнице растительного царства... Когда господство жрецов поколебалось и уголовная юстиция перешла в светские руки, выражения древних римских законов о посвящении преступников богам долго сохранялись еще в употреблении, хотя получили уже другой смысл, означая просто предание преступника смертной казни».

В жертву богам приносились не только уголовные преступники, но и нарушители клятв. Договорные отношения и контракты между гражданами еще со времен царя Нумы скреплялись сакральной клятвой, нарушение которой автоматически означало, что человек посвящался тому богу, которого он обманул. В глубокой древности клятвopреступника (или должника, нарушившего свои обязательства) действительно убивали на алтаре. Позднее, с ограничением человеческих жертвоприношений, он мог быть безнаказанно убит любым лицом и, как правило, вынужден был отправиться в изгнание, пока жрецы не проведут над ним обряд очищения.

Но даже после того, как договорные отношения и уголовные дела полностью перешли под сень светских законов,

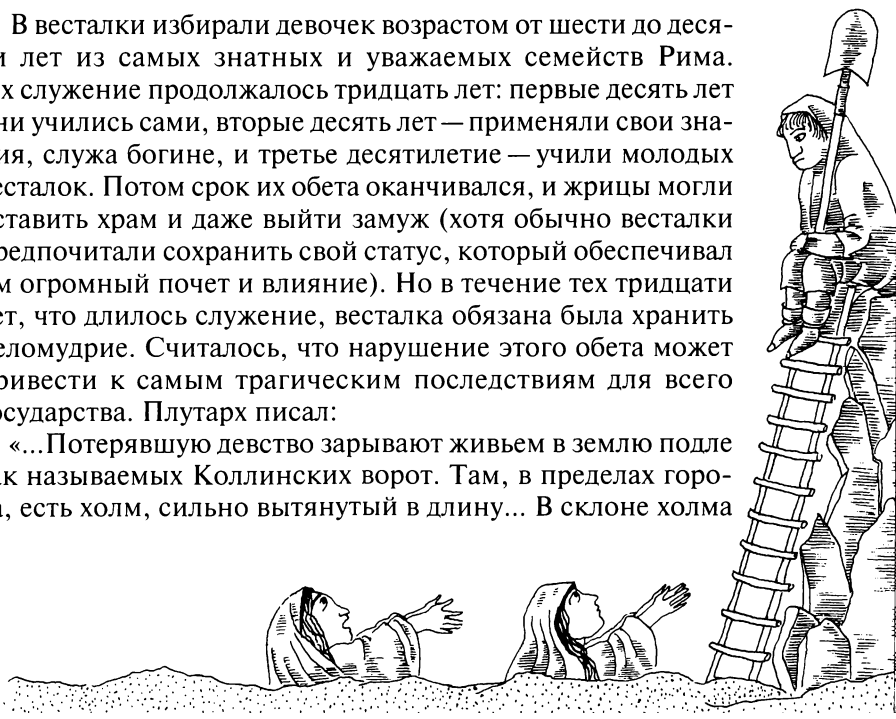
казни преступников очень часто приурочивали к играм, которые посвящались кому-то из богов. На этих играх осужденных травили дикими зверями, сжигали на крестах (так обычно наказывали поджигателей) либо заставляли разыгрывать наиболее кровавые сцены из мифологии и истории. Все это, несмотря на то, что народ воспринимал эти зрелища как развлечения, носило религиозный характер и было, как правило, посвящено кому-то из богов и связано с каким-то сакральным событием (религиозным праздником, дарованной богами победой римского оружия, вступлением в должность магистратов и пр.).

Но, кроме того, существовали и публичные казни, которые не имели ничего общего с развлечением толпы и носили чисто ритуальный характер. Здесь надо прежде всего сказать о казни весталок, которые были уличены в нарушении обета целомудрия. Их живыми зарывали в землю, посвящая подземным богам. Впрочем, и сама богиня священного очага Веста ассоциировалась с подземными богами. Овидий писал про погребение согрешивших весталок:

Так нечестивиц казнят и в той же земле зарывают,
Что осквернили: Земля с Вестой одно божество.

В весталки избирали девочек возрастом от шести до десяти лет из самых знатных и уважаемых семейств Рима. Их служение продолжалось тридцать лет: первые десять лет они учились сами, вторые десять лет — применяли свои знания, служа богине, и третье десятилетие — учили молодых весталок. Потом срок их обета оканчивался, и жрицы могли оставить храм и даже выйти замуж (хотя обычно весталки предпочитали сохранить свой статус, который обеспечивал им огромный почет и влияние). Но в течение тех тридцати лет, что длилось служение, весталка обязана была хранить целомудрие. Считалось, что нарушение этого обета может привести к самым трагическим последствиям для всего государства. Плутарх писал:

«...Потерявшую девство зарывают живьем в землю подле так называемых Коллинских ворот. Там, в пределах города, есть холм, сильно вытянутый в длину... В склоне холма

устраивают подземное помещение небольших размеров с входом сверху; в нем ставят ложе с постелью, горящий светильник и скудный запас необходимых для поддержания жизни продуктов — хлеб, воду в кувшине, молоко, масло: римляне как бы желают снять с себя обвинение в том, что уморили голодом причастницу величайших таинств. Осужденную сажают на носилки, снаружи так тщательно закрытые и забранные ременными переплетами, что даже голос ее невозможно услышать, и несут через форум. Все молча расступаются и следуют за носилками — не произнося ни звука, в глубочайшем унынии. Нет зрелища ужаснее, нет дня, который был бы для Рима мрачнее этого. Наконец носилки у цели. Служители распускают ремни, и глава жрецов, тайно сотворив какие-то молитвы и простерши перед страшным деянием руки к богам, выводит закутанную с головой женщину и ставит ее на лестницу, ведущую в подземный покой, а сам вместе с остальными жрецами обращается вспять. Когда осужденная сойдет вниз, лестницу поднимают и вход заваливают, засыпая яму землею до тех пор, пока поверхность холма окончательно не выровняется. Так карают нарушительницу священного девства».

Самыми массовыми человеческими жертвоприношениями в Риме были гладиаторские игры. Можно только удивляться тому, что римляне, которые в вопросе о жертвоприношениях еще со времен царя Нумы старались проявлять гуманность и даже запрещали кровавые ритуалы у подвластных им народов, начиная с конца третьего века до н. э. становятся страстными поклонниками жестокого зрелища. Конечно, увлечение римской толпы цирком не имело прямого отношения к ритуалу. И когда должностные лица республики, а позднее — императоры устраивали для народа зрелища, необыкновенные как по пышности, так и по количеству пролитой крови, это было не столько богослужением, сколько желанием подкупить чернь. Но тем не менее и по своему происхождению, и по официально объявленным целям гладиаторские игры были именно жертвоприношением. Происходили они от этрусских погребальных игр.

Этруски населяли северо-запад Апеннинского полуострова еще до основания Рима; их культура оказала на римскую огромное влияние. А в этой культуре немалое место занимали человеческие жертвоприношения, в том числе погребальные. Археологи, исследовавшие кладбища этрусков, обратили внимание на ситуацию, когда рядом с урной, содержащей пепел, оказывались захоронены останки одного или двух человек, чаще женщин. Высказано предположение, что эти люди, которым кремация не полагалась, были рабынями покойного, принесенными ему в жертву. При раскопках древнейшего некрополя Рима были обнаружены аналогичные захоронения, и это позволяет думать, что римляне в первые годы существования города использовали этрусский погребальный ритуал с человеческими жертвоприношениями. Кстати, не случайно Тарквиний Гордый — царь, восстановивший в Риме (к счастью, ненадолго) жертвоприношения детей, — происходил из этрусского рода.

Известен этрусский барельеф III—II веков до н. э. со сценой жертвоприношения, видимо, погребального. На нем изображены два юноши, один из них коленапреклоненный. Позади стоят два жреца с поднятыми кинжалами. Тут же находятся прислужники с разнообразным инвентарем, в том числе с лестницей, которая употреблялась в обряде кремации. Конечно, в то время, когда барельеф был изваян, он повествовал не о современных автору событиях, а о достаточно далеком прошлом Этрурии.

Сохранилась этруская фреска, известная как «Игры Персу». На фреске собака терзает человека, который пытается отбиваться от нее дубинкой. На голову жертвы надет мешок, а руки и ноги спутаны веревками, концы которых держит в руках человек в маске с надписью «Phersu». На ногах жертвы уже видны кровавые раны...

Вообще сцены жертвоприношений и погребальных игр — распространенная тема в изобразительном искусстве этрусков. Бои были, видимо, приняты на этрусских тризнах. Римляне в течение многих лет игнорировали этот обычай. Первый гладиаторский поединок состоялся в Вечном городе в 264 году до н. э. на Бычьем рынке — его устрой-

ли в честь покойного отца сыновья некоего Децима Юния Брута Перы. На нем бились три пары гладиаторов. Сначала обычай не прижился — следующие игры состоялись только спустя полвека, в память Марка Эмилия Лепида. Их организовали трое сыновей умершего, но теперь игры состоялись уже на Форуме, продолжались три дня, и на них выступили двадцать две пары гладиаторов. Действо это не имело тогда прямого отношения к развлечениям, оно так и называлось «*ludi funebres*» — «игры погребальные». Появилось у них и другое название — «*tunus*» — долг, обязанность.

Игры рассматривались наследниками как последний долг перед покойным, их проводили обычно на девятый день после похорон. В этот день родственники приносили на могилу скромную жертву: яйца, чечевицу, соль, бобы. Потом проходил поминальный обед. Богатые и знатные римляне считали долгом устроить в этот день публичное угощение. Те, кто мог себе это позволить, сопровождали поминки боем гладиаторов. Поначалу организация боев была частным делом наследников, и только в 105 году до н. э. были введены, кроме того, еще и государственные игры, об устройстве которых должны были заботиться магистраты и которые обычно посвящались каким-нибудь знаменательным событиям или религиозным праздникам. Но и погребальные игры не прекратились. Так, Гай Юлий Цезарь учинил гладиаторские бои в память своего отца. Им же были впервые в римской истории организованы бои на поминках женщины — его дочери Юлии.

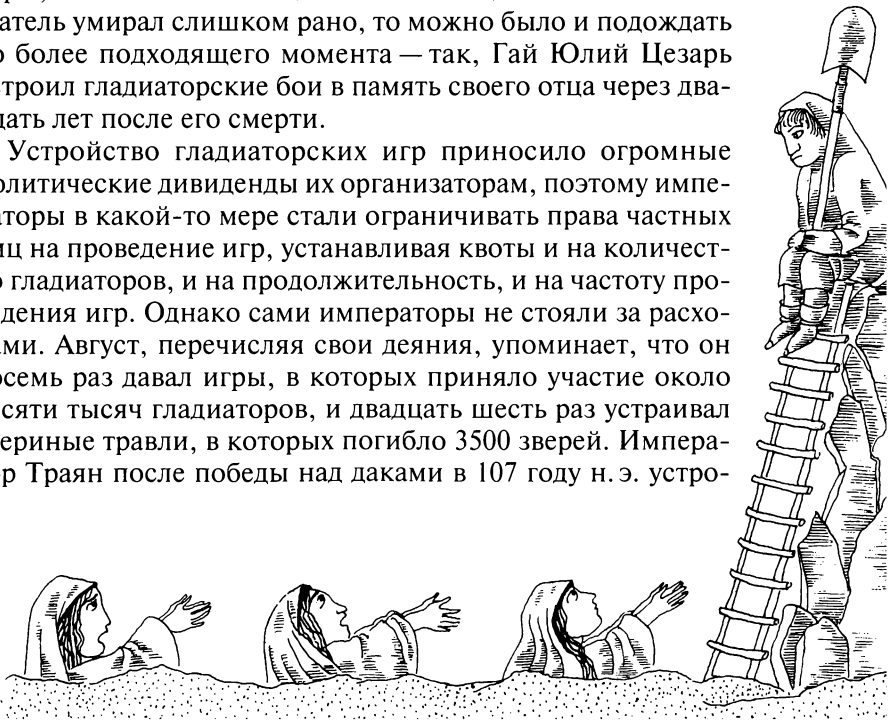
В 186 году до н. э. к сражению гладиаторских пар впервые присоединили травлю диких зверей. Поначалу звери «сражались» против специально обученных гладиаторов — «венаторов» (буквально — «охотников»), а затем и друг с другом. А вскоре, в 167 году до н. э., Луций Эмилий Павел приказал растоптать перебежчиков и дезертиров слонами. Так появилась традиция отдавать на растерзание диким зверям преступников. Кроме того, уже в имперские времена одна из гладиаторских школ, которые во множестве возникали по всей стране, готовила исключительно венаторов; школа носила идилическое название «Утренняя».

Скоро игры, сохранив в какой-то мере свой ритуальный характер, превратились прежде всего в любимое зрелище римлян. Комедиограф Теренций писал, что на первом представлении его комедии «Свекровь» в 164 году до н. э. по театру разнесся слух, что где-то проходят гладиаторские бои, и театр мгновенно опустел. Лица, выставившие свои кандидатуры на выборах, стали устраивать гладиаторские бои, чтобы обеспечить себе голоса.

В 122 году до н. э. народный трибун и знаменитый борец за права бедняков Гай Гракх, узнав, что римские власти собираются продавать места на грядущие гладиаторские игры и сколачивают для этого помосты на Форуме, стал требовать, чтобы народ получил возможность смотреть на резню бесплатно. Не сумев добиться своего дипломатическими методами, борец за права плебса в ночь перед играми приказал снести помосты с платными сиденьями, чем и завоевал одобрение народа.

В 63 году до н. э. Цицерон провел закон, запрещающий кандидату на высшие государственные должности давать бои в течение двух лет перед выборами. Но это мало что поменяло, потому что игры все еще считались жертвоприношением и никто не мог запретить частному лицу дать игры, если это было его долгом по завещанию. А если завещатель умирал слишком рано, то можно было и подождать до более подходящего момента — так, Гай Юлий Цезарь устроил гладиаторские бои в память своего отца через двадцать лет после его смерти.

Устройство гладиаторских игр приносило огромные политические дивиденды их организаторам, поэтому императоры в какой-то мере стали ограничивать права частных лиц на проведение игр, устанавливая квоты и на количество гладиаторов, и на продолжительность, и на частоту проведения игр. Однако сами императоры не стояли за расходами. Август, перечисляя свои деяния, упоминает, что он восемь раз давал игры, в которых приняло участие около десяти тысяч гладиаторов, и двадцать шесть раз устраивал звериные травли, в которых погибло 3500 зверей. Император Траян после победы над даками в 107 году н. э. устро-

ил игры, в которых участвовало десять тысяч гладиаторов и одиннадцать тысяч зверей.

Мы уже упоминали, что еще в 97 году до н. э., в консульство Гнея Корнелия Лентула и Публия Лициния Красса, человеческие жертвоприношения были запрещены специальным постановлением Сената. Но гладиаторских игр это постановление не коснулось. Видимо, к этому времени они полностью утрачивают свое первоначальное сакральное содержание. И даже погребальные игры становятся не столько жертвой манам умершего, сколько развлечением, которое давалось для народа в память о покойном. Игры все чаще даются по светским поводам и превращаются во все более сложное театрализованное представление. Октавиан Август в своих «Деяниях Августа», которые он позаботился вырезать на двух бронзовых столбах и установить в Риме, в числе прочего сообщает:

«Зрелище морского сражения народу я дал за Тибром, на каковом месте теперь роша находится Цезарей, выкопав землю в длину на тысячу восемьсот футов, а в ширину на тысячу двести. Там тридцать кораблей с таранами, триремы или биремы, множество также мелких судов между собой сражались. На этих судах бились, кроме гребцов, около трех тысяч человек».

Император Клавдий в 52 году н. э. устроил на Фуцинском озере битву двух флотилий. Сицилийский и родосский флоты состояли из двенадцати трирем каждый, всего с обеих сторон сражалось девятнадцать тысяч человек. Знак к началу боя подавала серебряная статуя тритона, поднимавшаяся из воды с помощью специальной машины. Кроме того, Клавдий устроил на Марсовом поле сражение, воспроизводящее взятие и разграбление города, и показал сцены, изображающие покорение Британии.

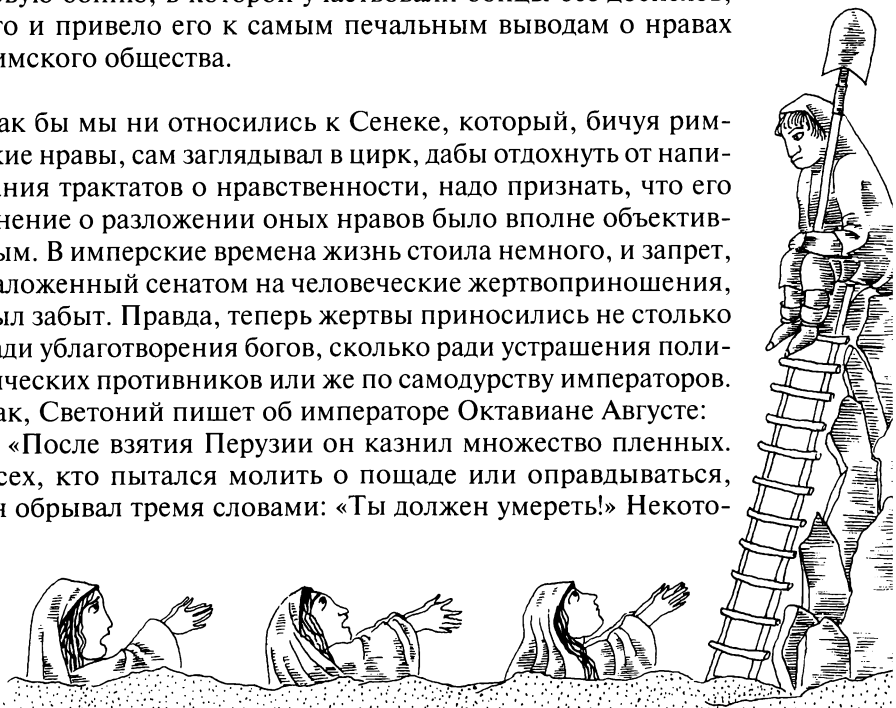
Знаменитый Страбон в своей «Географии» пишет: «Еще недавно, в наше время, был отослан в Рим некто Селур, по прозванию Сын Этны, который долгое время во главе вооруженной шайки опустошал частыми набегами окрестности Этны. Я видел, как его растерзали дикие звери во время устроенного на форуме гладиаторского боя. Разбойника поместили на высокий помост, как бы на Этну;

помост внезапно распался и обрушился, а он упал в клетку с дикими зверями под помостом, которая легко сломалась, так как была нарочно для этого приспособлена».

Великий географ и интеллектуал, судя по всему, позволял себе отдохнуть от трудов на благо науки и расслабиться, посещая цирковые представления. Знаменитый философ Сенека тоже не чурался такого рода развлечений. В одном из своих «Нравственных писем к Луцилию» он пишет: «...попал я на полуденное представление, надеясь отдохнуть...» Правда, надежды философа не оправдались: как выясняется из письма, он зашел в цирк, «ожидая игр и острот», а нарвался на кровавую резню, которую, впрочем, остался смотреть. Дело в том, что по утрам в цирке обычно давались звериные травли, а во второй половине дня проходили единоборства гладиаторов; между ними иногда выступали мимы. Видимо, этих мимов и имел в виду Сенека, говоря об «остротах». Под «играми» он имел в виду упомянутые далее выступление «обычных пар и самых любимых бойцов» — единоборство умелых гладиаторов, которые, прежде чем умереть, показывали публике высокое искусство боя. Но вместо того, чтобы увидеть красиво умирающих профессионалов, философ-гуманист нарвался на массовую бойню, в которой участвовали бойцы без доспехов, что и привело его к самым печальным выводам о нравах римского общества.

Как бы мы ни относились к Сенеке, который, бичуя римские нравы, сам заглядывал в цирк, дабы отдохнуть от написания трактатов о нравственности, надо признать, что его мнение о разложении оных нравов было вполне объективным. В имперские времена жизнь стоила немного, и запрет, наложенный сенатом на человеческие жертвоприношения, был забыт. Правда, теперь жертвы приносились не столько ради улагодворения богов, сколько ради устрашения политических противников или же по самодурству императоров. Так, Светоний пишет об императоре Октавиане Августе:

«После взятия Перузии он казнил множество пленных. Всех, кто пытался молить о пощаде или оправдываться, он обрывал тремя словами: «Ты должен умереть!» Некото-

рые пишут, будто он отобрал из сдавшихся триста человек всех сословий и в иды марта у алтаря в честь божественного Юлия перебил их, как жертвенный скот».

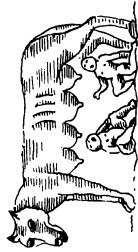
Когда император Калигула заболел, среди его приближенных нашлись, по словам Светония, «такие, которые давали письменные клятвы биться насмерть ради выздоровления больного или отдать за него свою жизнь». Оба эти обещания были известным в Риме ритуальным актом. С первым из них все ясно, второй подразумевал, что в храм посвящалась письменная табличка с обещанием лишить себя жизни, если боги снизойдут и исполнят просьбу молящего. Случаи эти относились к начальному периоду правления Калигулы, когда он еще не успел проявить свои наклонности в полной мере, и его приближенные, видимо, считали, что дело ограничится красивым обетом. Однако Калигула потребовал буквального исполнения обещанного. «От человека, который обещал биться гладиатором за его выздоровление, он истребовал исполнения обета, сам смотрел, как он сражался, и отпустил его лишь победителем, да и то после долгих просьб. Того, кто поклялся отдать жизнь за него, но медлил, он отдал своим рабам — прогнать его по улицам в венках и жертвенных повязках, а потом во исполнение обета сбросить с раската».

Тот же Калигула, по сообщению Светония, спровоцировал и еще одно ритуальное убийство. В священной роще Дианы на озере Неми стоял храм, жрецом которого по традиции мог быть только беглый раб, убивший своего предшественника. Этим жертвоприношением он как бы освящал свое вступление в жрецеский сан. Подобные традиции, кстати, существовали и у других народов. Неизвестно, чем не угодил Калигуле жрец, который исполнял свои обязанности в годы его правления, но император подослал к нему более сильного соперника, который убил «царя озера Неми» и заступил на его место.

В период империи в Рим проникают восточные культы, поклонниками которых становятся многие императоры. В императорских дворцах, в условиях полного разложения нравов и столь же полной безнаказанности, эти культы, и в чистом своем виде не чуждые самоистязаний, приобре-

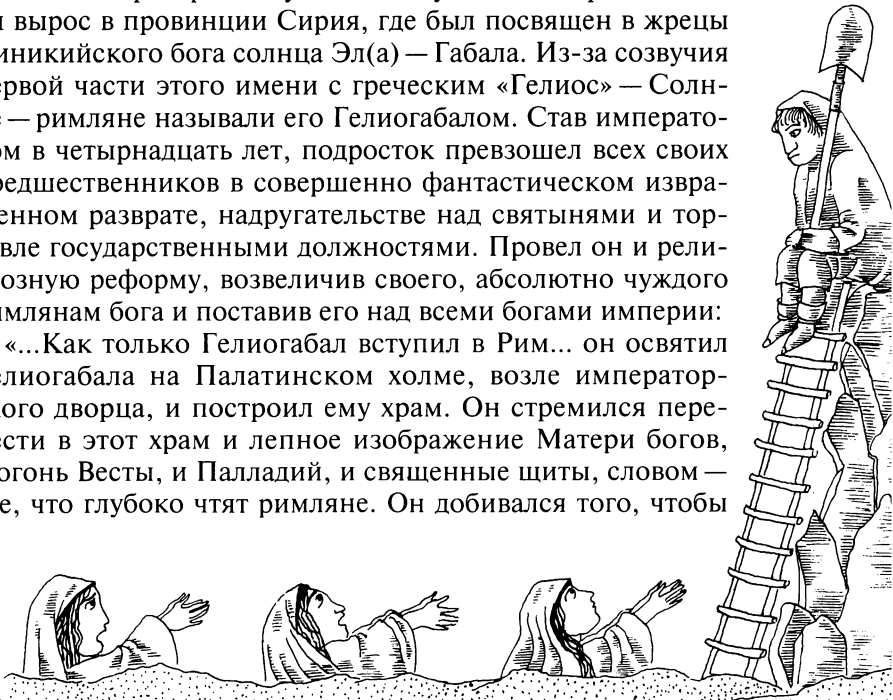
тают порой извращенно-садистскую окраску. Книга «Жизнеописания августов» неизвестного римского автора так описывает «благочестие» императора Коммода (вторая половина второго века н. э.):

«Священнодействия в честь Изиды он почитал настолько, что обрил себе голову и носил изображение Анубиса. Будучи кровожадным, он приказал служителям Беллоны наносить себе в руку настоящие раны. Жрецов Изиды он заставлял бить себя до смерти в грудь сосновыми шишками. Когда он носил изображение Анубиса, то больно ударял по бритым головам жрецов Изиды мордой идола. Одетый в женскую одежду или в шкуру льва, он своей палицей поражал не только львов, но и многих людей. Тех, кто имел слабые ноги и не мог ходить, он наряжал гигантами, а ниже колен превращал при помощи тряпок и полотен в драконов; затем он убивал их стрелами. Священнодействия в честь Митры он запятнал настоящим человекоубийством, тогда как обычно там только говорится или изображается что-либо способное вызвать страх».

Те же «Жизнеописания августов» рассказывают о человеческих жертвоприношениях, которые совершал Марк Аврелий Антонин, более известный под именем Гелиогабал. Император не случайно получил свое прозвище — он вырос в провинции Сирия, где был посвящен в жрецы финикийского бога солнца Эл(а) — Габала. Из-за созвучия первой части этого имени с греческим «Гелиос» — Солнце — римляне называли его Гелиогабалом. Став императором в четырнадцать лет, подросток превзошел всех своих предшественников в совершенно фантастическом извращенном разврате, надругательстве над святынями и торговле государственными должностями. Провел он и религиозную реформу, возвеличив своего, абсолютно чуждого римлянам бога и поставив его над всеми богами империи:

«...Как только Гелиогабал вступил в Рим... он освятил Гелиогабала на Палатинском холме, возле императорского дворца, и построил ему храм. Он стремился перенести в этот храм и лепное изображение Матери богов, и огонь Весты, и Палладий, и священные щиты, словом — все, что глубоко чтят римляне. Он добивался того, чтобы

в Риме почитался только один бог Гелиогабал. Кроме того, он говорил, что сюда надо перенести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Гелиогабала держало в своих руках тайны всех культов...

Гелиогабал приносил и человеческие жертвы, выбирая для этого по всей Италии знатных и красивых мальчиков, у которых были живы отец и мать, — думаю для того, чтобы усилить скорбь обоих родителей. При нем находились и ежедневно действовали всякого рода маги, а он подбодрял их и благодарил богов, которые, по его представлениям, были их друзьями, и в то же время он рассматривал внутренности детей и мучил жертвенных животных согласно обрядам своего племени».

Гелиогабал продержался у власти четыре года и погиб восемнадцати лет от роду. Свою смерть он тоже мечтал обставить как своего рода ритуал.

«Сирийские жрецы предсказали ему, что он умрет насильственной смертью. Поэтому он заранее приготовил веревки, свитые из шелка и багряного и алого материала, чтобы — в случае необходимости — окончить жизнь, удавившись в петле. Заготовил он и золотые мечи, чтобы ими заколоть себя, если какая-либо сила принудит его к этому. В кошачьих глазах, гиацинтах и изумрудах он заготовил себе яды, чтобы отравиться, если ему будет угрожать какая-нибудь серьезная опасность. Выстроил он и очень высокую башню и поместил внизу, перед собой, золотые, украшенные драгоценными камнями плиты, чтобы броситься вниз; он говорил, что и смерть его должна быть драгоценной и роскошно обставленной: пусть говорят, что никто не погиб так, как он».

Смерть Гелиогабала действительно носила ритуальный характер — об этом позаботились зарезавшие его заговорщики. Но все оказалось совсем не так, как предполагал сам император:

«Прежде всего были умерщвлены различными способами соучастники его разврата, одних убили, отрубив им необходимые для жизни органы, другим пронзили нижнюю часть тела, чтобы их смерть соответствовала образу

их жизни. После этого бросились на Гелиогабала и убили его в отхожем месте, куда он бежал. Затем на виду у всех тащили его труп. Воины — в виде последнего надругательства — хотели бросить его труп в клоаку. Но так как оказалось, что эта клоака не могла вместить его, они сбросили его с Эмилиева моста в Тибр, привязав к нему груз, чтобы он не всплыл на поверхность и никогда не мог быть похоронен. Но прежде чем сбросить труп в Тибр, его протащили по всему пространству цирка. Его имя, то есть имя Антонина, за которое он так упорно держался, желая считаться сыном Антонина, было по приказу сената отовсюду соскоблено... После смерти его называли... Проташенным, Грязным и многими другими именами — в зависимости от того, какое случившееся при нем событие хотели отметить. Он — единственный из государей, чей труп тащили по улицам, кинули в клоаку и сбросили в Тибр».

Гелиогабал был убит в начале третьего века. Возможно, он был последним из римских императоров, кто приносил человеческие жертвы (если он действительно их приносил — ни один источник, кроме «Жизнеописаний...», об этом не упоминает). Правда, Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» обвиняет в этом же преступлении императора Валериана, правившего в середине третьего века. Последний действительно прославился жесточайшими репрессиями против христиан, но то, что пишет о нем Евсевий, ссылаясь на Дионисия Александрийского, выглядит малоубедительно. Во-первых, египтяне, на влияние которых ссылается Евсевий, отказались от человеческих жертвоприношений за три тысячи лет до описываемых событий, и во-вторых, обвинения Евсевия слишком похожи на то, что писал неизвестный автор об уже упомянутом Гелиогабале. Тем не менее дадим слово Евсевию:

«Власть принял Валериан вместе с сыном Галлиеном... Так милостив и благожелателен к нам не был никто из императоров; даже те, о ком говорили, что они открыто стали христианами, не принимали нас с таким явным дружелюбием и любовью, как он в начале царствования. Весь дом его был полон благочестивых людей; это была Церковь

Божия. Но его учитель, глава египетских магов, постепенно убедил его избавиться от них. Он посоветовал ему казнить чистых и благочестивых мужей и гнать, как врагов, тех, кто был помехой для его мерзких, отвратительных заклинаний (есть ведь и были люди, которые могли одним своим присутствием и взглядом, даже только вздохом и звуком своего голоса разрушать все козни демонов-губителей). Он предложил ему совершать нечистые посвящения, преступные колдовские обряды, богослужения, неугодные Богу, убедил губить несчастных детей, приносить в жертву младенцев несчастных родителей, рассматривать внутренности новорожденных, разрубать и разрывать создания Божии, будто бы ради собственного счастья».

Христианские авторы вообще охотно приписывали римским императорам человеческие жертвоприношения, но в этом они были небеспристрастны. Несмотря на то что массовые преследования и казни христиан с редкими перерывами продолжались в империи до 311 года, назвать эти казни жертвоприношениями в прямом смысле слова, пожалуй, нельзя. Впрочем, это уже вопрос терминологический. С одной стороны, христиан казнили в рамках уголовного законодательства. С другой стороны, как мы уже писали, римское право трактовало любую казнь как жертвоприношение. И тем более это могло относиться к людям, которых посылали на смерть из-за отказа поклониться языческим богам. Поэтому приведем с небольшими сокращениями отрывок из текста, написанного одним из первых христианских историков, Секстом Юлием Африканом, в первой половине второго века.

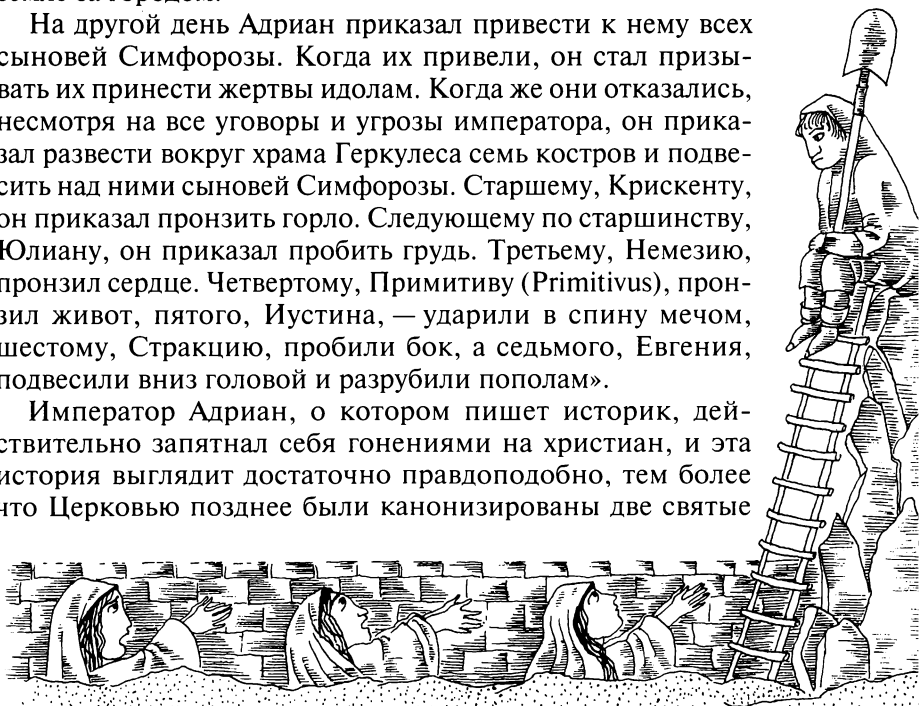
«Однажды император Адриан построил себе дворец и пожелал посвятить его богам, прибегнув для этого к нечестивым языческим обрядам. Когда он принес богам жертвы, то жившие в идолах демоны сказали императору: «Вдова именем Симфороза и ее семеро сыновей день за днем притесняют нас, молясь своему Богу. Если она с детьми согласится принести нам жертву, мы обещаем исполнить всякое твое желание и благословим тебя». Тогда Адриан приказал привести вдову с сыновьями и со всей вежливостью попросил их принести жертвы богам. Но благословенная Симфо-

роза отвечала ему: «Мой супруг Гетулий с братом Амантием были народными трибунами, служа тебе и Риму. Оба они претерпели гонения за имя Христово, отказавшись принести жертвы идолам, и как добрые воины Христовы своей смертью победили твоих демонов... Сейчас, на небесах, они пожинают плоды своих подвигов, наслаждаясь вечной жизнью в присутствии Вечного Царя».

Адриан ответил: «Либо ты с сыновьями своими принеешь жертву всемогущим богам, либо я сам принесу в жертву тебя с детьми». Благословенная же Симфороза сказала на это: «Откуда же мне выпала такая честь — что я сочтена была достойной стать жертвой для Господа Моего?» Император не понял: «Я принесу тебя в жертву моим богам». Симфороза же ответила: «Твои боги не могут принять меня в жертву, но если меня сжечь за имя Христово, то своей смертью я скорее уничтожу твоих богов...» Тогда император повелел отвести ее в храм Геркулеса, где ее стали бить по щекам и подвешивать к потолку за волосы. Когда же ни уговорами, ни угрозами не удалось склонить ее к идолопоклонству, император приказал привязать ей большой камень на шею и бросить в Тибр. Брат же ее, Евгений, будучи управителем того района, выловил ее тело и предал земле за городом.

На другой день Адриан приказал привести к нему всех сыновей Симфорозы. Когда их привели, он стал призывать их принести жертвы идолам. Когда же они отказались, несмотря на все уговоры и угрозы императора, он приказал развести вокруг храма Геркулеса семь костров и подвесить над ними сыновей Симфорозы. Старшему, Крискенту, он приказал пронзить горло. Следующему по старшинству, Юлиану, он приказал пробить грудь. Третьему, Немезию, пронзил сердце. Четвертому, Примитиву (Primitivus), пронзил живот, пятого, Иустина, — ударили в спину мечом, шестому, Стракцию, пробили бок, а седьмого, Евгения, подвесили вниз головой и разрубили пополам».

Император Адриан, о котором пишет историк, действительно запятнал себя гонениями на христиан, и эта история выглядит достаточно правдоподобно, тем более что Церковью позднее были канонизированы две святые

по имени Симфороза: Симфороза Римская, исповедница, и Симфороза Тивурская, мученица. Секст Юлий Африкан пишет, по-видимому, о первой из них. Что же касается беседы императора с демонами, оставляем это на совести автора текста. Так или иначе в те годы, когда он был написан, до полной отмены человеческих жертвоприношений на территории Римской империи оставалось не так уж много времени. В конце четвертого века христианство одержало окончательную победу. В Восточной империи это было юридически закреплено декретом Феодосия I в 391 году. В 394 власть Феодосия распространилась и на Западную империю, в Риме был потушен священный огонь Весты. К этому времени человеческие жертвоприношения на территории Римской империи полностью прекратились, по крайней мере в рамках государственных культов. Теперь, если что-то подобное и происходило, рассмотрение этих случаев относится уже скорее к области криминалистики, чем религии. Прекратились и гладиаторские игры, запрещенные императором Гонорием на рубеже IV—V веков. Зверинные травли в Восточной империи продолжались до 681 года, и на них тоже, конечно, гибли люди, но к жертвоприношениям это уже не имело даже косвенного отношения.

В четвертом тысячелетии до н. э. на юге Европы начинают появляться гигантские могильные холмы — курганы. С этого времени и на протяжении почти пяти тысяч лет их возводили многочисленные полукочевые и кочевые народы, населявшие степь. О самых древних из этих народов мы почти ничего не знаем, и даже имена их неизвестны — ведь они не имели письменности, а их более цивилизованные современники не упомянули о них в своих записях. Так и зовут их археологи по основным конструкциям могил, лежащих под курганами, — «ямники», «катакомбники», «срубники». Им на смену пришли скифы, савроматы, сарматы, гунны, печенеги, хазары, половцы...

Сменялись культуры, приходили и уходили, иногда полностью растворяясь в степи, волны новых завоевателей. У каждого народа была своя культура, свои традиции и свой похоронный обряд. Но все они с удивительным постоянством возводили в степи новые и новые ряды курганов. Простым общинникам могли причитаться лишь небольшие холмики. Курганы вождей порой достигали двадцати метров в высоту. В большинстве крупных курганов, которые видны сегодня в степях, были захоронены десятки людей. Очень часто один курган использовался неоднократно, и племя, кочевавшее много лет по одному и тому же ежегодному маршруту, подзахоранивало к умер-

шему его родственников и соратников. Иногда пришельцы использовали чужие курганы. Так, «срубники», жившие в южно-русских степях на рубеже второго и первого тысячелетий до н. э., буквально нашпиговывали курганы, возведенные их предшественниками, десятками новых захоронений. Но достаточно часто останки нескольких найденных в кургане людей не оставляют никакого сомнения в том, что они были похоронены вместе.

Так, в курганах Крымского Присивашья восемь процентов захоронений бронзового века — совместные, очень часто парные: мужчина и женщина. Археологи не всегда могут определить, где похоронены люди, которые случайно умерли одновременно, а где — один из них принесен в жертву «главному» покойнику для того, чтобы сопровождать его в загробном мире. Но порой на этот вопрос отвечают раны на головах погребенных; чаще всего следы таких ранений находят у женщин. Поскольку женщины не слишком активно участвовали в военных схватках, то эти погребения наводят на мысль о жертвоприношениях. Иногда с одним мужским скелетом археологи находят несколько женских.

Археологи встречают следы человеческих жертвоприношений уже у самых ранних строителей курганов — «ямников». В их могилах сохранились останки сопроводительных жертв. Кроме того, некоторые исследователи считают, что ямники, похороненные под антропоморфными стелами, могли быть жертвами ритуальных убийств, совершавшихся в праздничные дни.

У людей, населявших степь во второй половине третьего — начале второго тысячелетий до н. э. (археологи зовут их «катакомбниками»), довольно часто встречаются захоронения нескольких человек в одной могиле. Катакомбники вырывали в земле узкую шахту, и в одной из ее стенок в самом низу вырубали погребальную камеру-катакомбу. В нее стлали циновки или шкуры, посыпанные мелом или охрой. Сюда же укладывали хозяина гробницы, ставили оружие, утварь, посуду с едой. И здесь же помещали тела людей, которые должны были сопровождать своего мужа или господина в мир иной. Для того чтобы покойник легко достиг царства мертвых, в гробнице устанавлива-

ли дорожную кибитку, а иногда и боевую колесницу: простым воинам — глиняную, вождям — настоящую. Потом вход в камеру закрывали деревянной плахой или каменной плитой и всю конструкцию засыпали землей, а сверху насыпали могильный холм.

На правом берегу Днепра, возле села Марьевка, археологи раскопали огромный (семь метров в высоту, восемьдесят метров в диаметре) курган катакомбной культуры, который местные жители прозвали Тягунова могила; он был воздвигнут в самом конце третьего тысячелетия до н. э. Курган принадлежал знатному и, видимо, выдающемуся воину: в нем оказалась одноосная боевая колесница на сплошных колесах — самая древняя из найденных в степях Восточной Европы. Владельцу колесницы было 35–40 лет, его непо потревоженный скелет лежал здесь же, в погребальной камере, на ложе, состоявшем из подстилки, подушки и меловой подсыпки. С воином был уложен бронзовый наконечник стрелы — возможно, это был знак власти. Люди, сопровождавшие покойного, видимо, представляли меньшую ценность. Они оказались расчлененными: археологи обнаружили кучки костей, принадлежавших немолодой женщине и мужчине средних лет. Рядом с колесницей лежал скелет мальчика — видимо, в его обязанности входило ухаживать за колесницей и упряжными животными. Голова мальчика была отделена и лежала у входа в камеру.

Отдельно лежащие головы археологи находят и в могильниках срубной культуры («срубники» населяли степь в конце второго тысячелетия до н. э., незадолго до начала эры железа). На поселении Капитоново в среднем течении Северского Донца было раскопано святилище: в центре его находилась большая яма-жертвенник, а над ней водружен череп быка. В самом святилище человеческих останков не нашли, но неподалеку от него обнаружили шесть могил с расчлененными телами и черепами, захороненными отдельно. Вероятно, эти люди стали жертвами ритуального убийства.

Степи эпохи бронзы во множестве предлагают археологам подобные находки. Но четкого ответа на вопрос, как и почему совершались человеческие жертвоприношения той эпохи, как правило, нет. И можно лишь догадываться,

во славу каких богов проливалась кровь и какова была роль расчлененных слуг, отправлявшихся в загробный мир вслед за своим господином.

С началом железного века в степях Восточной Европы появляется новый народ, который постепенно захватывает все большие территории к западу. Эти люди сами себя называли «сколоты», а у греческих авторов за ними закрепилось название «скифы». О ритуалах скифов нам уже известно очень многое. Писал о них и знаменитый греческий историк и путешественник Геродот, который побывал на окраине скифского мира и описал и самих скифов, и их соседей, например, массагетов — он пишет, что «иные считают их также скифским племенем». Согласно Геродоту, массагеты приносили в жертву и съедали стариков своего племени:

«...Предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть — для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву».

В описанных Геродотом жертвенных обычаях массагетов прослеживается некоторое противоречие. Историк сообщает: «Единственный бог, которого они почитают, это — солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете». В изложении Геродота не вполне понятно, почему богу, которому надлежит жертвовать быстроногих коней, приносят в жертву стариков — вероятно, массагеты все-таки поклонялись и еще каким-то богам.

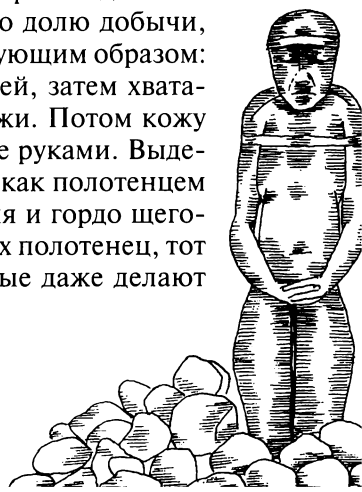
Обычаи скифов Геродот описывает значительно подробнее. Историк называет скифского бога войны именем греческого Ареса, но греки любили отождествлять иноземных и не вполне понятных богов со своими, хорошо знакомыми. Что же касается самого обряда, то он описан, судя

по всему, достаточно точно — это подтверждается и другими источниками. Но предоставим слово Геродоту:

«Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадия (около пятисот метров. — *О. И.*), в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно».

Помимо специального обряда жертвоприношения в святилище скифы и убийство врага в бою превращали в своего рода ритуал. Геродот сообщает:

«Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе — нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо шеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают

из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы для своих колчанов...»

Черепя врагов тоже использовались в ритуальных целях — из них скифы делали чаши для пиров, обтягивая их сыромятной кожей. Те, кто мог себе это позволить, золотили чаши изнутри. «Раз в год, — пишет Геродот, — каждый правитель в своем округе приготовляет сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом».

Особый интерес представляет сообщение Геродота о ритуальных убийствах скифами своих родственников во время судебных поединков — «когда перед судом царя один одержит верх над другим». Из черепов убитых родителей тоже делали чаши: «...при посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел. Такой поступок у скифов считается доблестным деянием».

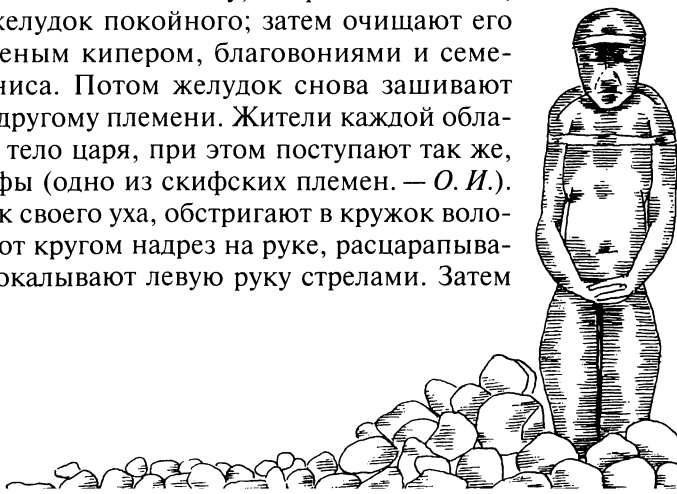
Археологам случалось находить неграбленные скифские курганы (например, курган Кызыл-Джар IX на Алтае), в которых покойник, похороненный по всем правилам, был тем не менее лишен головы. Возможно, эти люди пали жертвой судебного поединка, и их головы стали ритуальными чашами... И чаши из черепов, и остатки колчанов из человеческой кожи встречаются в скифских курганах.

Интересно, что жертвами ритуальных «убийств» могли стать и трупы. Скифы и окружающие их народы непременно верили в загробное существование и в то, что покойные могут вмешиваться в дела живых. Грабители, проникавшие в могильную камеру, иногда старались «обезвредить» погребенные в ней тела. Так, в одном из знаменитых пазырыкских курганов на Алтае с обоих погребенных была сорвана одежда, отрублены головы, у женщины отрубили стопы, голени и кисть правой руки, надломили пальцы...

В Центральной Туве археологи обнаружили в кургане скифского времени и вовсе удивительную картину: побывавшие в нем люди не тронули золото (по крайней мере часть его сохранилась), но забрали оружие и изрубили костяки погребенных. Вероятно, ритуальное «убийство» трупов значило для них больше, чем само ограбление.

Но скифы совершали ритуальные убийства не только врагов (живых и мертвых) и склочных родственников. У них были приняты человеческие жертвоприношения на похоронах царей. При этом все подданные наносили себе небольшие телесные повреждения, а наложницу, ближайших слуг и стражу отправляли в мир иной вслед за владыкой. Интересно, что эти люди обычно были свободными скифами. Рабство у скифов вообще было очень слабо развито, как, впрочем, и у всех кочевников. В степи невозможно уследить за рабом, а конь, на котором он может сбежать, всегда рядом. Основная работа — присмотр за стадами — требует коня и свободы передвижения. Поэтому скифы, по сообщению Геродота, ослепляли своих немногочисленных рабов и использовали их лишь для взбивания молочных продуктов. А все те, кто шел на смерть вместе со своими владыками, были свободными людьми. Похороны скифских царей настолько подробно, красочно и интересно описаны у Геродота, что авторы настоящей книги решили не пересказывать великого грека, а надолго предоставить слово ему самому:

«Гробницы царей находятся в Геррах (вероятно, в нижнем Поднепровье. — *О. И.*)... Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами сельерея и аниса. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы (одно из скифских племен. — *О. И.*). Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем

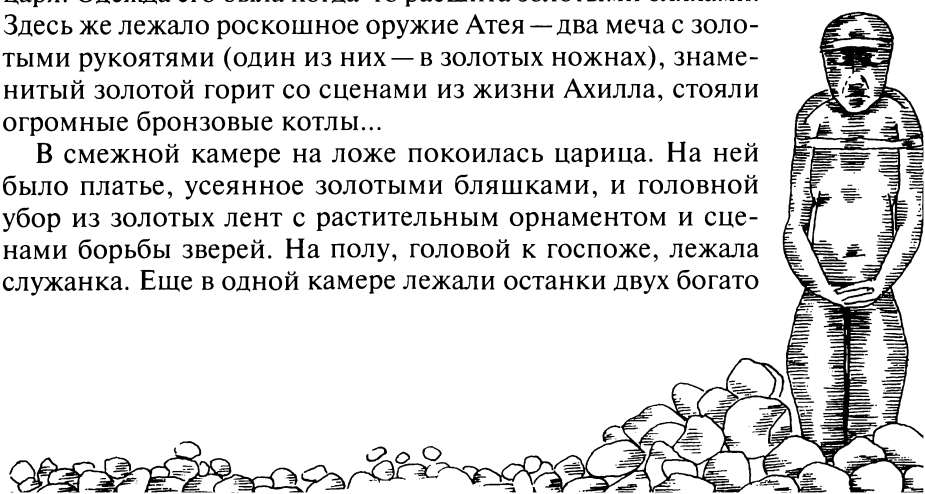
отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копыя, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше.

Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых усердных (все они коренные скифы: ведь всякий, кому царь прикажет, должен ему служить; купленных же за деньги рабов у царя не бывает). Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают. Потом на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину — на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев; затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю длину туловища до самой шеи, поднимают на ободья. На передних ободьях держатся плечи лошадей, а задние подпирают животы у бедер. Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не доставая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилами, затем натягивают уздечки и привязывают их к колышкам. Всех 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи. Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, проткнутом сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят».

Сообщения Геродота подтверждаются археологами. Во множестве царских курганов, возведенных скифами, они находят останки слуг, погребенных рядом со своим повелителем. На весь мир прогремел знаменитый Чертомлыкский курган, раскопанный на Украине в середине девятнадцатого века. В нем, как предполагают археологи, был похоронен скифский царь Атей, умерший в 339 году до н. э. Атей был человеком знаменитым, он осаждал город Византий (будущий Константинополь) вместе с Филиппом Македонским (отцом Александра) и даже одно время предполагал усыновить Филиппа, чтобы сделать его наследником скифской державы. Но потом цари не поделили расходы, понесенные ими в войне с Византием: Филипп потребовал от Атея возместить издержки, а Атей, как сообщает римский историк Юстин, «стал ссылаться на то, что климат в Скифии неблагоприятный, а почва бесплодна; она не только не обогащает скифов, но едва-едва доставляет им пропитание; нет у них богатств, которыми он мог бы удовлетворить столь великого царя...»

Несмотря на жалостливые отговорки Атея и ссылки на бедность, после того, как он погиб (в войне с тем же Филиппом), в его кургане были спрятаны огромные богатства. Кроме того, вместе с царем были погребены его жена, несколько придворных и слуг и одиннадцать коней. Высота царского кургана превышала двадцать метров, диаметр — сто тридцать метров. Он был обнесен мощной каменной стеной. В насыпи археологи обнаружили следы многочисленных тризн. В погребальной камере — зале площадью около сорока метров — археологи обнаружили останки царя. Одежда его была когда-то расшита золотыми бляхами. Здесь же лежало роскошное оружие Атея — два меча с золотыми рукоятями (один из них — в золотых ножнах), знаменитый золотой горит со сценами из жизни Ахилла, стояли огромные бронзовые котлы...

В смежной камере на ложе покоилась царица. На ней было платье, усеянное золотыми бляшками, и головной убор из золотых лент с растительным орнаментом и сценами борьбы зверей. На полу, головой к госпоже, лежала служанка. Еще в одной камере лежали останки двух богато

одетых скифов, оба — в золотых и серебряных украшениях, вооруженные мечами с золотыми рукоятками и с колчанами, полными стрел. В камере, уставленной винными амфорами, находился юноша, одежды которого тоже были расшиты золотом; при нем лежал колчан со стрелами. В соседней камере тоже стояли многочисленные винные амфоры — быть может, юноша служил виночерпием. И, наконец, снаружи, отдельно от главной могилы, в трех ямах лежали останки одиннадцати коней со сбруей, украшенной серебром и золотом, некоторые — под деревянными седлами, обитыми золотыми лентами. А рядом с этой захороненной конюшней были похоронены в отдельных могилах два конюха.

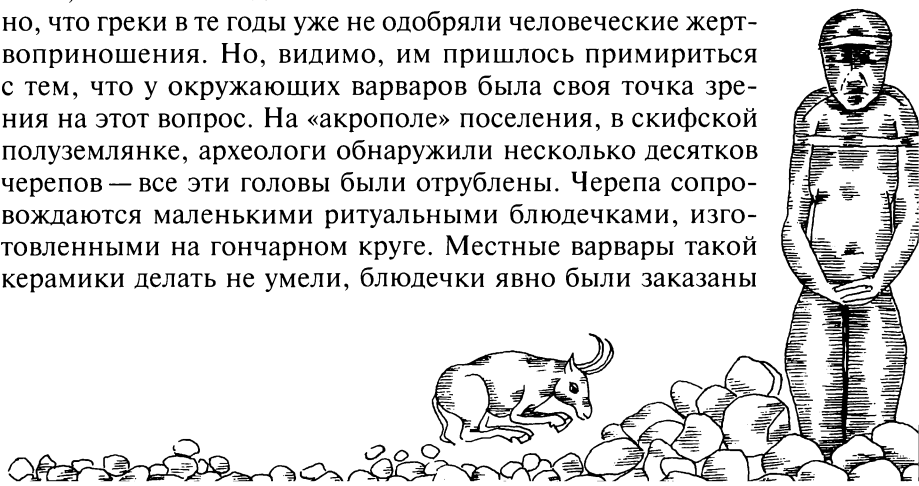
Восьмой человек, павший заупокойной жертвой царя Атея, вероятно, погиб позже. Его останки были найдены у основания грабительского лаза, который проходил через курган. Скелет самого Атея был потревожен, золото разбросано по камере, а грабитель, который так и не успел вынести сокровища наружу, лежал, придавленный обвалившейся землей. Скифы не очень доверяли вооруженным воинам, которые уходили в вечность вместе с царем, и накладывали на гробницы проклятия, которые должны были обрушиться на головы грабителей. В данном случае все примерно так и произошло. Тем не менее большинство курганов были успешно ограблены еще в древности. Курган Атея — один из немногих, избежавших этой участи. Возможно, заметный грабительский лаз, говоривший о том, что могила уже ограблена, уберег курган от грядущих мародеров. Так человек, павший последней заупокойной жертвой Атея, невольной сохранил сокровища царя.

Надо отметить, что, возможно, не все скифские цари забирали с собой в загробный мир свою свиту. И хотя в царских курганах археологи часто находят несколько захоронений, это далеко не всегда говорит о человеческих жертвоприношениях. Такая точка зрения высказывается специалистами, например, по поводу знаменитого кургана Куль-Оба, возведенного в Крыму (вблизи современной Керчи) на рубеже эр. Рядом с саркофагом царя, чье имя осталось неизвестным, покоилась роскошно одетая жен-

щина. В этой же камере находились останки воина в богатых одеждах и коня. В отдельной, потайной могиле археологи обнаружили останки еще одного богато одетого воина.

Археолог П. А. Дюбрюкс, раскопавший курган в 1830 году, увидел в нем иллюстрацию к рассказам Геродота о человеческих жертвоприношениях. Эта точка зрения продержалась довольно долго, пока исследователи не обратили внимание на то, что каменная кладка, закрывавшая вход в погребальную камеру, не была скреплена раствором — значит, в склеп можно было заходить повторно. Теснота, царившая в склепе, тоже говорит о том, что поначалу он не предназначался для нескольких обитателей. И сегодня ученые склоняются к мысли, что жена и приближенные царя отправились за своим мужем и господином не сразу, а позднее, умерев своей смертью и приказав, чтобы их похоронили рядом с покойным владыкой (чего ни он сам, ни строители тесного кургана, вероятно, не предусматривали).

В конце пятого века до н. э. в дельте Дона образовался небольшой городок, просуществовавший около двух веков. До сих пор неизвестно, как называли его сами жители, и у археологов он получил название Елизаветовского городища, или попросту Елизаветовки, по имени ближайшей современной станицы. Здесь варвары — меоты, скифы, савроматы — вступали в контакт с миром греческой культуры. Сюда купцы из Греции и Боспорского царства привозили кочевникам ранее неведомое в этих краях вино, дорогую посуду, оливковое масло, ювелирные изделия. Население в Елизаветовке было смешанным: купцы приезжали и уезжали, но кто-то оседал на постоянное жительство. Известно, что греки в те годы уже не одобряли человеческие жертвоприношения. Но, видимо, им пришлось примириться с тем, что у окружающих варваров была своя точка зрения на этот вопрос. На «акрополе» поселения, в скифской полуземлянке, археологи обнаружили несколько десятков черепов — все эти головы были отрублены. Черепа сопровождаются маленькими ритуальными блюдечками, изготовленными на гончарном круге. Местные варвары такой керамики делать не умели, блюдечки явно были заказаны

у греков. Какому божеству посвящался этот страшный дар и представителями какого народа — неизвестно.

В начале четвертого века до н. э. в Причерноморских степях появился народ, изрядно потеснивший скифов, — савроматы. Греки считали, что савроматы произошли от брака скифских юношей с амазонками. Геродот пишет, что греки разбили войско амазонок, живших на черноморском побережье Малой Азии, и погрузили пленных женщин на корабль. В море амазонки перебили своих захватчиков, но управлять кораблем они не умели, и их носило по воле волн, пока не выбросило на берега Меотиды (Азовского моря), где они и познакомились со своими будущими избранниками. Сегодня мы знаем, что савроматы пришли в Причерноморье с востока, из Приуралья и степей современного Казахстана. Тем не менее греки не случайно приписывали им родство с амазонками. Женщины савроматов участвовали в битвах наравне с мужчинами, и, по сообщению Геродота, девушка у них не могла выйти замуж, пока не убьет первого врага. В трактате греческого автора «О воздухе, водах и местностях», ошибочно приписываемом Гиппократу, количество необходимых для замужества убийств увеличивается до трех.

Таким образом, убийство врага носило у савроматов не только военные, но и сакральные функции. А похороны савроматских вождей так же, как и скифских, сопровождалась человеческими жертвоприношениями.

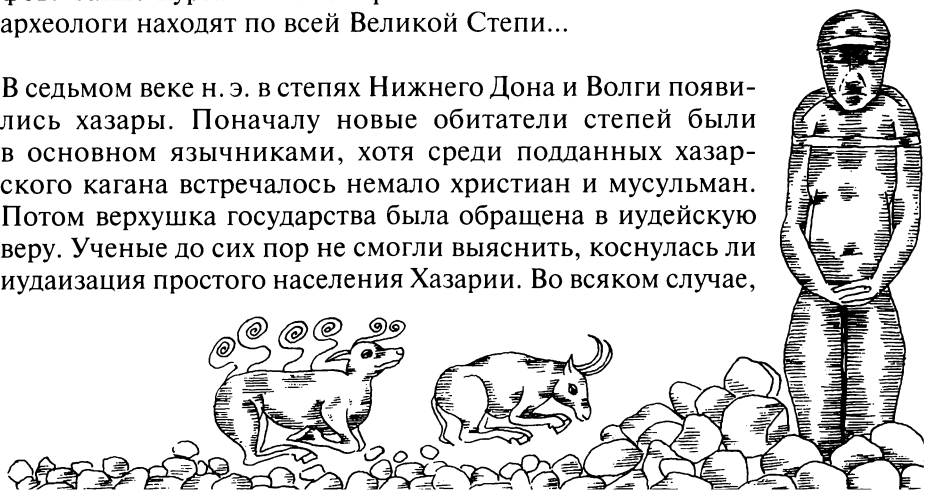
Авторам настоящей книги довелось участвовать в раскопках савроматского кургана на берегах Северского Донца. Там, простираясь с запада на восток, тянулась огромная курганная гряда из примерно тридцати курганов. Их в течение нескольких тысяч лет воздвигали многочисленные народы, населявшие донские степи. Самый большой курган имел в высоту около шести метров — для его раскопок понадобились бы десятки людей, работающих несколько месяцев, а нас было всего десять человек. Мы стали присматривать себе что-нибудь поменьше. Поле в тот год стояло «под паром», и внимание археологов привлекло рыжеватое пятно диаметром около десяти метров, едва заметно

выделявшееся на свежевспаханной земле. Измерения показали, что уровень почвы в этом месте повышен на пятнадцать сантиметров. Это был курган! Конечно, когда савроматы, жившие в этих местах две с лишним тысячи лет назад, воздвигали насыпь, она была выше. Но потом дожди и ветры, а особенно вспашка почти сровняли ее с землей.

Находки пошли с первого же «штыка» — так археологи называют глубину одной лопаты. Плуги и бороны давно сделали почти всю работу за нас, и нам оставалось только расчищать многочисленные находки, лежавшие на пережженной земле под тонким слоем чернозема. Здесь были большой бронзовый котел, жаровня, бронзовые фигурки, украшавшие конскую сбрую, наконечники стрел, кувшин, два горшка, маленькая бронзовая ладошка — когда-то она служила ручкой деревянного ковша. Вперемежку с обгоревшими костями коней и овец лежали такие же обгоревшие останки двух людей. Создавалось впечатление, что их расчленили и бросили в костер, разведенный в небольшом углублении; в отличие от костей остальные предметы были аккуратно расставлены вокруг.

Это была могила без хозяина — кенотаф. Ее воздвигли в честь савроматского воина или воительницы, который погиб в военном походе. Тело его не смогли привезти обратно; быть может, скифы — соседи и вечные враги савроматов — сделали из черепа покойного чашу, а из кожи — плащ. Но безутешные родственники погибшего не остались в долгу: они и без покойника провели похоронный обряд, а для того, чтобы умиловить дух умершего, принесли ему в жертву двух человек, возможно, пленных скифов. Такие курганы-кенотафы с человеческими костями археологи находят по всей Великой Степи...

В седьмом веке н. э. в степях Нижнего Дона и Волги появились хазары. Поначалу новые обитатели степей были в основном язычниками, хотя среди подданных хазарского кагана встречалось немало христиан и мусульман. Потом верхушка государства была обращена в иудейскую веру. Ученые до сих пор не смогли выяснить, коснулась ли иудаизация простого населения Хазарии. Во всяком случае,

в государстве царила похвальная веротерпимость, и в столице, городе Итиль, рядом стояли синагоги, церкви и мечети. Человеческие жертвоприношения здесь, естественно, не приветствовались, хотя по окраинам огромного многонационального государства, конечно же, обитало немало язычников. Но один жестокий обряд тем не менее регулярно проводился, причем именно в столице. Это была ритуальная казнь самого кагана — сакрального главы государства.

Во главе каганата стояли два человека — каган и царь. Царь был фактическим правителем огромной и могущественной державы. Каган жил затворником в своем дворце и реальной властью не обладал. Тем не менее сам царь входил в покои кагана не иначе, как босиком, держа в руках кусок горящего дерева для очищения. Он падал перед каганом ниц и лежал, пока божественный властитель не позволял ему приблизиться. Раз в четыре месяца каган объезжал свои владения. Все встречные, издали завидев кортеж, падали на землю и лежали, пока он не скрывался из виду. Вся армия сопровождала властителя, не смея, впрочем, подойти к нему ближе, чем на милю, так что каган совершал свои прогулки практически в одиночестве.

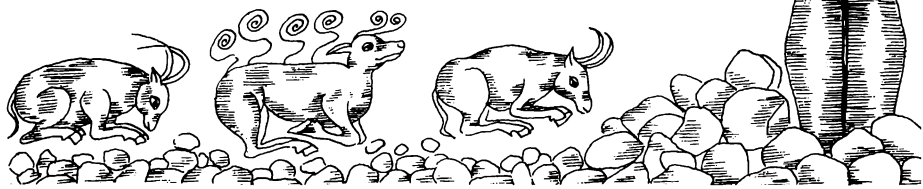
Двадцать пять жен — дочерей вассальных государей — и шестьдесят наложниц ублажали своего повелителя. Исходившая от кагана сакральная сила была так велика, что, как писали современники, ему достаточно было показаться на поле боя, чтобы враги немедленно обратились в бегство. Но, увы, сила эта была не вечна. И если в государстве случались какие-нибудь неприятности вроде засухи или военного поражения, хазары точно знали, кто виноват.

Путешественник и историк Аль-Масуди, прозванный арабским Геродотом, сообщает, что в таких случаях народ спешил к царю и заявлял: «Мы приписываем свое несчастье этому кагану, его существование приносит нам вред. Убей его или отдай его нам — мы его убьем». Царь мог выдать кагана народу или убить его сам. Случалось, что он убеждал народ в невиновности кагана и давал ему пожить еще некоторое время. Но так или иначе, жизни кагана был положен заранее известный предел. Когда очередного кагана воз-

водили на престол, царь набрасывал ему на шею шелковую петлю и душил беднягу до тех пор, пока он не начинал задыхаться. Тогда его спрашивали, сколько лет он будет царствовать. Число, названное полузадушенным каганом, и становилось рубежом его жизни: когда он проживал это количество лет, его убивали, даже если в государстве никаких неприятностей и не происходило. Впрочем, больше сорока лет каган царствовать не мог, какое бы число он ни назвал, — по истечении этого срока его убивали при всех условиях.

Убив кагана, хазары устраивали ему самые пышные похороны, которые тоже не обходились без человеческих жертв. По сообщению арабского путешественника Ибн Фадлана, для погребения строили дворец, в котором были двадцать комнат, и в каждой вырывали по могиле. Тело кагана хоронили в одной из могил, после чего дворец затапливали, отводя русло реки. А для пушей надежности всем участвовавшим в похоронах отрубали головы, чтобы никто не мог сообщить, где же покоится тело.

В десятом веке русский князь Святослав сокрушил Хазарский каганат, но установить контроль над всей его гигантской территорией он не мог. На оставшиеся без хозяина земли хлынули половецкие орды с востока. В это время на вершинах курганов начинает появляться множество статуй — «каменных баб», как зовут их в народе. Собственно, очень многие степные народы иногда украшали вершины своих курганов каменными стелами или изваяниями, но при половцах это явление приняло массовый характер. Интересно, что половецкие «бабы» чаще всего бывают мужчинами — у них встречаются такие признаки пола, как усы и кинжал (хотя бывают и бабы-женщины). Половцы ставили «баб» совсем не обязательно над могилами своих покойников — годился любой курган или холм, — но делали это, судя по всему, именно в честь умерших, через какое-то время после похорон. Возможно, «бабы» служили временным пристанищем для душ, лишившихся тела. Одних баб водружали на вершинах курганов, где они стояли в течение многих веков (пока советская власть

не приказала собрать и уничтожить их в атеистических целях). Других, напротив, с самого начала помещали в глубокие ямы, вырытые в таких же курганах, и засыпали землей, принеся им предварительно жертвы. Ученые до сих пор спорят о том, почему половцы предназначили многим из своих идолов весьма короткую жизнь. Высказывалось мнение о том, что статуи, венчающие вершины холмов и предназначенные «для вечности», могли служить вместилищем душ обожествленных героев. Что же касается идолов, чья жизнь была недолговечной, — они предназначались недолговечным душам половцев попроще. Впрочем, иногда в ямах встречаются великолепные статуи, которые не могли принадлежать простому воину. А человеческие жертвоприношения, совершенные у их подножия, говорят о высоком статусе тех, кому они были посвящены. Одна из таких статуй была найдена археологами у села Бешпагир в Краснодарском крае.

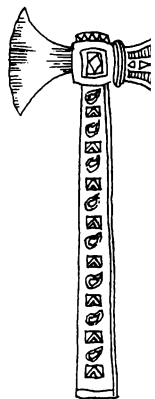
Половцы использовали для своего святилища древний курган эпохи бронзы. Недалеко от его вершины они вырыли глубокую яму и в ней установили фигуру воина в шлеме и портупее, изваянную из серо-желтого ракушечника. Щеки статуи были нарумянены красной краской, ноги присыпаны охрой. В руках, сложенных в низу живота, воин держал чашу — обычный предмет для половецкой «бабы». А у ног его, лицами к нему, окружая статую полукольцом, были аккуратно уложены два мертвых тела — мужчины и женщины. Потом всех троих — и каменного воина, и его спутников — засыпали землей. Так они и пролежали почти тысячу лет, пока их не откопали археологи в конце двадцатого века.

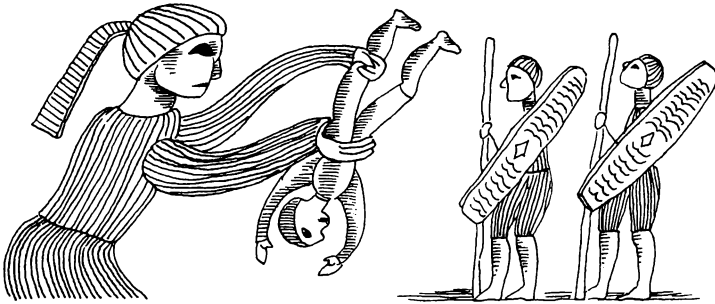
Половцев в степях сменили татаро-монголы. Империя Чингисхана была многонациональной, и среди «командного состава» можно было встретить и шаманистов, и буддистов, и мусульман, и христиан. Сам Чингисхан склонялся к монотеизму и даже намеревался издать кодекс законов, первая глава которого гласила: «Повелеваем всем веровать в Единого Бога, Творца неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти по Его воле, обладаю-

щего всемогуществом во всех делах». Статья эта, по зрелом размышлении, не была обнародована: очевидно, мудрый правитель решил не вносить в ряды подданных религиозного раздора. Так или иначе, языческие культы в империи Чингисхана хоть не преследовались, но и не приветствовались. Тем не менее человеческие жертвоприношения продолжались.

Монах-францисканец, посол папы римского к монгольскому великому хану Иоанн де Плано Карпини, и его секретарь Бенедикт Поляк в середине тринадцатого века описали, как на похоронах знатных монголов в их могилы опускали живых рабов. Двадцатью годами позже при погребении великого хана Хулагу, внука Чингисхана, с ним были похоронены несколько красивых девушек в нарядных одеждах и драгоценностях. А похороны самого Чингисхана были ознаменованы массовыми жертвами: его воины убивали всех, кто попадался навстречу похоронной процессии, объясняя это тем, что умерший нуждается в людях, которые будут служить ему на том свете.

После раскола империи Чингисхана причерноморские степи достались самому западному из ее осколков — Золотой орде. Золотоордынские ханы почти век соблюдали завещанное их великим предком равноправие религий. И лишь в начале четырнадцатого века, когда хан Узбек провозгласил ислам государственной религией и запретил языческие культы, человеческим жертвоприношениям на огромной территории государства постепенно приходит конец.

Обыте и нравах древних кельтов мы знаем прежде всего от римлян, которые дали им название «галлы». Римляне завоевали Цизальпинскую Галлию — территорию между рекой По и Альпами — в конце третьего века до н. э. В течение второго века была завоевана и часть южной Галлии. Все это время римляне рассматривали галлов лишь как дикарей, не слишком интересуясь их духовной жизнью и не вмешиваясь в их культы. Но в середине первого века до н. э. Гай Юлий Цезарь после восьмилетней войны присоединяет к Риму всю оставшуюся Галлию, а населению Цизальпинской Галлии дарует римское гражданство, после чего относиться к галлам как к дикарям, не стоящим внимания, было уже неприлично. Римляне стали интересоваться галлами и писать о них. И писания эти, как правило, были мрачны. Диодор Сицилийский, младший современник Цезаря, сообщает:

«Из-за присущей им дикости галлы крайне нечестивы и в своих жертвоприношениях: продержав злодеев в заключении в течение пяти лет, галлы подвергают их мучениям в честь богов и приносят в жертву наряду с многими другими «начатками», соорудив огромные костры. Приносят в жертву богам и пленников. Некоторые из галлов убивают не только людей, но и захваченных на войне животных или сжигают их, или уничтожают, подвергая другим мучениям».

Страбон пишет: «Головы знатных врагов галлы сохраняли в кедровом масле, показывали чужеземцам и не соглашались отдавать их даже на вес золота... Они наносили человеку, обреченному в жертву, удар в спину и гадали по его судорогам. Однако они не приносили жертв без друидов. Упомянуты еще и другого рода человеческие жертвоприношения; они расстреливали свои жертвы из лука, или распинали их в святилищах, или же сооружали огромную статую из сена и дерева, затем бросали туда скот и всевозможных диких животных, а также людей, и все это вместе сжигали».

Поэт Марк Анней Лукан так характеризует галлов:

...те, что привыкли поить человеческой кровью
Еза ужасный алтарь, или дикого в злобе Тевтата,
Иль Тараниса, чей лик не добрей, чем у скифской Дианы.

Поэт не уточняет, что олицетворяли собой эти кровавые боги и как именно галлы отправляли свои культы. Но средневековый комментатор этого текста, который, видимо, пользовался не дошедшими до нас источниками, поясняет, что Таранис умиротворялся сожжением жертвы, Тевтат — ее утоплением (опусканием в бочку), а Ез (Эзус) — повешением.

Сцена утопления жертвы сохранилась на знаменитом серебряном кельтском котле из Гундеструпа, сделанном, вероятно, на рубеже эр. Стенки котла украшены серебряными позолоченными пластинами с изображением сцен из жизни богов и героев. Одну из них исследователи назвали «отправление войска Тевтата». Здесь изображено войско бога Тевтата, выступающее в поход. Друид освящает это действие, опуская человека в бочку с водой, — традиционная жертва воинственному богу.

Сам Цезарь в своих «Записках о галльской войне» немало внимания уделяет галльским обычаям. Он пишет:

«Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно галлы думают, что бессмертных богов можно

умилостивить не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни. У них заведены даже общественные жертвоприношения этого рода. Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, члены которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени. Но, по их мнению, еще угоднее бессмертным богам принесение в жертву попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжелом преступлении; а когда таких людей не хватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невиновных».

Цезарь перечисляет галльских богов, которых он отождествляет с римскими: Меркурия, Аполлона, Юпитера и Минерву — но о том, какие им приносят жертвы, умалчивает. В этой связи он называет только Марса: «Марс руководит войной. Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым...»

Описывает Гай Юлий и заупокойные человеческие жертвоприношения: «Похороны у галлов, сравнительно с их образом жизни, великолепны и связаны с большими расходами. Все, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже и животных; и еще незадолго до нашего времени по соблюдении всех похоронных обрядов сжигались вместе с покойником его рабы и клиенты, если он их действительно любил».

Впрочем, со стороны галлов этот обычай не был проявлением жестокости: они были абсолютно убеждены в том, что за гробом человека ждет телесное существование, полнотой равнозначное земному. Лукан писал о галлах:

...по учению вашему тени
 Не улетают от нас в приют молчаливый Эреба,
 К Диту в подземный чертог; но тот же дух управляет
 Телом и в мире ином; и если гласите вы правду,
 Смерть посредине лежит продолжительной жизни.
 Народы Северных стран в ошибке такой, должно быть,
 блаженны,
 Ибо несноснейший страх — страх смерти их не тревожит.

Конечно, в загробное существование верили и верят не одни только галлы; но другие народы, как правило, все-таки не приравнивают это существование к земному: они опасаются, что им придется жить в виде бесплотных теней, боятся адских мук, не уверены, что смогут попасть в одно и то же отделение загробного мира со своими родными... Все эти опасения у галлов отсутствовали. Валерий Максим в первом веке н. э. писал о галлах: «Рассказывают, что они одалживают друг другу суммы, которые будут выплачены в другом мире, настолько они убеждены, что души людей бессмертны». Диодор сообщает, что во время похорон некоторые галлы бросали в погребальный костер письма, адресованные ранее умершим, чтобы покойный доставил их по назначению. Кстати, этот обычай дожил у кельтов Ирландии до наших дней — в двадцатом веке его зафиксировал известный исследователь кельтской культуры Гельмут Биркхан.

Таким образом, сами галлы не видели ничего особо жестокого в том, чтобы отправить кого-то из своих соотечественников к праотцам раньше положенного им природой срока, но у римлян была другая точка зрения на этот вопрос. Вообще говоря, обычно римляне не вмешивались в религиозную жизнь завоеванных ими народов, но обряды галлов их покорили. У самих римлян к этому времени человеческие жертвоприношения были запрещены (резня на аренах цирков, видимо, «не считалась»). Во всяком случае, победители попытались навести у галлов порядок и, как пишет Страбон, «отучили их от обычаев, жертвоприношений и гаданий, противоположных тем, что в ходу у нас». Впрочем, Лукан, живший на поколение позднее Страбона, писал в первом веке н. э.:

Вы же, друиды, опять с окончаньем войны возвратились
К богослужениям злым и к варварским вашим обрядам.

Римлянин Дион Кассий описывает человеческие жертвоприношения, которые в первом веке н. э. совершали кельты Британии. В частности, он говорит о многочисленных римских гражданах, прежде всего женщинах, которых варвары принесли в жертву своей богине победы Андрасте.

Впрочем, это сообщение не заслуживает полного доверия. Во время восстания, которое жители Британии, под предводительством королевы племени иценов Боудикки подняли против римских завоевателей, действительно было убито около семнадцати тысяч человек. Были полностью вырезаны жители городов Камулодунума (современный Колчестер), Лондиниума (Лондон) и Веруламиума (Сент-Олбанс). Но восстание носило политический характер, и надо думать, погибшие при нем римляне пали жертвами не столько кровожадности Андрасты, сколько просчетов в колониальной политике империи.

Тем не менее кельты, которые начали переселяться на территорию Британии с материка еще в начале первого тысячелетия до н. э., человеческие жертвы своим богам приносили — следы этого сохранились и в их мифологии, и даже в современных обрядах. Прежде всего с этими жертвоприношениями был связан праздник Самайн.

Сам по себе Самайн был праздником окончания пастбищного сезона: к этому дню стада возвращались с летних пастбищ; в то же время он знаменовал собой начало новой, темной половины года. Самайн был праздником, когда открывались границы между миром людей и миром духов. В ночь Самайна разверзались холмы, под которыми обитали «сиды» — волшебные существа, позднее превратившиеся в фей английских сказок. Сиды отмечали праздник вместе с людьми. Считалось, что в эту ночь должны умереть люди, нарушившие свои «гейсы» — ритуальные кельтские запреты. Кроме того, это был день поминовения усопших... Друиды разводили священные костры, и пока они горели, все другие огни должны были погаснуть. В костры бросали жертвенное мясо; по узорам, которые огонь оставлял на костях, жрецы предсказывали будущее. Люди прыгали через огонь, между кострами проводили скот — это было ритуальное очищение огнем. К Самайну пекли хлебцы в форме рогов, и эта традиция сохранилась в кельтских районах Великобритании до сих пор.

В одной из ирландских саг, посвященных великому кельтскому герою Кухулину, рассказывается, как праздновали Самайн улады — жители Ульстера, одного из коро-

левств древней Ирландии. События эти относятся приблизительно к рубежу эр.

«Раз в году собирались все улады вместе в праздник Самайн, и длилось это собрание три дня перед Самайн, самый день Самайн и три дня после него. И пока длился праздник этот, что справлялся раз в году на равнине Муртемне, не бывало там ничего иного, как игры да гулянье, блеск да красота, пиры да угошенье. Потому-то и славилось празднование Самайн по всей Ирландии. Любимым же делом собравшихся воинов было похваляться своими победами и подвигами. Чтобы подтвердить свои рассказы, они приносили с собой в карманах отрезанные концы языков всех убитых ими врагов; многие же, чтобы увеличить число, еще прибавляли к ним языки четвероногих животных. И начиналась похвальба, причем каждый говорил по очереди».

Сага умалчивает о том, как уладские воины распорядились самими головами врагов. Но известно, что в дни Самайна для отпугивания нечистой силы на стенах домов и на частоколах вокруг крепостей вывешивали человеческие головы и черепа. А когда настоящих голов не хватало, их делали из тыквы, надеясь, что духи не заметят подмены. Отсюда и пошел обычай тыквенных голов на Хэллоуин — праздник, который возник после объединения языческого Самайна с христианским Днем всех святых.

В пятом веке Ирландия была крещена святым Патриком, который и по сей день остается главным святым ирландского пантеона. Христианизация произошла на редкость мирно: ирландцы в основном не возражали против смены религии, а новообращенные христиане во главе с Патриком вместо того, чтобы уничтожить языческие народные традиции, постарались ввести их в новое русло. Тем не менее, по преданию, Патрик расколол молотом идола, стоявшего на равнине Маг Слехт в окружении двенадцати других каменных истуканов. Идол назывался Кромм Круах; в средневековом памятнике ирландской литературы «Старина мест» о нем говорится: «ему, бесславному, должны были они принести своих первенцев, с множеством стеноний, пролить их кровь вокруг Кромм Круаха...»

Неизвестно, приносились ли идолу в жертву животные или люди. Но если в далекой древности в дни Самайна и существовал обычай сжигать в костре человеческую жертву — возможно, преступника, — то еще в дохристианские времена вместо человека в огонь стали бросать чучело. Отсюда же идет и древний обычай, и поныне сохранившийся у кельтских народов Британии. За три дня до Хэллоуина рано утром, с первыми лучами солнца, они разводят вблизи села большой костер и трое суток поддерживают в нем огонь. В ночь Хэллоуина юноши ломают овсяную лепешку, метят один кусок углем и тянут их по жребию. Тот, кому достается черный кусок, должен прыгнуть через огонь.

О традициях и религии древних германцев известно значительно меньше, чем о традициях и религии кельтов. Античные авторы писали о них гораздо реже уже по той причине, что германские племена в основном не были подчинены Риму. И даже само понятие «германцев» у римлян было весьма расплывчатым. Во времена Гая Юлия Цезаря так стали называть все народы, проживавшие к востоку от Рейна и к северу от верхнего и нижнего Дуная. Позднее Диодор Сицилийский, не вдаваясь в подробности, окрестил их всех кельтами. Попытки завоевать германцев не увенчались успехом, и только безумный император Калигула однажды сделал вид, что ему это удалось, и даже собирался справить триумф по этому поводу (но его отговорили).

История «завоевания» германцев Калигулой подробно описана Светонием. Однажды безумному императору «пришло в голову предпринять поход в Германию». Он действительно отправился на границу империи, но «так как воевать было не с кем, он приказал нескольким германцам из своей охраны переправиться через Рейн, скрыться там и после дневного завтрака отчаянным шумом возвестить о приближении неприятеля». Все было так и исполнено, после чего Калигула разыграл в пустом лесу потешную погоню и вернулся, неся вместо отбитого у врага оружия ветви деревьев. Несколькими днями позднее он «взял в плен» нескольких мальчиков, которые давно находились при нем в качестве заложников от варварских вождей.

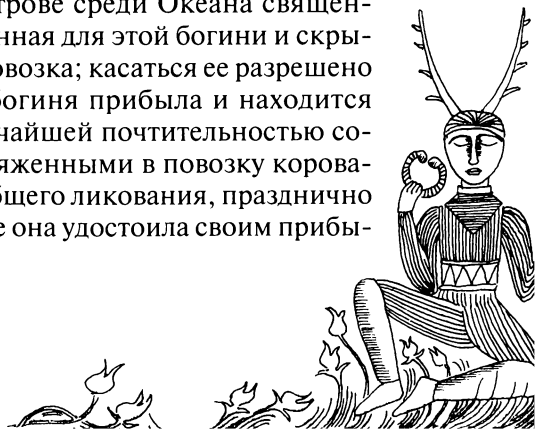
«После этого он обратился к заботам о триумфе. Не довольствуясь варварскими пленниками и перебежчиками, он отобрал из жителей Галлии самых высоких и, как он говорил, пригодных для триумфа, а также некоторых князей: их он приберег для торжества, заставив не только отрастить и окрасить в рыжий цвет волосы, но даже выучить германский язык и принять варварские имена».

Император к этому времени был уже абсолютно безумен; через четыре месяца после «победы» он погиб от рук заговорщиков. Но в вопросе о германцах его точка зрения не отличалась оригинальностью: кельтов, перекрашенных в рыжий цвет, римляне действительно вполне могли принять за германцев.

Сообщения античных авторов о нравах германских племен редки и не вполне достоверны. Информация об их религиозных воззрениях достаточно скудна, но человеческие жертвоприношения в ней упоминаются. Тацит пишет о том, как в девятом году новой эры в Тевтобургском лесу римляне потерпели сокрушительное поражение от объединенных сил нескольких германских племен. После этого «...в ближних лесах обнаружались жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий». Он же сообщает, что из богов германцы «больше всего чтят Меркурия и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей».

От Тацита мы знаем и о германской богине Земли и плодородия Нерте (Нертус) — она имела священную рощу на одном из островов у берегов нынешней Швеции, и ей приносили в жертву рабов, топя их в озере.

«...Они все вместе поклоняются матери-земле Нерте, считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает их племена. Есть на острове среди Океана священная роща и в ней предназначенная для этой богини и скрытая под покровом из тканей повозка; касаться ее разрешено только жрецу. Ощувив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почитательностью сопровождает ее, влекомую впряженными в повозку коровами. Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убираются местности, которые она удостоила своим прибы-

тием и пребыванием. В эти дни они не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них на запоре; тогда им ведомы только мир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжается, пока тот же жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским богиню. После этого и повозка, и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединенном и укрытом ото всех озере. Выполняют это рабы, которых тотчас поглощает то же самое озеро. Отсюда — исполненный тайны ужас и благоговейный трепет пред тем, что неведомо и что могут увидеть лишь те, кто обречен смерти».

Имя Нертус — это точный скандинавский эквивалент имени Ньёрд (так звали у скандинавов бога моря, ветра и огня). Возможно, богиня была сестрой Ньёрда. Но ее брат удостоился значимого места в скандинавском пантеоне, а Нертус, возможно, из-за своей кровожадности, так и осталась в памяти потомков лишь благодаря Тациту.

Тацит описывает ритуалы, которые германские племена севов проводили в священных лесах:

«В установленный день представители всех связанных с ними по крови народностей сходятся в лес, почитаемый ими священным, поскольку в нем их предкам были даны прорицания и он издревле внушает им благочестивый трепет, и, начав с заклятия человеческой жертвы, от имени всего племени торжественно отправляют жуткие таинства своего варварского обряда. Благоговение перед этою рощей проявляется у них и по-другому: никто не входит в нее иначе, как в оковах, чем подчеркивается его приниженность и бессилие перед всемогуществом божества. И если кому случится упасть, не дозволено ни поднять его, ни ему самому встать на ноги, и они выбираются из рощи, перекатываясь по земле с боку на бок. Все эти религиозные предписания связаны с представлением, что именно здесь получило начало их племя, что тут местопребывание властвующего над всеми бога и что все прочее — в его воле и ему повинуются».

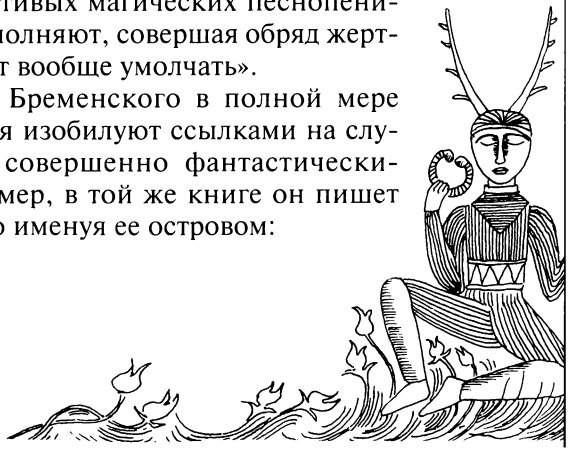
Ритуальные убийства в священных рощах описаны и более поздними авторами. О них повествует, например, живший в девятом веке Адам Бременский, который

в своей книге «Деяния архиепископов гамбургской церкви» подробно описывает святилище в Убсоле (ныне — Упсала в Швеции):

«Теперь скажем несколько слов о верованиях свеонов. У этого племени есть знаменитое святилище, которое называется Убсола и расположено недалеко от города Сиктоны... Около святилища растет большое дерево с раскидистыми ветвями, зеленеющее и зимой, и летом, и никто не знает, какова природа этого дерева. Там также находится источник, где язычники совершают жертвоприношения, ввергая в него живого человека: если он не всплывает, то это обозначает, что желание народа осуществится.

...Ко всем их богам приставлены жрецы, ведающие племенными жертвоприношениями. Если грозит голод или мор, они приносят жертву идолу Тора, если война — Водану, если предстоит справлять свадьбы — Фриккону. Свеоны, кроме того, имеют обычай каждые девять лет устраивать в Убсоле торжество, собирающее жителей всех областей страны. От участия в этом торжестве не освобождается никто. Цари и народы, вместе и поодиночке, все отсылают свои дары в Убсолу, и, что ужаснее всего, те, кто уже принял христианство, вынуждены откупаться от участия в подобных церемониях. Вот как происходит жертвоприношение. Из всей живности мужского пола приносится девять голов: считается, что их кровь умилюстит богов. Тела же этих животных развешиваются в близлежащей роще. Эта роща священна для свеонов, потому что, согласно поверью, благодаря смерти и разложению жертв ее деревья становятся божественными. Один христианин рассказывал мне, что видел в этой роще висевшие вперемежку тела собак, лошадей и людей, общим числом 72. А о многочисленных нечестивых магических песнопениях, которые они обычно исполняют, совершая обряд жертвоприношения, лучше будет вообще умолчать».

Но сообщениям Адама Бременского в полной мере верить нельзя — его писания изобилуют ссылками на случайных информаторов и совершенно фантастическими подробностями. Например, в той же книге он пишет об области эстов, ошибочно именуя ее островом:

«Кроме того, нам говорили, что в означенном море есть еще много других островов, среди которых и крупный остров Эстланд... Его жители совершенно не знакомы с Богом христиан, они поклоняются крылатым драконам, которым даже приносят в жертву живых людей, приобретая их у купцов; да проверяют весьма тщательно, чтобы на теле у жертвы не было ни единого пятнышка, а иначе, по их словам, драконы ее отвергнут».

На острове Готланд сохранился камень с изображением сцены жертвоприношения. На дереве висит повешенный, воины несут жрецам птицу, которая, вероятно, предназначается для следующего жертвоприношения. О том, что жертвы приносятся именно Одину, говорит его символ — тройной треугольник, — который держит в клюве другая птица.

В болотах на территории северо-западной Европы действительно нередко встречаются мумифицировавшиеся тела людей, погибших насильственной смертью. Но в какой мере это были невинные жертвы религиозного обряда, а в какой — преступники, получившие заслуженное воздаяние, теперь уже сказать трудно. Археологических находок, которые можно было бы однозначно интерпретировать как жертвоприношения, нет. Шведский исследователь Ларс Леннурт писал: «...Археологи не смогли найти подтверждения тому, что в Упсале в таком количестве совершались жертвоприношения; даже не найдены следы упомянутого храма. Скорее всего языческий культ отправлялся под открытым небом и в более скромных и обыденных формах».

Впрочем, тот же Тацит сообщает, что любые казни преступников у германцев обставлялись в виде религиозных ритуалов: «...Ни карать смертью, ни налагать оковы, ни даже подвергать бичеванию не дозволено никому, кроме жрецов, да и они делают это как бы не в наказание и не по распоряжению вождя, а якобы по повелению бога». Он пишет, что у германцев «...суровость наказания определяется тяжестью преступления: предателей и перебежчиков они вешают на деревьях, трусов и оплошавших в бою, а также обесчестивших свое тело — топят в грязи и болоте, забрасывая поверх валежником... Различие в способах умерщвления

основывается на том, что злодеяния и кару за них должно, по их мнению, выставлять напоказ, а позорные поступки — скрывать».

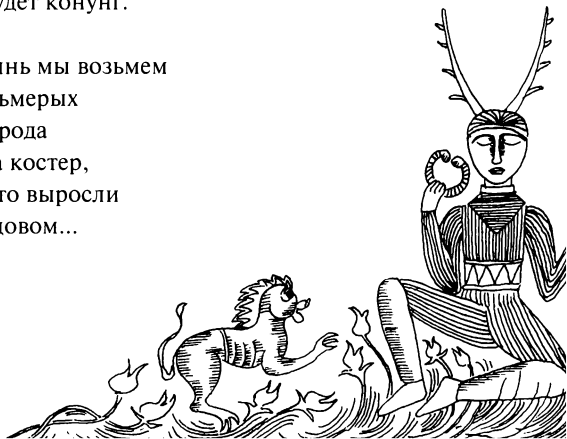
По свидетельству Тацита, заупокойных человеческих жертв германцы не знали. «Похороны у них лишены всякой пышности; единственное, что они соблюдают, это чтобы при сожжении тел знаменитых мужей употреблялись определенные породы деревьев. В пламя костра они не бросают ни одежды, ни благовоний; вместе с умершим предается огню только его оружие, иногда также и его конь. Могилу они обкладывают дерном. У них не принято воздавать умершим почет сооружением тщательно отделанных и громоздких надгробий, так как, по их представлениям, они слишком тяжелы для покойников. Стенаний и слез они не затягивают, скорбь и грусть сохраняют надолго. Женщинам приличествует оплакивать, мужчинам — помнить».

Этому сообщению противоречат песни «Старшей Эдды», которые, правда, создавались позднее (по поводу их датировки ведутся споры), а сохранились и вовсе в рукописи тринадцатого века. Так или иначе «Старшая Эдда» донесла до нас реалии раннего Средневековья. Здесь, в «Краткой песне о Сигурде», воительница Брюнхильд, собираясь покончить с собой, чтобы отправиться в загробный мир вместе со своим возлюбленным Сигурдом, отдает распоряжения:

Украстье костер
коврами, шитами,
рабов положите
и яркие ткани;
пусть рядом со мной
сожжен будет конунг.

(...)

Пять рабынь мы возьмем
и слуг восьмерых
высокого рода
с собой на костер,
рабынь, что выросли
в доме отцовом...

Ахмед Ибн Фадлан, арабский дипломат десятого века, подробно описывает похороны знатного норманна, на которых заупокойной жертвой (правда, добровольной) стала одна из его служанок. Ибн Фадлан называет умершего и его близких русами, но тогда это слово имело широкий смысл и могло употребляться по отношению к варягам, которых, безусловно, и имел в виду арабский дипломат.

«Если умрет главарь, то его семья скажет его девушкам и его отрокам: «Кто из вас умрет вместе с ним?» Говорит кто-либо из них: «Я». И если он сказал это, то это уже обязательно, — ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. Большинство из тех, кто это делает, — девушки. И вот когда умер тот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним?» И сказала одна из них: «Я». Итак, ее поручили двум девушкам, чтобы они охраняли ее и были бы с нею, куда бы она ни пошла, настолько, что они иногда даже мыли ей ноги своими руками. И они (родственники) принялись за его дело — за кройку для него одежд и устройство того, что ему нужно».

Ибн Фадлан подробно описывает процесс похорон и сопутствующих жертвоприношений. Сперва покойного поместили во временной могиле, а родственники и друзья тем временем снаряжали его корабль для отправки в последний путь. Корабль поставили на помост, на палубе соорудили шалаш, внесли скамью и покрыли ее матрацами, подушками и византийской парчой. Рядом с кораблем соорудили подобие ворот, ведущих в загробный мир. В день похорон покойного, наряженного в парадную одежду, внесли на корабль. С ним положили его оружие, закололи собак, коней, коров, кур... Девушку трижды подняли над воротами, ведущими в загробный мир, и она рассказала, что же там происходит.

«Она сказала в первый раз, когда ее подняли, — вот я вижу моего отца и мою мать, — и сказала во второй раз, — вот все мои умершие родственники сидящие, — и сказала в третий раз, — вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, так ведите же к нему».

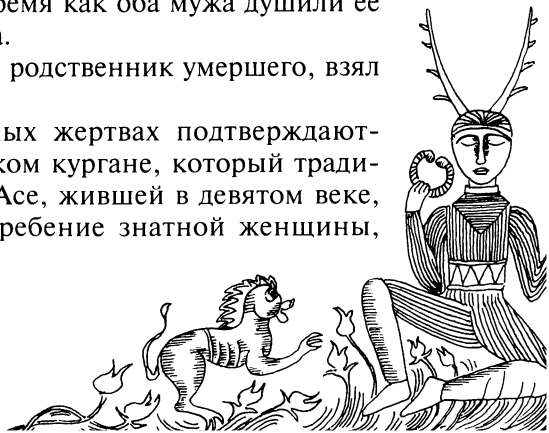
Потом друзья и родственники покойного поочередно совокуплялись с обреченной девушкой, приговаривая: «Скажи своему господину: «Право же, я совершил это из любви и дружбы к нему».

Ибн Фадлан пишет: «После этого та группа людей, которые перед тем уже сочетались с девушкой, делают свои руки усталой дорогой для девушки, чтобы девушка, поставив ноги на ладони их рук, прошла на корабль. Но они еще не ввели ее в шалаш. Пришли мужи, неся с собою щиты и палки, а ей подали кубком набиз (алкогольный напиток. — *О. И.*). Она же запела над ним и выпила его. И сказал мне переводчик, что она этим прощается со своими подругами. Потом ей был подан другой кубок, она же взяла его и долго тянула песню, в то время как старуха торопила ее выпить его и войти в палатку, в которой находился ее господин.

И я увидел, что она растерялась, захотела войти в шалаш, но всунула свою голову между ним и кораблем. Тогда старуха схватила ее голову и всунула ее в шалаш, и вошла вместе с ней, а мужи начали ударять палками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, вследствие чего обеспокоились бы другие девушки и перестали бы стремиться к смерти вместе со своими господами. Затем вошли в шалаш шесть мужей из числа родственников ее мужа и все до одного сочетались с девушкой в присутствии умершего. Затем, как только они покончили с осуществлением своих прав любви, уложили ее рядом с ее господином. Двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, пришла старуха, называемая ангел смерти, наложила ей на шею веревку с расходящимися концами и дала ее двум мужам, чтобы они ее тянули, и приступила к делу, имея в руке огромный кинжал с широким лезвием. Итак, она начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла.

Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажег ее у огня...»

Сообщения о заупокойных жертвах подтверждают археологами. В Усебергском кургане, который традиция приписывает королеве Асе, жившей в девятом веке, действительно найдено погребение знатной женщины,

которой было около пятидесяти лет. Она была похоронена (без кремации) в украшенном резьбой боевом корабле, который ныне выставлен в норвежском «Музее кораблей викингов». Ее сопровождала тридцатилетняя служанка.

Память о человеческих жертвах, приносимых скандинавами, сохранили саги, записанные в основном уже в начале второго тысячелетия, но восходящие порой к гораздо более древним временам. «Сага о Гутах», записанная в начале тринадцатого века, но рассказывающая о временах легендарных, говорит: «...люди верили в роши и курганы, в священные места и священные столбы и в языческих богов. Они приносили в жертву своих сыновей и дочерей, и скот вместе с едой и питьем. Они делали это из страха. Вся страна приносила за себя высшее кровавое жертвоприношение людьми. И каждый тридунг (судебный округ. — *О. И.*) также приносил за себя человеческие жертвы. Но меньшие тинги (судебные собрания. — *О. И.*) приносили меньшие жертвы: скотом, едой и питьем. Они называли себя «кипящими товарищами», ибо они сообща варили жертвы».

Очень часто саги рассказывают о том, как в жертву богам, прежде всего верховному богу скандинавов Одину, приносили не безродных рабов и не пленников, а конунгов или их детей. Снорри Стурлусон в своей знаменитой «Саге об инглингах» рассказывает о Домальди, легендарном конунге Швеции, время правления которого можно условно отнести к первым векам новой эры.

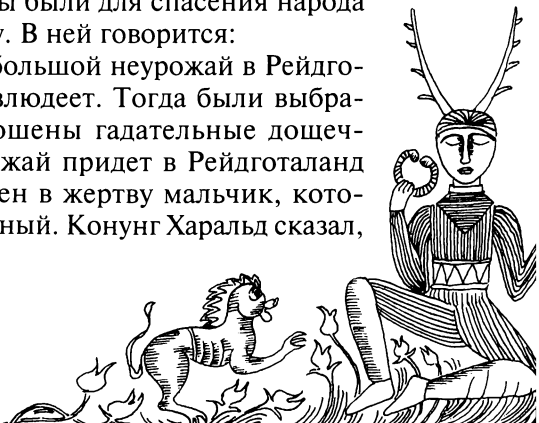
«Домальди наследовал отцу своему Висбуру и правил страной. В его дни в Швеции были неурожай и голод. Шведы совершали большие жертвоприношения в Уппсале. В первую осень они приносили в жертву быков. Но голод не уменьшился. На вторую осень они стали приносить человеческие жертвы. Но голод был все такой же, если не хуже. На третью осень много шведов собралось в Упсалу, где должно было происходить жертвоприношение. Вожди их стали совещаться и порешили, что в неурожайе виноват Домальди и что надо принести его в жертву — напасть на него, убить и обагрить алтарь его кровью. Это и было сделано. Тьодольв говорит так:

В давние дни
Княжьей кровью
Воины поле
Окропили,
Рдяную сталь
От остылого тела
Ворога ютов
Несло войско,
Когда закланью
Домальди предал
Свейский род
Урожая ради».

Снорри рассказывает и еще об одном легендарном конунге, который поплатился жизнью за плохой урожай, — его звали Олав Лесоруб. Земли Олава в Вермаланде славились плодородием, но из-за этого к нему стеклось много беглецов из Швеции, и во владениях Олава начался голод. «Люди сочли, что виноват в этом конунг, ибо шведы обычно считают, что конунг — причина как урожая, так и неурожая. Олав-конунг пренебрегал жертвоприношениями. Это не нравилось шведам, и они считали, что отсюда и неурожай. Они собрали войско, отправились в поход против Олава-конунга, окружили его дом и сожгли его в доме, отдавая его Одину и принося его в жертву за урожай». Впрочем, сам Снорри был уже христианином, языческих традиций не одобрял и стоял на рационалистической точке зрения: «Те из шведов, что умнее, однако, видели: голод из-за того, что народу больше, чем земля может прокормить, и конунг тут ни при чем».

В «Саге о Хервёр и Хейдреке» рассказывается о легендарных конунгах, которые должны были для спасения народа принести своих детей в жертву. В ней говорится:

«В то время пришел такой большой неурожай в Рейдготаланд, что он, казалось, обезлюдует. Тогда были выбраны прорицатели, и были брошены гадательные дощечки, и стало известно, что урожай придет в Рейдготаланд не раньше, чем будет принесен в жертву мальчик, который в стране самый высокородный. Конунг Харальд сказал,

что самый высокородный сын Хейдрека, а Хейдрек сказал, что самый высокородный сын конунга Харальда. Но разрешить это можно было, только отправившись туда, где все решения были верными, к конунгу Хёвунду».

Мудрый конунг Хёвунд приходившийся отцом Хейдреку и, соответственно, дедом его сыну, оказался перед нелегким выбором: назвав своего внука самым высокородным, он тем самым обрекал его на смерть. Хёвунд признал первенство внука, но дал сыну хитрый совет:

«— Попроси, чтобы каждый четвертый человек, который будет присутствовать на жертвоприношении, перешел под твою власть, или ты не позволишь жертвовать своего сына. Мне не нужно учить тебя, что тебе делать дальше».

Хейдрек так и сделал. Но как только его войско усилилось людьми, которые должны были впоследствии присутствовать на ритуале, «он велел трубить сбор, поднял знамя и напал теперь на конунга Харальда». Харальд и значительная часть его дружины погибли, а Хейдрек «подчинил себе все то государство, которое было у конунга Харальда, и сделался там конунгом». Обретя власть, Хейдрек оставил сына в живых, объявив, что для Одина вполне достаточно людей, которые уже пали в битве. Он сказал, «что теперь все те люди, которые были убиты, будут уплачены вместо его сына, и отдал этих погибших Одину».

Еще одну легендарную историю, которую можно условно отнести к шестому веку, передает живший на рубеже XII—XIII веков Саксон Грамматик. Он пишет, что флот норвежского короля Викара не мог выйти в море из-за плохой погоды, и воины решили принести человеческую жертву Одину. Жребий выпал самому королю, который и был умерщвлен своим побратимом, знаменитым героем Старкадом. «Сага о Гаутреке» передает эту историю несколько иначе: согласно саге, Старкад собирался совершить лишь символическую жертву, накинув побратиму на шею петлю и коснувшись его стеблем камыша. Но стоило ему произнести слова «Теперь я дарю тебя Одину», как петля сама затянулась на горле Викара, а камыш превратился в копье и умертвил конунга. Впрочем, достоверность этой истории находится под большим вопросом еще и потому, что сам

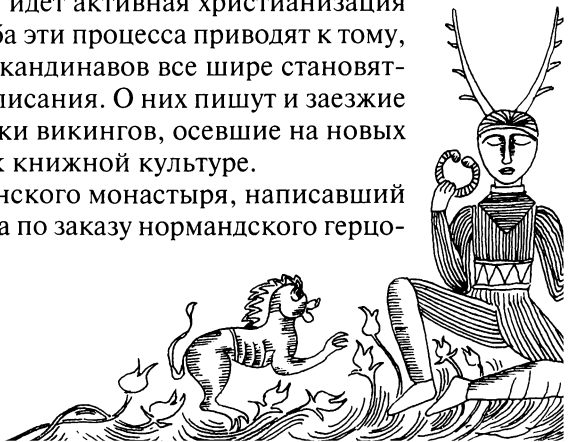
Старкад, согласно скандинавским мифам, был шестируким великаном, которому бог Тор отрубил лишние четыре руки.

Полулегендарный конунг Аун, или Ани, сын Ёрунда, был, согласно «Саге об инглигах», конунгом шведов после своего отца. «Он усердно приносил жертвы и был человеком мудрым. Воевать он не любил, все сидел дома». Но однажды мудрый конунг задумался о грядущей смерти. «Ему было тогда шестьдесят лет. Он совершил большое жертвоприношение, прося о долголетию, и принес в жертву Одину своего сына. Один обещал Ауно конунгу, что тот проживет еще шестьдесят лет». Бог не обманул конунга, и тот благополучно прожил обещанное количество лет, после чего «снова совершил большое жертвоприношение и принес в жертву своего второго сына». Но теперь Один решил, что шестьдесят лет жизни за одного ребенка — это слишком много, и пообещал жизнелюбивому конунгу, «что, давая ему раз в десять лет по сыну, он будет жить вечно».

После того, как Аун принес в жертву седьмого сына, он прожил еще десять лет, но уже не мог ходить, и его «носили на престоле». За убийство восьмого сына он «прожил еще десять лет, лежа в постели», а за девятого «прожил еще десять лет, и сосал рожок, как младенец». Аун хотел принести в жертву и десятого сына, но тут народ воспротивился, и «не позволили ему совершить жертвоприношение». После чего конунг умер, и ему воздвигли курган. Курган, который молва приписывает Ауно, и по сей день можно видеть в Упсале.

В VIII–XI веках жители скандинавских стран совершают массовые морские походы в страны Европы. Набеги викингов держали в страхе население прибрежных городов. Но с этого же времени идет активная христианизация стран Северной Европы. Оба эти процесса приводят к тому, что быт, нравы и религия скандинавов все шире становятся предметом изучения и описания. О них пишут и заезжие миссионеры, и сами потомки викингов, осевшие на новых землях и приобщившиеся к книжной культуре.

Дудон, аббат Сен-Кантенского монастыря, написавший в начале одиннадцатого века по заказу нормандского герцо-

га Ричарда «Деяния норманнов», так рассказывает об обычаях скандинавов-язычников:

«Эти народы возбуждаются горячительным излишеством и, растлевая как можно больше женщин чрезвычайно возмутительным образом, производят бесчисленное множество детей в браках, так постыдно заключенных. Когда это потомство вырастает, оно заводит споры из-за имущества с отцами, дедами и между собой, так как численность его очень велика, а земля, ими занимаемая, не может их пропитать. Тогда это множество юношей бросает жребий, кто из них, по древнему обычаю, должен быть изгнан в чужие края, чтобы мечом завоевать себе новые страны, где они могли бы жить в вечном мире... Выполняя свои изгнания и выселения, они сначала совершают жертвоприношения в честь своего бога Тора. Ему жертвуют не скот или какое-нибудь животное, не дары отца Вакха или Цереры, но человеческую кровь, считая ее наиболее действительной из всех жертвуемых вещей. Поэтому жрец по жребию назначает лиц для жертвы; они оглушаются одним ударом бычьим ярмом в голову; особым приемом у каждого, на которого пал жребий, выбивают мозг, сваливают на землю и, перевернув его, отыскивают сердечную железу, т. е. вену. Извлекая из него всю кровь, они, согласно своему обычаю, смазывают ею свои головы и быстро развертывают паруса своих судов на ветру; считая, что таким путем они укротили ветер, они стремительно садятся на весла. Если бы они, по обычаю предков, уезжали верхом, то подняли бы стяги боевые. Покидая свою землю, они направляют свою волю на смертоносное нападение на народы... Отечество освобождается от излишка жителей, а чужие страны страдают, безобразно наводненные многочисленным врагом. Обезлюживается все, что попадает им на пути. Они едут вдоль морских берегов, собирая добычу с земель...»

Но крещение Скандинавии было уже не за горами.

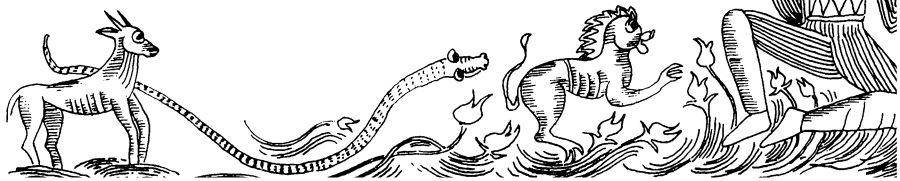
На рубеже первого и второго тысячелетий хронист Титмар из Мерзбургга писал о христианизации датчан германским королем Генрихом I: «...Он силой сделал послушными себе норманнов и данов и, вместе с их королем Канутом, научил их, уже отошедших от прежнего заблуждения, нести

бремя Христа. Но так как я слышал много удивительного об их древних жертвоприношениях, то не хотел бы пройти мимо, не рассказав о них. Есть в тех местах одно место, столица тамошнего государства, именем Лейре, в округе, называемом Зеландия, где каждые 9 лет в месяце январе, в то время, как мы празднуем наше Рождество Господне, они все собираются там и приносят в жертву своим богам 99 человек и столько же коней, с жертвенными собаками и петухами, заменяющими ястребов, полагая, как я уже говорил, истинным, что те будут служить им в потустороннем мире и заступятся перед богами за их преступные деяния. Насколько хорошо поступил наш король, отвадив их от столь ужасного обычая! Ведь приятную приносит Богу-Отцу жертву тот, кто избегает при этом пролития человеческой крови. Предписал ведь Господь: «Не умерщвляй невинного и правого!»

Одним из главных крестителей Норвегии считается конунг Олав Трюггвасон, живший на рубеже первого и второго тысячелетий. Снорри сообщает, что Олав потребовал от своих бондов, чтобы они приняли крещение, а те в свою очередь потребовали от конунга, чтобы тот принял участие в языческом жертвоприношении. Тогда Олав заявил:

«Если уж я должен совершить с вами жертвоприношение, то я хочу, чтобы это было самое большое жертвоприношение, какое только возможно, и принесу в жертву людей. Я выберу для этого не рабов или злодеев. Я принесу в жертву богам знатнейших людей. Я выбираю Орма Люгру из Медальхуса, Стюркара из Гимсара, Кара из Грютинга, Асбьёрна, Торберга из Эрнеса, Орма и Льюксы, Хальдора из Скердингсстедьи. И он назвал еще пять знатнейших мужей. Он сказал, что хочет принести их всех в жертву за урожайный год и мир, и велел сразу же схватить их».

Это возымело действие. «...Когда бонды увидели, что у них недостает людей, чтобы оказать сопротивление конунгу, они стали просить пощады и отдались воле конунга. Договорились, что все бонды, которые пришли на пир, примут крещение и поклянутся конунгу в том, что будут держаться правой веры и откажутся от всяческих жертвоприношений».

Конечно, христианизация Скандинавии совершилась не за один день, и человеческим жертвоприношениям тоже не сразу пришел конец. Но год вступления на престол Олава Трюггвасона — 995-й — считается в Норвегии официальной датой крещения страны.

О человеческих жертвоприношениях у восточных славян сохранилась не слишком обширная информация. Одним из первых письменных упоминаний о них можно считать сообщение в так называемом «Стратегиконе», созданном, вероятно, по инициативе византийского императора Маврикия на рубеже шестого и седьмого веков. В нем, в частности, идет речь о славянских племенах склавов и антов.

«Жены их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве».

Автор «Стратегикона» не говорит о том, что эти самоубийства носили ритуальный характер, но иного характера они в те времена носить и не могли; о них упоминают и другие авторы. Арабский географ Ибн Руста (Руст) писал в начале десятого века о том, как в «стране славян» проходит похоронный обряд:

«И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец (веревки) завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает».

Археологическими находками массовые самоубийства женщин, о которых говорят автор «Стратегикона» и Ибн Руста, не подтверждаются, но единичные случаи, безусловно, имели место. Известны парные погребения воинов-славян с женщинами — женами или рабынями. А в кургане второй половины десятого века под Черниговом, получившем название «Черная могила», были похоронены трое: взрос-

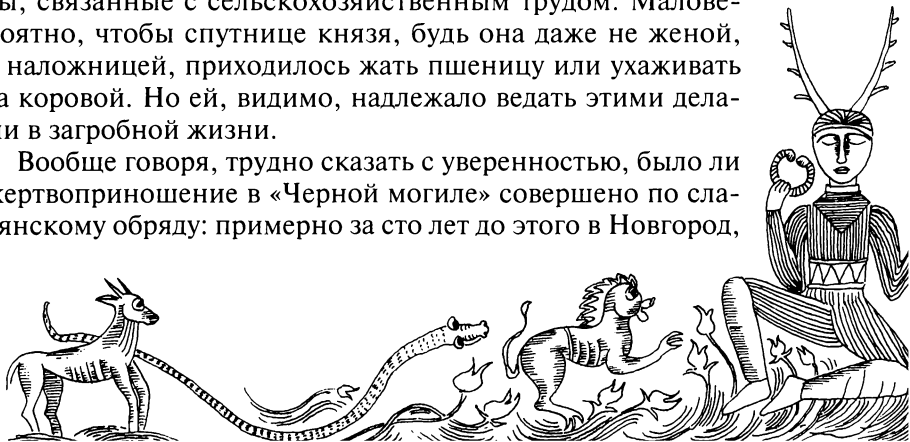
лый воин, вооруженный подросток и женщина. Некоторые исследователи допускают, что подросток-оруженосец и женщина были убиты на похоронах павшего витязя. И если юноша все же мог пасть в битве вместе со своим старшим боевым товарищем, то насильственная ритуальная смерть женщины почти не вызывает сомнений.

«Черная могила» — огромный курган, высотой около одиннадцати метров и диаметром около ста двадцати пяти. Покойные воины в полных доспехах, с оружием, были уложены в деревянной домовине, которую затем предали огню. Б. А. Рыбаков, реконструируя похоронный обряд, пишет: «В такой домовине, когда она была заполнена жертвенными животными, происходит и один из самых мрачных эпизодов погребения — умерщвление женщины, обреченной на сожжение. Когда дом мертвых был наполнен всем, его, очевидно, закладывали хворостом доверху, подкладывали хворост снаружи и зажигали все сооружение».

Старший воин, погребенный в «Черной могиле», имел, судя по всему, очень высокий статус. Об этом говорят и размеры кургана, и ценные вещи, сопровождавшие его в последний путь. В кургане были найдены кольчуги и шлемы, груды оружия, останки двух оседланных коней, две золотые византийские монеты, бронзовый идол, туры рога в серебряных оковках, украшения, золотые и серебряные слитки, котел с бараньими костями, жаровня, жертвенные ножи, набор игральных бабок-астрагалов, инструменты... Сохранившиеся обручи и дужки рассказали археологам о двенадцати деревянных ведрах — видимо, с вином и медом, — поставленных в курган.

Возле обгоревших останков женщины были найдены десять серпов, кости быка или коровы и зерна — предметы, связанные с сельскохозяйственным трудом. Маловероятно, чтобы спутнице князя, будь она даже не женой, а наложницей, приходилось жать пшеницу или ухаживать за коровой. Но ей, видимо, надлежало ведать этими делами в загробной жизни.

Вообще говоря, трудно сказать с уверенностью, было ли жертвоприношение в «Черной могиле» совершено по славянскому обряду: примерно за сто лет до этого в Новгород,

по приглашению его жителей, пришел княжить варяг Рюрик с дружиной. После его смерти родственник князя Олег, регент его малолетнего сына Игоря и тоже варяг, взял Киев, установив власть варяжской династии на значительных территориях, населенных славянами. Недаром огненное захоронение в «Черной могиле» в чем-то напоминает похороны в корабле, описанные Ибн Фадланом и хорошо известные археологам (кстати, Ибн Фадлан, рассказывая о безусловно скандинавском обряде, называет его участников русами). За столетие, прошедшее между вокняжением Рюрика и похоронами в «Черной могиле», народные традиции, конечно, не могли сильно измениться, но как раз княжеские похороны могли перенять немало варяжских черт. А известный исследователь В. Я. Петрухин считает, что на обряд «Черной могилы» могли оказать влияние и кочевники — подданные хазарского кагана, с которыми в те годы вел непримиримую борьбу внук Рюрика Святослав. Но чьим бы влиянием ни объяснялись особенности именно этих похорон, судя по всему, славянским женам или рабыням случалось сопровождать своих мужей и повелителей в загробный мир.

О похоронах живой жены вместе с мужем говорится в русской былине «О Потыке Михайле Ивановиче»:

...когда
 Потык состарился и преставился,
 Тогда попы церковные
 Его, Потыка, похоронили,
 А его молодую жену Авдотью Лиховидьевну
 С ним же живую зарыли во сыру землю.

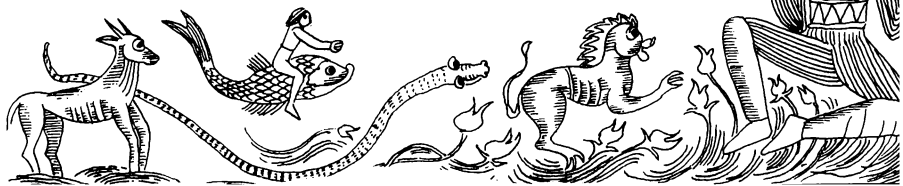
Упоминание о попах, конечно, попало в былинку позже, а историчность его вызывает, мягко говоря, сомнение. Впрочем, эта история вообще не вполне однозначна и сохранилась в разных вариантах. В одном из них рассказывается, как Михайло Иванович Потык и его молодая жена заранее договорились, что тот из супругов, который переживет второго, живым ляжет с ним вместе в гроб. Первой умерла жена, и ее мужа похоронили вместе с нею, что не уклады-

вается ни в славянскую, ни в какую-либо другую традицию. Но мудрый Потык приказал положить в гроб запас еды и металлические прутья, а кроме того, вывел наружу веревочку, привязанную к колоколу. Его ожидания оправдались: к полуночи в могиле появилась змея, которая хотела сожрать обоих супругов: и живого, и мертвую. Но Михайло Иванович победил змею, послал ее за живой водой, воскресил свою жену и зазвонил в колокол. Сбежавшийся народ разрыл могилу и освободил супругов, после чего они жили долго и счастливо. Когда же Михайло Иванович умер, его жене ничего другого не оставалось, как сдержать давнее обещание и лечь в гроб вместе с ним.

В середине десятого века, незадолго до крещения Руси, о человеческих жертвоприношениях у славян писал византийский хронист Лев Диакон. В те годы киевский князь Святослав, внук Рюрика и отец будущего крестителя Руси Владимира, был осажден византийцами в крепости Доростол, которую он сам незадолго до того отбил у болгар. После этого военное счастье отвернулось от русов, которых Лев Диакон называет скифами, согласно византийской привычке именовать так всех северных варваров. Впрочем, поскольку речь идет именно о воинах Святослава, то этой неточностью можно пренебречь и в остальном поверить знаменитому историку:

«Скифы не выдержали натиска противника; сильно удрученные гибелью своего предводителя (Икмора, второго человека в войске после Святослава. — *О. И.*), они забросили щиты за спины и стали отступать к городу, а ромеи преследовали их и убивали. И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра».

Оба эти обряда — и жертвоприношение пленных, и жертвоприношение младенцев — отмечаются у славян и другими средневековыми авторами.

Археологи подтверждают, что славяне приносили человеческие жертвы языческим богам. Так, Б. А. Рыбаков в своей книге «Язычество древней Руси» пишет, что городище «Бабина гора» на берегу Днепра, существовавшее на рубеже эр и принадлежавшее, по его мнению, ранним славянам, было языческим святилищем, где приносились в жертву младенцы. Свидетельством тому исследователь считает детские черепа, захороненные неподалеку без инвентаря, которым было принято сопровождать обычные погребения. Он предполагает, что Бабину гору «можно представить себе как святилище женского божества вроде Макоши», где в исключительных случаях приносились в жертву дети.

Но некоторые другие исследователи, не отрицая самого факта человеческих жертвоприношений у славян, считают, что обычай этот просуществовал очень недолго. В жертвенных ямах и на жертвенных площадках человеческие кости, по их мнению, появляются только с десятого века — незадолго до крещения Руси. Известные археологи И. П. Русанова и Б. А. Тимошук в своей книге «Языческие святилища древних славян» пишут: «До X в. — до завершающей и наиболее развитой формы язычества — данных о таких жертвах нет». Самым ранним безусловным свидетельством человеческого жертвоприношения у славян они считают жертвенную площадку возле Плоцка в Польше. Здесь, на горе Тумской, находилось большое овальное кострище с белым камнем-алтарем. На площадке были найдены кости животных, сосуд с железным шлаком, обломки посуды. В землю был воткнут меч. И здесь же археологи обнаружили череп двенадцатилетнего ребенка. Комплекс этот датируется десятым веком.

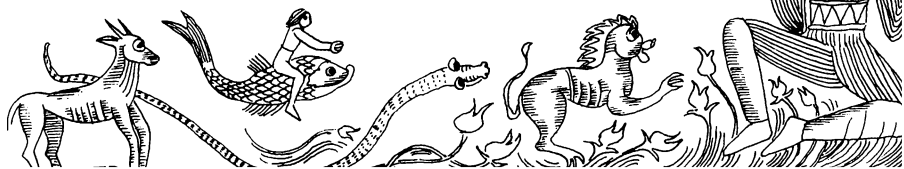
В 978 (по некоторым сведениям в 980) году князь Владимир, которого Святослав назначил новгородским князем, после гибели отца захватывает Киев и верховную власть на Руси. «Повесть временных лет» гласит: «И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса и Дажьдбога, и Стрибога, и Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей, и приносили

жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась жертвоприношениями земля Русская и холм тот».

Впрочем, страшная традиция доживала уже последние если не дни, то годы. Последней жертвой официального языческого культа на Руси стали Феодор Варяг и его сын Иоанн, впоследствии канонизированные Церковью как святые мученики. Летопись говорит об этом так:

«Пошел Владимир против ятвягов и захватил их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, тех и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, и был двор его, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и втайне исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его, окаянный, и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, так принесем же жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны вручную из дерева секирою и ножом. Бог же один, которому служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и человека, и звезды, и солнце, и луну, и создал жизнь на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили».

Каким именно богам должны были принести в жертву юного варяга, летописец не уточняет. Б. А. Рыбаков полагает, что Перуну. Но последнему недолго оставалось принимать жертвы от киевлян... Прошло несколько

лет; Владимир после долгих колебаний между несколькими предложенными ему монотеистическими религиями выбрал христианство по «греческому» образцу. Он принял крещение и «повелел повергнуть идолы — одни изрубить, а другие сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его палками». Впрочем, летописец поясняет, что «делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей». Избитого Перуна сбросили в Днепр, причем княжеским людям было велено отпихивать его от берега, пока он не пройдет пороги.

В конце концов поруганного идола выбросило на отмель, которую с тех пор называли Перунья отмель. Владимир же «приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где приносили им жертвы князь и люди...».

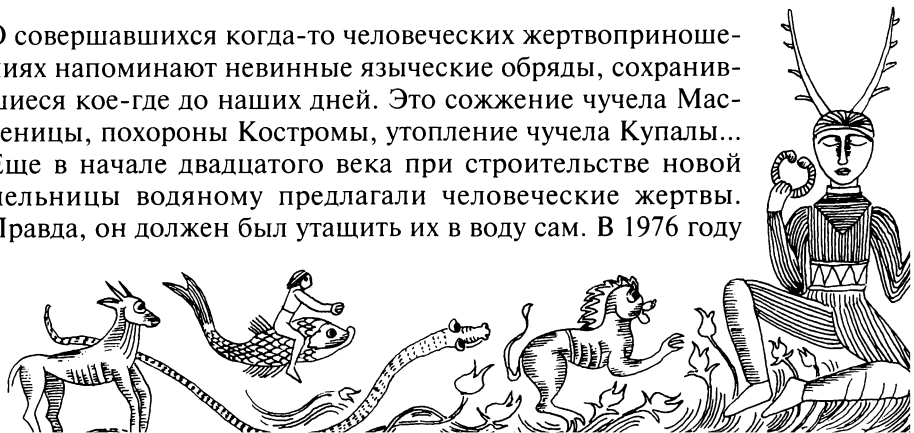
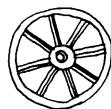
Несмотря на все инициативы князя Владимира, язычество на Руси было уничтожено далеко не сразу, равно как и человеческие жертвоприношения, хотя эта практика, судя по всему, ушла в подполье. После того, как князь ликвидировал им же созданное капище в Киеве и в других подвластных ему городах, поклонение языческим богам продолжалось в лесах. Например, археологи обнаружили огромный Збручский культовый центр на правом берегу реки Збруч, притока Днестра в Украине. Он возник в десятом веке, видимо, незадолго до крещения Руси, но после того, как в городах язычество было запрещено, Збручский центр пережил подлинный расцвет. Центр стоял в непроходимых дубовых и грабовых лесах. В его трех расположенных неподалеку друг от друга маленьких городках — Богит, Звенигород, Говда — вероятно, жили жрецы и останавливались паломники. Возле каждого городка имелись капища с многочисленными жертвенными ямами. И во многих ямах, помимо черепков посуды, стеклянных браслетов, бус, височных колец, костей животных и прочих традиционных находок, археологи обнаружили человеческие кости.

На территории святилища Богит выделяются два возвышения, сложенные из камней. Одно из них было пьедесталом идола, а второе — жертвенником. Капище окружали восемь жертвенных ям, в некоторых из них были найдены человеческие скелеты. Впрочем, по поводу двух скелетов взрослых людей исследователи высказывают предположение, что они принадлежали жрецам, которых похоронили в священном месте, поскольку их костяки не были расчленены — они лежали на спине, головой к западу, сложив руки на животе или груди. Что же касается останков двоих детей — они не оставляют почти никаких сомнений в том, что здесь совершались человеческие жертвоприношения.

Сам идол, которому приносились кровавые жертвы, в святилище найден не был, но неподалеку отсюда, в реке Збруч, в середине девятнадцатого века была обнаружена каменная фигура, основание которой настолько хорошо вписывается в пьедестал Богитского святилища, что специалисты почти не сомневаются: это тот самый идол, который стоял когда-то на холме городища Богит. Он представляет собой четырехгранный столб из серого известняка, высотой больше двух с половиной метров. Четырехликую голову идола венчает круглая шапка. Столб разделен на три яруса, каждый из которых покрыт резными изображениями богов — здесь явлен, судя по всему, весь основной славянский пантеон.

Все три святилища Збручского культового центра существовали до тринадцатого века. Неизвестно, что положило им конец — преследование со стороны официальной власти или татаро-монгольское нашествие. Так или иначе, в тринадцатом веке с языческими жертвоприношениями на берегах Збруча было покончено.

О совершавшихся когда-то человеческих жертвоприношениях напоминают невинные языческие обряды, сохранившиеся кое-где до наших дней. Это сожжение чучела Масленицы, похороны Костромы, утопление чучела Купалы... Еще в начале двадцатого века при строительстве новой мельницы водяному предлагали человеческие жертвы. Правда, он должен был утащить их в воду сам. В 1976 году

семидесятилетняя жительница Алапаевска, дочь мельника, рассказывала этнографам: «Отец мне говорил, что, когда мельницу строят, завешают водяному несколько голов. Если завешания не сделать, так он будет скотину вытаскивать. Отец [говорил], когда строили мельницу, так завешали двенадцать голов, двенадцать человек и утонуло».

Еще один, тоже уральский, информатор сообщил: «Раньше, при Демидове еще, заводы-то ведь все на прудах ставили. А чтобы работал завод-от, хозяин должен был дань лешачихе заплатить. В тот день-то, когда завод открывали, заводчик на берег выходил и кидал в воду перчатку. Это значит, он пять человек лешачихе отдает, пять жертв, значит, будет».

Невероятно живучим оказался не только у славян, но и по всей Европе обычай строительных жертвоприношений, в том числе человеческих. Ему не смогло положить конец даже христианство. В книге «Саги и легенды гор. Магдебурга», изданной в середине девятнадцатого века, приводится следующая легенда.

Когда в десятом веке по приказанию германского короля Оттона I город решили окружить мощными крепостными стенами, ворота крепости трижды обрушивались. Астролог, к которому строители обратились за помощью, объявил, что для надежности в постройку надо замуровать мальчика, добровольно отданного своей матерью. Одна из фрейлин жены Оттона некая Маргарита в то время испытывала недостаток в деньгах. Кроме того, жених ее был убит в бою, а сама Маргарита в чем-то провинилась и должна была оставить королевский двор. Правда, у фрейлины уже появился новый жених, но Маргарита не могла обеспечить себя должным приданым... Короче, фрейлина предложила своего маленького сына за большие деньги.

Ребенка замуровали в нишу, а Маргарита получила обещанную сумму, но эти деньги не принести ей счастья. Жених фрейлины, узнав о преступлении, покинул ее, не польстившись на приданое, купленное страшной ценой. А сама Маргарита, проскитавшись полвека на чужбине, вернулась в Магдебург, чтобы предать своего сына христи-

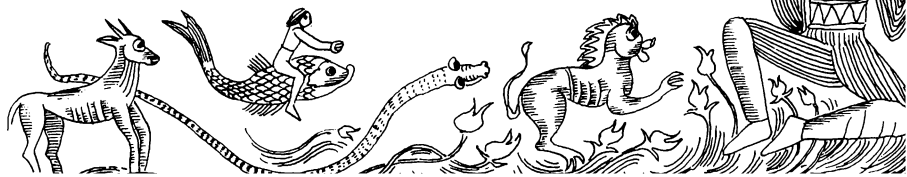
анскому погребению. Предание гласит, что, когда нишу, где был замурован ребенок, открыли, взорам собравшихся предстала фигура старика. Его седая борода вросла в камни, глаза его сверкали, а над головой его вились птицы, приносящие несчастному пищу. Впрочем, когда стонущего старика вытащили на свет, то он превратился в окаменевший труп ребенка.

Подобные истории можно услышать о множестве средневековых крепостей и замков. О строителях Нижегородского кремля, которые в самом начале шестнадцатого века, заменяя старые деревянные стены крепости каменными, замуровали в них купеческую жену Алену, сложена народная песня:

Пусть погибнет она за весь город одна,
Мы в молитвах ее не забудем;
Лучше гибнуть одной, да за крепкой стеной
От врагов безопасны мы будем!

Обычай строительных жертв настолько древен, что за тысячелетия своего существования он полностью лишился внутренней логики, которую когда-то, возможно, имел. Сами по себе строения в народной традиции не являются божествами, могущими требовать себе жертву. Собственно, духом строения и должен был стать принесенный в жертву человек. Но от такого духа трудно ждать, что он будет охранять постройку на радость своим убийцам. Тем более что в качестве строительной жертвы, как правило, использовали детей или женщин, которые не могли быть полноценными охранителями.

Известный русский этнограф Д. К. Зеленин высказал интересную точку зрения, что строительные жертвоприношения возникли в те времена, когда людям было известно лишь деревянное зодчество и что приносились эти жертвы духам «убитых» деревьев. Действительно, срубание дерева очень часто обставлялась у язычников всего мира определенным ритуалом; у дерева просили прощения за причиненный ему вред. Но при возведении крупного строения, на которое шли сотни бревен, было невозможно испросить

такое прощение у каждого по отдельности. Поэтому испугательную жертву приносили им всем сразу, при закладке здания или стены. Потом деревянное строительство сменилось каменным, а суть обряда забылась. В памяти народа осталась лишь его форма, лишенная даже той жестокой логики, которая присуща другим формам языческих жертвоприношений. Но, возможно, именно потому, что этих жертв требовали не языческие боги, о которых европейцы давно забыли, а некий никому не известный принцип, эта форма жертвоприношений оказалась удивительно живучей.

Впрочем, эта традиция со временем тоже претворилась в менее кровавую. Ее отголоском стал обычай запускать в новый дом кошку, собаку или курицу — ведь тот, кто первым переступит порог, скоро умрет. Сегодня каждый может убедиться, что кошка, вошедшая в новую квартиру, как правило, продолжает жить в ней долго и счастливо, но если стоять на точке зрения древних язычников, это может быть связано с тем, что дома в Европе давно уже строят из искусственных материалов и, значит, мести срубленных деревьев можно не слишком опасаться. Тем не менее в Болгарии еще в двадцатом веке люди опасались ходить мимо строящихся домов с тем, чтобы строители не «замуровали» их тень: по преданию, тот, чью тень строители «замуруют» в постройку, должен будет скоро умереть.

В пятнадцатом веке мир вступил в эпоху Великих географических открытий. В течение последующих столетий европейцы колонизовали Америку, Океанию, Центральную и Южную Африку... И почти всюду они сталкивались с практикой человеческих жертвоприношений, которая медленно сдавала позиции под напором миссионеров и просуществовала в некоторых регионах по крайней мере до середины двадцатого века.

Исключительные масштабы эта практика имела в Месоамерике, в культурах майя и особенно — ацтеков. Впрочем, начало ей было положено задолго до прихода ацтеков в Центральную Мексику в двенадцатом веке. В развалинах древнего города Теотиуакана, который был основан в последние века до н. э. и просуществовал до седьмого века н. э., в пирамиде Луны, археологи обнаружили многочисленные останки жертв, которые были убиты на разных стадиях возведения пирамиды. Анализ ДНК скелетов показал, что в основном они принадлежали иноземцам, вероятно, пленникам. Так, в одной из камер здесь были найдены останки десяти обезглавленных людей со связанными руками, в беспорядке разбросанные по полу. Еще двое, по-видимому, принадлежали к верхушке местного общества — они были аккуратно усажены, на них сохранились дорогие украшения, говорящие об их высоком статусе.

У соседей теотиуаканцев, исконных жителей южной Мексики, сапотеков, человеческие жертвоприношения охотно принимал бог дождя и молнии Косихо-Питао. А если случалось солнечное затмение, то сапотеки для предотвращения бедствий приносили в жертву карликов, которые считались детьми солнца.

В восьмом веке в Центральной Мексике появились пришельцы с севера, тольтеки, которые продолжили и развили культурные традиции теотиуаканцев, в том числе традицию человеческих жертвоприношений. На вершинах своих пирамид они приносили обильные кровавые жертвы богу солнца, богу дождей и многофункциональному богу Тескатлипоке — «дымящемуся зеркалу». В конце десятого века правителем тольтеков становится Се-Акталь Топильтцин, верховный жрец бога Кетсалькоатля. Сам Кетсалькоатль человеческих жертв не требовал, но Топильтцин попытался заменить людей цветами, бабочками и змеями и на алтарях других богов. Его реформы потерпели неудачу, а Топильтцин и его приверженцы были изгнаны из страны. По легенде, они уплыли на плоту, пообещав вернуться... Через некоторое время индейцы отождествили Топильтцина с самим Кетсалькоатлем и стали ждать его божественного возвращения, однако человеческие жертвы приносить не перестали.

В двенадцатом веке в Центральной Мексике появились новые пришельцы с севера. Они смешались с местными жителями, добавили их богов к своему пантеону и образовали огромную ацтекскую империю, главные культы которой требовали человеческой крови. Верховный бог ацтеков, божество войны и солнца Уитсилопочтли, нуждался в бесчисленных жертвах, причем одними рабами он не удовлетворялся. Когда правитель города Кулуакан удостоил недавних пришельцев высокой чести, отдав за их вождя свою дочь-принцессу, Уитсилопочтли через жрецов потребовал, чтобы девушка была принесена ему в жертву. Невеста, прибывшая к жениху, вместо брачного ложа попала на жертвенник, после чего с нее содрали кожу (этот традиционный ацтекский ритуал символизировал снятие листьев с початков маиса). В результате девушка, как и было обещано ее отцу, получила у ацтеков высочайший статус одно-

го из воплощений богини плодородия Тонатцин, но, увы, посмертно.

Хотя в данном случае смерти девушки потребовал Уитилопочтли, у ацтеков был отдельный бог, ведавший жертвоприношениями со снятием кожи. Он так и назывался Шипе-Тотек, что в переводе означало «вождь наш ободранный». Шипе-Тотек отвечал за весеннее обновление природы и сбор урожая; его обычно изображали в куртке из содранной человеческой кожи, с локтей которой свисали руки жертвы с растопыренными пальцами. Лицо бога закрывала маска того же происхождения (за счет этого его изображения имеют двойные губы).

Сельским хозяйством Мексики ведала целая группа богов, каждый из которых олицетворял одну из стадий роста кукурузы. Главной богиней урожая была богиня Чикомекоатль (Семь змей). Важнейшее место в пантеоне занимал владыка (иногда владычица) кукурузы Синтеотль. В их честь отмечали праздник созревания кукурузы, который проходил с конца июня по середину июля. В эти дни ацтеки ели блюда из кукурузы старого урожая, а в храме исполнялись ритуальные танцы. Вела их пленница, лицо которой было раскрашено желтой и красной краской — цвета поспевшей кукурузы. До этого девушка проходила долгий курс обучения танцам, но предполагалось, что ее ужасная судьба ей была заранее неизвестна. В последнюю ночь праздника процессия танцоров поднималась на вершину жертвенной пирамиды, и здесь девушку закалывали. Ее сердце приносили в жертву богине Чикомекоатль, ее кожа становилась одеянием жрецов владыки кукурузы, а ацтеки с этого дня получали право есть кукурузу нового урожая.

Ацтеки были людьми чрезвычайно религиозными. В одной только их столице Теночтитлане насчитывалось к моменту прихода испанцев семьдесят храмов (на шестьдесят тысяч домов), а во всем государстве их было около сорока тысяч. Захватив новую территорию, ацтеки включали богов покоренного населения в свой пантеон и начинали приносить им кровавые жертвы наряду со своими прежними богами. Накануне вторжения испанцев властитель империи ацтеков Мотекусума (Монтесума) II пред-

принял своего рода религиозную реформу. Он приказал на территории главного храма страны, посвященного Уитсилопочтли, построить святилище (которое было названо «Храм всех богов») и разместить в нем идолы всех племенных богов из районов, покоренных ацтеками. Приказание было исполнено, но для того, чтобы освятить новостройку и в должной мере почтить всех новоселов, требовалось огромное число жертв. Такого количества людей в распоряжении Мотекусомы II не было, и он поступил так, как традиционно поступали его предшественники, когда нуждались в жертвенной крови, — пошел войной против восставшего сапотекского города Теуктепек. Армия Мотекусомы одержала победу, хотя эта победа и была ознаменована дурными предзнаменованиями — как повествует хроника, защитники города на глазах у осаждавших стали превращаться в аллигаторов и рыб. Тем не менее всех тех, кто остался жив и в рыб не превратился, ацтеки захватили в плен, и Мотекусома лично провел на вершине пирамиды массовое жертвоприношение в честь старых и новых богов.

Европейский автор времен колонизации писал: «не было числа идолам Мексики» — только у самих ацтеков почиталось около двух тысяч богов. И большинство из них требовало человеческих жертв и прежде всего человеческой крови. Боги имели на это право: ведь когда-то и сами они жертвовали свои тела и свою кровь для людей. По представлениям ацтеков мир периодически проходил через катаклизмы, заканчивающиеся гибелью не только человечества, но и светил, и кому-то из богов приходилось бросаться в пламя жертвенного костра, чтобы из своей горящей плоти создать новое солнце и новую луну. После завершения четвертой эры и перед вступлением мира в пятую, современную, боги сами напоили вновь сотворенное солнце своей кровью. А бог Кетсалькоатль оросил собственной кровью кости ранее умерших людей, чтобы дать жизнь новому человечеству. Да собственно, люди и были созданы богами прежде всего для того, чтобы снабжать солнце пищей.

Записанный в середине шестнадцатого века «Кодекс Чимальпопока» рассказывает о том, как непосредственно перед созданием солнца бог Тескатлипока создал «400 людей

и пять женщин» — «люди», т. е. мужчины, должны были обеспечить солнце первоначальной пищей. Когда солнце взошло, на свет родились еще четыреста индейцев, но и их задачей было не дать жизнь новому человечеству, а умереть — «чтобы у солнца были сердца для еды». Поэтому для их убийства были созданы еще пятеро «воинственных». С тех пор и до прихода европейцев ацтекам было достоверно известно, что если солнце не кормить сердцами и человеческой кровью, то оно перестанет вставать над миром, погибнув во время своего ночного подземного пути. Позднее им пришлось убедиться, что это не так, но до того, как испанцы положили конец кровавым культам (устроив при этом резню, вполне сопоставимую с ацтекской), никому не приходило в голову проверить, взойдет ли солнце без положенной ему пищи.

Остальные боги тоже питались кровью. Впрочем, некоторые из них удовлетворялись добровольными и умеренными жертвами. Так, Кетсалькоатль, входивший в триаду главных богов, владыка стихий и покровитель науки и культуры, принимал кровь, но не требовал смерти. Верующие и сами жрецы «гуманного» бога должны были протыкать себе уши или язык и протягивать через отверстия шнурок из волокон колючей агавы. Капающая при этом кровь удовлетворяла скромные потребности бога культуры. Епископ Диего де Ланда в своем «Сообщении о делах в Юкатане» так описал один из вариантов этого обряда (правда, не у ацтеков, а у юкатанских майя):

«В других случаях они делали бесчестное и печальное жертвоприношение. Те, кто его совершали собирались в храме, где, встав в ряд, делали себе несколько отверстий в мужских членах, поперек сбоку, и, сделав это, они продевали через них возможно большое количество шнурка, сколько могли, что делало их всех связанными и нанизанными; также они смазывали кровью всех этих членов статую демона. Тот, кто больше сделал, считался наиболее мужественным».

Правда, иногда случалось, что особо ревностные поклонники Кетсалькоатля приносили ему человеческие жертвы в буквальном смысле слова, но все же массовую резню у алтарей покровителя науки было устраивать не приня-

то. В этом смысле Кетсалькоатль резко выделялся среди ацтекского пантеона. Впрочем, для тольтеков и ацтеков, да и для всех племен науа, он был в какой-то мере чужим. Ему древние жители Мексики поклонялись задолго до того, как первые науа появились на исторической арене. Недаром Кетсалькоатль постоянно выступал как антагонист кровавого Тескатлипоки — двойника бога войны и солнца Уитсилопочтли.

Но Кетсалькоатль был редкостным исключением. Остальные боги требовали не только крови, но и жизни жертв, чаще всего им были нужны сердца. Тлалок, бог дождя и грома, считался божеством благодетельным, ему посвящали искусственно созданные водоемы. Он охотно принимал от своих почитателей семена съедобных растений. На главном празднике Тлалока жрецы ныряли в воду и ему на радость подражали звукам и движениям лягушек. Однако водными забавами бог не ограничивался, ему было принято жертвовать детей и девушек: у них вырывали из груди сердца, а останки хоронили.

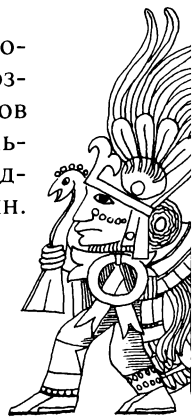
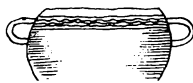
Не менее благодетельной богиней была и ведавшая деторождением Сиуакоатль, она же Тонатцин («наша мать»). Она была покровительницей повивальных бабок, ее изображали в виде молодой женщины с ребенком на руках. Но вместо головы у юной матери был череп, а в руках, помимо младенца, она держала копье-металку. Этой богине материнства было посвящено одно из самых жестоких жертвоприношений, состоявшихся на территории Мексики. Его совершил Мотекусوما II, последний правитель империи.

Вообще Мотекусوما считался у ацтеков правителем мудрым, достойным и украшенным добродетелью. Он много внимания уделял занятиям религией и астрологией, был известен своей скромностью. Он положил много сил на создание эффективного государственного аппарата. Так, вскоре после своей инаугурации (перед которой ему пришлось предпринять военный поход с целью захвата пленных для жертвоприношений) он приказал предать смерти всех государственных чиновников и служащих, включая даже курьеров. Новый правитель объяснил это тем, что в старом аппарате служили люди «низкого происхождения» и «необ-

разованные», а Мотекусوما желал видеть в управленческих структурах «людей благородных». Обновив государственный аппарат, Мотекусوما проводил его проверки на исполнительность. Это единственное объяснение, которое индейцы смогли дать одному из приказов нового властителя: однажды он велел своему приближенному Тлилпотонки вернуться из воинского похода в столицу и обезглавить всех до единого воспитателей царских детей, а также всех компаньенок и служанок царских жен и наложниц и ряд других дворцовых женщин. Вслед за Тлилпотонки Мотекусوما отправил соглядатаев, которые должны были удостовериться в исполнительности царедворца.

Таким образом, Мотекусوما поддерживал неукоснительный порядок в государственном аппарате и слыл среди ацтеков образцовым государем. Но однажды он перегнул палку, устроив неслыханное по своей жестокости жертвоприношение уже упоминавшейся богине-матери Тонатцин. Вообще говоря, ацтеки вовсе не стремились причинять своим жертвам лишние мучения. Боги питались кровью и сердцами, и они их получали. Но сами ацтеки к обреченным в жертву рабам и пленникам относились, как правило, мягко (в отличие, например, от североамериканских индейцев, о которых мы поговорим позже). Пытки не входили в традиционный жертвенный арсенал ацтеков. И потому вся Мексика всколыхнулась от возмущения, когда Мотекусوما, устраивая жертвоприношение в честь Тонатцин, разделил пленников (жителей городов Тлашкала и Уэшотцинко) на три группы. Первую группу принесли в жертву обычным способом: рассекли грудь и вырвали сердце. Для второй группы у храма богини был построен специальный эшафот со столбами — здесь привязанных пленников убивали стрелами. Наконец, тех, кто попал в третью группу, сперва поджаривали на жаровне и уже затем вырывали у них сердца.

Мотекусوما, по свидетельству ацтеков, остался доволен ритуалом. Однако соотечественники жертв были возмущены, ибо сами они умерщвляли пленных ацтеков на своих алтарях гораздо гуманнее. В отместку тлашкальцы и уэшотцинки послали в столицу Мотекусомы поджигателей, которые спалили храм злосчастной Тонатцин.

Сначала Мотекусума приказал казнить жрецов богини-матери за то, что они не проявили должной бдительности. Но потом, узнав о поджоге, вновь пошел войной на уже побежденные им города.

Человеческие жертвоприношения совершались и на похоронах. Так, во время кремации предпоследнего (перед приходом испанцев) правителя ацтеков, Ауитсотля, принесли в жертву двести человек. Сердца их вырвали из груди и вместе с телами бросили в костер, на котором горело тело их владыки. Похороны правителей могли сопровождаться жертвоприношением не только рабов и пленников, но и жрецов, которые должны были удовлетворять религиозные и духовные потребности своих владык в мире мертвых.

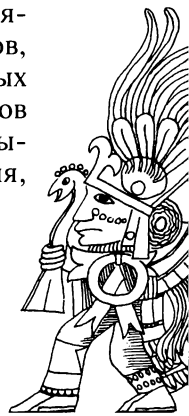
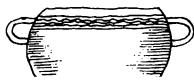
В так называемом «Кодексе Мальябекиано» — книге шестнадцатого века, написанной предположительно испанским ученым Сервантесом де Саласаром и проиллюстрированной неизвестным индейским художником, представлен обряд похорон. На рисунке изображен погребальный костер, на котором предстоит гореть покойному и его сопровождающим. Сам покойный, запеленатый в погребальную одежду, перевязанную веревками, усажен на каменный постамент. Перед ним — фигура жертвы с вырванным сердцем. Автор Кодекса пишет:

«На этом рисунке показано, что, когда умирал знатный господин или вождь, его обряжали в саван, усаживали на корточки, как сидели индейцы, и его родные клали много дров. Его сжигали дотла, как это в древности заведено было у римлян. По своему язычеству они приносили в жертву одного или двух рабов, чтобы похоронить их вместе с ним. Также в некоторых местах, где в обычае это делать, вместе с ними хоронили их жен, говоря, что там они будут прислуживать мужьям. С ними же хоронили их сокровища, если те их имели. Но самых массовых человеческих жертв требовали не рядовые боги и не покойники, а главный бог ацтекского пантеона, Уитсилочтли. Когда-то он был племенным богом ацтеков, но потом его культ слился с культом солнечного бога Тонатиу, и Уитсилочтли сам стал олицетворением солнца. Ацтеки верили, что дневное светило уже четырежды погибало по завершении предыдущих

четырёх эр. Эта опасность грозила солнцу и в нынешней, пятой эре — ведь Уитсилопочтли приходилось еженочно сражаться с силами тьмы. Для того чтобы силы бога-воина не иссякали, его надо было ежедневно питать человеческими сердцами и кровью.

Кроме ежедневных жертвоприношений, для прокормления Уитсилопочтли регулярно проводились праздники, во время которых устраивалась массовая резня. Особо знатных пленников заранее готовили к ритуалу, облачали в парадные одежды и торжественно сопровождали на вершину пирамиды. Они становились в этот момент олицетворением самого божества, и жрецы обращались к ним с почтительными просьбами. Пленников попроще убивали без особых церемоний. Испанские историки писали со слов индейцев, что в 1487 году, во время освящения большой пирамиды, перед ней на протяжении двух миль были выстроены четыре ряда пленников. Жрецы «работали» в течение четырёх суток и днем, и ночью. Демограф Шербёрн Френд Кук подсчитал, что, если на каждое жертвоприношение уходило по две минуты, то общее количество жертв могло превысить четырнадцать тысяч человек. Другие источники называют число, превышающее восемьдесят тысяч.

В какой-то мере это подтверждается свидетельствами соратников завоевателя Мексики Эрнана Кортеса. Так, Берналь Диас писал, что на площади города Ксокотлан «...на большом пространстве, в тщательном порядке, стояли пирамиды черепов, всего не менее 100 000. Знаю хорошо, что обозначает такая цифра, но их действительно было столько! А по другую сторону огромными грудами высились остальные части костяков. Все было окружено частоколом с черепами же на остриях». Другой сподвижник Кортеса — Андреас де Тапия — видел хранилища черепов в центре столицы ацтеков. Он сообщает, что там, на расстоянии одного ярда друг от друга, стояло множество шестов, на которых лежали поперечные палки, «а на поперечных палках снизу доверху были нанизаны проткнутые у висков черепа по пяти штук на каждой поперечине». Тапия, ссылаясь на подсчеты своего соратника Гонсало де Умбрия, утверждает, что черепов было 136 тысяч.

Некоторые современные исследователи сомневаются в достоверности этих цифр. Но, как бы то ни было, по количеству жертв ацтеки, безусловно, превзошли все прочие цивилизации в любой другой части света. Некоторые ученые даже высказывали мысль о том, что таким образом индейцы регулировали численность населения, пытаясь удержать ее в тех пределах, которые могла прокормить земля Мексики. Но в этих рассуждениях есть немалый изъян: для сдерживания демографического роста было бы резонно приносить в жертву женщин детородного возраста. Что же касается ацтеков, то они уничтожали прежде всего мужчин, численность которых в последнюю очередь влияет на демографию. У ацтеков существовало многоженство, да и незамужние женщины пользовались достаточной свободой и могли рожать от оставшихся в живых мужчин любое количество детей.

Известный этнограф, специалист по Месоамерике, Милослав Стингл, так описывает церемонию жертвоприношения: «Предназначенного для этой цели клали на круглый жертвенный камень, после чего главный церемониймейстер обсидиановым ножом рассекал живой жертве грудь, вырывал сердце и этим кровоточащим, еще пульсирующим сердцем окроплял алтарь».

На территории Мексики сохранилось множество таких камней для жертвоприношений — они назывались темалакатли. Темалакатли были разных размеров, но, как правило, все они украшались резьбой на религиозные или военные сюжеты. К ним прилагались каменные чаши для сбора крови. В национальном музее антропологии в Мехико хранится гигантский, весом 24 тонны и диаметром 3,6 метра, камень, покрытый сложной резьбой, имеющей отношение к астрономии; в центре его — изображение бога солнца. Возможно, этот камень должен был стать темалакатлем, но ему так и не пришлось вкусить человеческой крови — он треснул во время обработки. Здесь же хранится другой, «рабочий» темалакатль, воздвигнутый правителем ацтеков Тисоком. Это огромный каменный цилиндр, по периметру которого идет барельеф, воспевающий воинские подвиги Тисока. Сбоку видна бороздка для стока крови.

После того, как сердце жертвы вырывалось из тела и сжигалось на алтаре, а кровь собиралась в чашу, сами тела сбрасывали с вершины пирамиды вниз, после чего ацтеки поедали их. В Кодексе Мальябекиано есть рисунки, на которых ацтеки запечатлены за ритуальной трапезой, причем из горшков торчат человеческие головы и руки. Соответствующий текст гласит:

«Этот рисунок показывает богомерзкий обычай, который был в ходу у индейцев в день, когда они приносили в жертву своим идолам людей, перед демоном, которого зовут Миктлантекутли, что значит «Владыка Земли Мертвых», как говорится в других местах. Они ставили много глиняных кувшинов с человеческим мясом и раздавали его и делили между вождями и правителями и теми, которые служили в храме демона, которых звали тламагатль (жрец. — *О. И.*). А эти делили то, что им дали, между своими друзьями и родными. Говорят, что на вкус мясо было как свинина, которую они узнали теперь. И потому они очень любят свинину».

Иногда наиболее выдающихся пленников ацтеки приносили в жертву особым способом, напоминающим гладиаторские игры. Испанский миссионер шестнадцатого века Бернардино де Саагун так описывает эту традицию: «...Они также умерщвляли некоторых пленников, устраивали для этого демонстрационные бои. Привязывали несчастного обреченного за талию длинной веревкой, пронизав ее через паз круглого, как мельничный жернов, камня. Это давало ему возможность более или менее свободно передвигаться по ограниченному пространству. Потом ему вручали оружие. Против будущей жертвы выходило обычно четыре воина в полном воинском снаряжении, с мечами и щитами. Они обменивались с ним яростными ударами, покуда пленник не падал, бездыханный, к их ногам...».

Для того чтобы обеспечить Уитсилопочтли регулярными жертвами, ацтеки вели бесчисленные войны. А поскольку реальных врагов не хватало, то практиковались так называемые «цветочные войны» — в них армии союзных городов сражались между собой, не питая друг к другу никакой ненависти и не ставя никаких политических задач. Единственной целью этих ритуальных войн было обеспечить

необходимое количество (иногда многие тысячи) пленных для заклания на алтарях. Кроме того, кровь, пролитая на поле брани, тоже считалась жертвоприношением. Для проведения «цветочных войн» выделялись специальные территории, туда сходились войска и проводили битвы по заранее оговоренным правилам. Свое романтическое название эти войны получили потому, что ацтеки сравнивали человеческое сердце с цветком. Ацтекский поэт писал:

Нашими дротиками, нашими щитами существует город.
Там, где окрашиваются дротики,
где окрашиваются щиты,
находятся белые благоухающие цветы,
цветы сердца:
раскрывают свои пестики цветы Дарителя Жизни,
аромат которых вдыхается в мире принцев,
это Теночтитлан.

Захваченных пленников содержали и «расходовали» по мере надобности — так поступали и сами ацтеки, и родственные им племена. Берналь Диас писал, что в Тлашкале (городе-государстве, зависимом от ацтеков) неоднократно видел деревянные клетки, в которых содержалось множество индейцев — мужчин, женщин и детей, предназначенных для жертвоприношений.

Интересно, что пленники, предназначенные в жертву, вне зависимости от того, попали они в плен во время настоящей или «цветочной» войн, как правило, не пытались бежать. Выкупать их родные тоже обычно не пытались. Для знатного воина побег и выкуп были в равной мере позорны. Он должен был привести с войны пленных для принесения в жертву или попасть в плен и стать жертвой сам. Это было почетно, к тому же смерть на алтаре обеспечивала соединение с божеством в загробной жизни. Известны случаи, когда пленники, которых по какой-то причине отпускали на волю, отказывались от свободы и требовали, чтобы их принесли в жертву.

Однажды во время военного конфликта ацтеков с соседним Колуаканом ацтекский вождь Уитсилиуитль и его

дочь попали в плен. Родственники пытались выкупить их, и колуаканцы были согласны. Однако пленники заявили, что не желают идти против воли Уитсилопочтли, и сами рассекли себе грудь в том месте, где находится сердце... Описана хронистами и другая подобная история — она произошла со знатным юношей-ацтеком, попавшим в плен к индейцам племени чальки. Его хотели освободить, приняв во внимание знатность его рода, и даже сделать своим вождем, но юноша отказался от предложения. Во время религиозного ритуала он обманул бдительность чальков и сам бросился вниз с вершины пирамиды... Тлашкальский вождь по имени Тлауиколли был взят в плен ацтеками. Они предложили пленнику вступить в их армию и доверили ему командование одним из отрядов. Но когда Тлауиколли с победой вернулся из похода, он потребовал, чтобы его принесли в жертву богам.

Помимо «цветочных войн» у ацтеков существовал и еще один вид состязания, по результатам которого людей, вероятно, тоже приносили в жертву. Это — игра в мяч. Она была чрезвычайно популярна в Месоамерике; сохранились развалины множества стадионов, на которых команды ацтеков состязались, забрасывая мячи в каменные кольца. Этой же игрой увлекались и майя. Имеются сведения (впрочем, не вполне достоверные), что после завершения игры часть игроков могли принести в жертву. Правда, исследователи до сих пор не пришли к единому выводу, кого именно убивали: победителей, побежденных или только капитана одной из команд. Учитывая, что ацтеки считали смерть на жертвеннике почетной, принесение в жертву победителей не должно вызывать особого удивления.

Исключительно почетной считалась у ацтеков и должность жрецов, лично проводивших ежедневные кровавые боины в сотнях храмов страны. Верховный жрец выбирался за свои личные заслуги и пользовался огромным уважением. Бернардино де Саагун писал:

«Во время выборов не обращали внимания на знатность, но только на привычки и дела, доктрины и хорошую жизнь. Если все это имели перечисленные жрецы, если жили целомудренно и если соблюдали все обычаи, которые были

у министров идолов, из них выбирался тот, кто был особенно смиренным и миролюбивым, и уважаемым, и благоразумным, и не легкомысленным, но серьезным и строгим, и усердным в обычаях, и спокойным и милосердным, и сострадательным, и другом всех, и набожным, и богобоязненным... Из этих жрецов лучших выбирали верховными жрецами, которых называли... последователями Кетсалькоатля...»

В феврале 1519 года к берегам Мексики причалила эскадра Эрнана Кортеса, состоявшая из одиннадцати кораблей. В распоряжении Кортеса находилось около шестисот пехотинцев, небольшой отряд кавалерии и полтора десятка пушек. У Кортеса, конечно, не было шансов с ходу завоевать могущественную империю, которая насчитывала сотни тысяч воинов. И тем не менее чудо свершилось. Испанцы утверждали, что Мотекусома принял их за посланцев бога Кетсалькоатля, а Кортеса, быть может, и за самого бога. Этот бог носил бороду и, как мы уже упоминали, уплыл на восток, но обещал вернуться в год «1 тростник» (по европейскому счету 1519 год н. э.). Поскольку люди Кортеса приплыли с востока в тот самый год, в который обещал вернуться Кетсалькоатль, носили бороды, а шлемы испанцев оказались похожи на головные уборы богов, Мотекусома II оказал Кортесу если не божественные, то по крайней мере царские почести. В качестве посланников богов Кортес и его спутники должны были посетить храмы столицы. Берналь Диас писал о том, как они поднялись на вершину главного храма и осмотрели Теночтитлан с высоты птичьего полета.

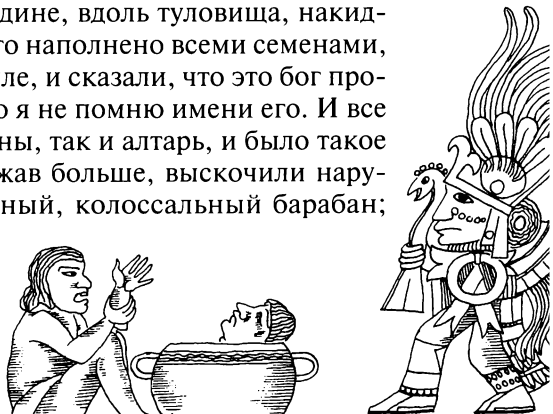
Мотекусома «...предложил войти в одну башенку из двух, по верху крыши которой были очень богатые зубцы, а внутри ее, в помещении в виде зала, находились два подобия алтаря, и при каждом алтаре было по гигантскому идолу, с очень высокими туловищами и весьма массивных. Первый, находившийся по правую руку, сказали они, был идол Уицилопочтли, их бог войны, его лицо и нос были весьма широкие, а глаза безобразные и свирепые; все его туловище было покрыто столь многими драгоценными камнями, золотом и жемчугом, прикрепленными мастикой,

которую изготавливали в этой земле из каких-то корней, и голова была покрыта этим же, а туловище его было опоясано несколькими по виду большими ужами, сделанными из золота и драгоценных камешков, и в одной его руке находился лук, а в другой — несколько стрел.

Там вместе с ним был другой небольшой идол, сказали, что это его паж, он держал недлинное копье и щит весьма богатый, из золота и камней; и висело на шее Уитсилопочтли несколько лиц индейцев и иное, вроде сердец тех же индейцев, из золота и серебра, вместе с множеством синих камешков; и там было несколько жаровен ладана, которым был их копал (благовонная смола. — *О. И.*), с тремя сердцами индейцев, принесенных в жертву в тот день, их сжигали, и дым от того и от копала был тем жертвоприношением, совершенным ему.

И были все стены и пол в этом святилище так залиты и черны от запекшейся крови, что все так сильно и скверно воняло. Затем, в другой стороне, по левую руку, рассмотрели находившегося там же другого гигантского идола высотой с Уитсилопочтли, а носом, как у медведя, а глаза его ярко сверкали, сделанные из их зеркал (из обсидиана)... И этот Тескатлипока был богом их преисподни и владел душами мешиков (т. е. мексиканцев. — *О. И.*), и было опутано его туловище изображениями дьявольских карликов с хвостами в виде змей. И было на стенах столь много запекшейся крови, и весь пол был ею залит, и даже на бойнях Кастилии не было такого зловония. И там были преподнесенные этому идолу пять сердец, принесенных в тот день в жертву.

И на вершине этого храма была другая башенка с помещением, весьма богато отделанная деревом, и был там иной идол — получеловек-полуящерица, весь покрытый драгоценными камнями, а посередине, вдоль туловища, накладка. Они говорили, что тело его наполнено всеми семенами, что имелись во всей этой земле, и сказали, что это бог производства семян и плодов; но я не помню имени его. И все было залито кровью, как стены, так и алтарь, и было такое зловоние, что мы, не выдержав больше, выскочили наружу. И там находился огромный, колоссальный барабан;

когда по нему били, звук от него был такой унылый и слышен оттуда на две легуа (более одиннадцати километров. — *О. И.*) и, как они говорили, был похож на звучание инструмента из их преисподни; они сообщили, что кожа на этом барабане с исполинских змей. Тут же находилось и множество других дьявольских вещей — большие и малые трубы, всякие жертвенные ножи из камня, множество обгорелых, сморщенных сердец индейцев. И всюду — кровь и кровь!

Не мог поэтому наш Кортес удержаться, чтобы не сказать Мотекусоме через наших переводчиков: «Сеньор Мотекусоме, не понимаю, как вы, столь славный и мудрый великий сеньор, не убедились до сих пор, что все эти ваши идолы — злые духи, именуемые детьми дьявола. Чтобы убедить вас и ваших жрецов в этом, разрешите на вершине этой башенки водрузить крест, а в ее помещении, где находятся ваши Уитсилопочтли и Тескатлипока, поместить изображение Нашей Сеньоры Девы Марии; тогда вы сами увидите, какой страх обуяет ваших идолов». Но Мотекусоме ответил очень немилостиво, тем более что подле находились двое жрецов, явно разгневанных: «Сеньор Малинче! Если бы я знал, что ты здесь будешь поносить моих богов, я никогда бы не показал их тебе. Для нас они — добрые боги; от них идет жизнь и смерть, удача и урожай, а посему мы им поклоняемся, приносим жертвы. Тебя же очень прошу оставить впредь всякое дерзновенное слово».

Диас описывает и то, как поступали ацтеки с телами своих жертв.

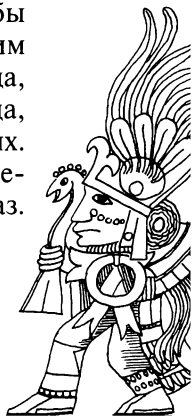
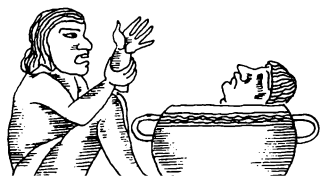
«...Когда тех несчастных индейцев приносили в жертву, им рассекали кремневыми ножами грудь, рылись там, вырывали сердце, его и кровь преподносили своим идолам те, от чьего имени была эта жертва; после того, как отрезали ноги, руки и голову, съедали ноги и руки на празднествах и на пиршествах, а голову подвешивали, нанизав на шест между столбами, туловище принесенного в жертву не ели, а бросали... диким зверям».

При одном из храмов Диас видел подобие небольшого зоопарка — здесь содержали хищников, которым скармливали трупы. В другом храме он посетил «кухню», где готовили человеческое мясо:

«Следует сказать лишь о небольшом здании в виде башни. Вход в него охранялся двумя разинутыми змеиными каменными пастями с огромными клыками, и воистину это был вход в адскую пасть, ибо внутри было множество идолов, а в соседнем помещении много посуды для варки мяса несчастных индейцев, принесенных в жертву, всякие ножи и топоры, точно у мясников; и все там, как и в других храмах, было сильно залито кровью и черно от копоти и запекшейся крови...»

Испанцы пришли в ужас от того, что им довелось увидеть. Они потребовали от ацтеков прекратить человеческие жертвоприношения. И когда в отсутствие Кортеса представители самых знатных родов Теночтитлана обратились к его заместителю, Педро де Альварадо, с просьбой разрешить проведение ежегодного праздника в честь бога войны Уитсилопочтли, испанец поставил условием, что человеческих жертвоприношений на этом празднике не будет. Ацтеки согласились. Согласились они и на другое условие испанцев: прибыть на праздник безоружными. Они не знали, что испанцы готовили в их городе кровопролитие, перед которым меркли ужасы их собственных культов. Так, по иронии судьбы, самый миролюбивый из ацтекских богов Кетсалькоатль стал невольным виновником едва ли ни самой массовой резни, которая когда-либо свершалась в Месоамерике.

«Когда пришел упомянутый праздник, — писал позднее францисканский монах Диего Дуран, — индейцы, не подозревая ничего плохого, явились ублажить своего бога и показать величие Мехико... Там собралось для хороводов и танцев восемь или десять тысяч знатных мужей, все люди известные и благородной крови... Тогда Педро де Альварадо приказал поставить к четырем входам во двор храма сорок солдат, по десять к каждому входу, чтобы через двери никто не мог выйти, и приказал десяти другим подойти к тем индейцам, которые играли на барабане, туда, где, как ему казалось, находились наиболее знатные лица, и убить игравших на барабане, а потом и всех остальных. И эти «апостолы святой веры» или, лучше сказать, «последователи дьявола», не медля ни минуты, исполнили приказ.

Они вошли в толпу этих несчастных, почти обнаженных, только в плащах из хлопчатобумажной ткани, не имевших в руках ничего, кроме роз и перьев, с которыми они танцевали, и перерезали всех ножами».

Об этом же с возмущением писал Саагун: «Они отрубали руки и головы, пронзали шпагами и копьями всех, кто попался им на пути. Они учинили невиданную резню. Те, кто кинулся к дверям, чтобы убежать, были убиты... Некоторые взбирались на стены, другие забивались в башенки храма, чтобы лечь там на полу и притвориться мертвыми. И кровь лилась по двору, как вода во время сильного дождя. Весь двор был усеян головами, руками, кишками и трупами убитых людей. По всем углам рыскали испанцы, выискивая уцелевших, чтобы прикончить и их...»

Так совершилось последнее жертвоприношение в столице ацтеков Теночтитлане. На этот раз оно было посвящено новому для индейцев богу, золотому тельцу — испанцы уже обнаружили богатейшую сокровищницу Мотекусомы II и собирались завладеть ею сразу после взятия города.

Цивилизация майя, существовавшая в Месоамерике по соседству с цивилизацией ацтеков, была во многом близка ей по духу, но гораздо древнее. Она начала формироваться за сотни лет до нашей эры и ко времени испанского завоевания уже перешагнула через пик своего развития.

Как и у других народов Месоамерики, человеческая кровь играла у майя огромную сакральную роль, а человеческие жертвоприношения были распространены не многим меньше, чем у ацтеков и других племен науа. Ассортимент ритуальных казней у майя был значительно шире: они применяли и повешение, и утопление, и отравление, и захоронение заживо... И все же, по крайней мере в период испанского завоевания, религия, а следовательно, и жертвоприношения играли в жизни майя меньшую роль, чем в жизни ацтеков.

Заупокойные жертвы у майя отличались умеренностью. Обычно в погребениях знатных лиц и даже царей археологи встречают один или два скелета людей, принесенных в жертву. В Паленке, в знаменитой гробнице «Храма Над-

писей», были найдены останки шести человек. В Тикале вместе с царем было погребено девять человек.

Сами ритуалы жертвоприношений у майя отличаются большой проработанностью и театральностью. Сохранилась майяская рукопись, озаглавленная «Книга танцев древних людей, которые исполнялись здесь, в селениях, до прихода белых». Несмотря на то что свой заголовок она получила уже после прихода испанцев, в ней особо указано, что составлена она была почти на век раньше — в 1440 году. В книге подробно описаны ритуальные танцы, в том числе и те, которые должны были сопровождать принесение человеческих жертв.

«Книгу танцев» открывает описание обряда «школомче». Стройные ряды юношей выходят на площадь, чтобы показать свое искусство. Посреди площади находится каменная колонна, к которой привязан мужчина. Он осыпан душистыми цветами, его тело окрашено в синий цвет — цвет жертвоприношения. Песня, обращенная к нему, гласит:

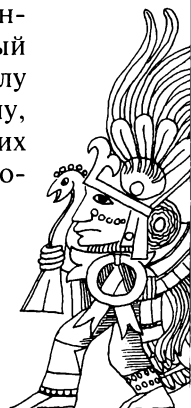
«Смягчи свою душу, прекрасный муж, ты отправляешься на небо, чтобы увидеть лицо твоего отца (бога Солнца). Тебе не надо возвращаться сюда, на Землю, в облике маленького колибри или прекрасного оленя, ягуара или фазаненка. Обрати душу и мысли исключительно к своему отцу. Не бойся, нет плохого в том, что тебя ожидает!»

На площадь прибывают должностные лица селения. И вновь звучит обращение к пленнику:

«Смейся, хорошенько смягчи свою душу, потому что ты будешь тем, кто принесет голос твоих земляков нашему Прекрасному Владыке, находящемуся там, на небе!»

В том же сборнике записана «Песня стрелка из лука», продолжающая обряд. Она обращена уже не к жертве, а к ее учителю:

«Соверши три быстрых пробега вокруг каменной колонны, той самой, к которой привязан человек. Сделай первый круг, не стреляя, во втором схвати свой лук, наложи стрелу и прицелься ему в грудь. Не следует вкладывать всю силу, чтобы сразу поразить его, не нужно наносить ему глубоких ран. Надо, чтобы он страдал медленно и понемногу, потому что так пожелал Прекрасный Владыка.

На следующем круге, который ты будешь делать вокруг этой голубой каменной колонны, на следующем круге пусти стрелу второй раз. Это ты должен совершить, не переставая танцевать, потому что именно так делают хорошие воины-шитоносцы, которые выбираются, чтобы порадовать нашего молодого Владыку-бога».

Майя были знакомы не только с танцами и песнями, но и с драматургией. Но индейские режиссеры не желали мириться с условностями искусства и порой, если один из героев пьесы должен был умереть, то актера убивали по-настоящему. До сегодняшнего дня дошла лишь одна майяская драма — «Воин из Рабиналя». Сюжет ее сводится к конфликту между государствами, который разрешается единоборством двух воинов. Воин из Рабиналя одерживает победу и берет своего соперника в плен, после чего его приносят в жертву, а «воины-орлы» и «воины-ягуары» исполняют ритуальный танец над его телом.

Драма была записана со слов индейцев лишь в середине девятнадцатого века, но текст ее был, безусловно, создан в доколумбову эпоху. В тридцатые годы двадцатого века немецкий исследователь Ф. Тернер спросил у индейцев, почему они не хотят поставить драму и тем восстановить народные традиции. В ответ он услышал, что это невозможно, так как после каждого исполнения один из актеров должен быть действительно принесен в жертву. Эти слова подтверждаются документами инквизиции. Впрочем, в 1955 году на фестивале в Антигуа индеец Эстебан Шолоп-Сукуп, кстати, сам происходящий из Рабиналя, все-таки поставил «Воина из Рабиналя». Человеческих жертв актеры приносить не стали, ограничившись бескровными жертвоприношениями, которые совершались актерами не только по ходу представления, но и в течение нескольких дней до и после него.

Крупнейшим религиозным центром, где древние майя приносили человеческие жертвы, был город Чичен-Ица (буквально «Колодец племени ица») на севере полуострова Юкатан. Здесь, помимо множества храмов, жертвенников и площадок для ритуальной игры в мяч, находился и знаменитый «священный сенот» — природный колодец диаметром свыше шестидесяти метров. Подобных колод-

цев в известняковой платформе Юкатана множество; майя верили, что в них обитает бог дождя Чак, которому они приносили разнообразные жертвы, в том числе человеческие. Но сенот Чичен-Ицы, расположенный всего лишь в трехстах метрах от основных храмов города и соединенный с ними священной дорогой, был наиболее значимым; он получил название «Колодец жертв». В шестнадцатом веке епископ Юкатана Диего де Ланда писал о майя:

«У них был обычай прежде и еще недавно бросать в этот колодец живых людей в жертву богам во время засухи... Бросали также многие другие вещи из дорогих камней и предметы, которые они считали ценными. И если в эту страну попадало золото, большую часть его должен был получить этот колодец из-за благоговения, которое испытывают к нему индейцы...»

Позднее среди европейцев стали бытовать истории о прекрасных девушках, которых индейцы приносили в жертву богу дождя. Из века в век их повторяли в своих книгах многочисленные исследователи и литераторы. Но сегодня археологи ставят эти легенды под сомнение. Известный отечественный специалист по Месоамерике В. И. Гуляев в своей книге «Древние Майя. Загадки погибшей цивилизации» показывает, как скупое и точное сообщение де Ланды обрастает все более живописными подробностями.

Во второй половине шестнадцатого века осевшие на Юкатане испанские помещики, отвечая на вопросы королевских чиновников, составили объемный коллективный труд о положении дел в этом крае. Упомянули они и «Колодец жертв»:

«Что касается этого колодца, то правители и знатные люди всех этих провинций имели обычай... бросать в него индейских женщин из числа принадлежавших им. Они приказывали этим женщинам вымаливать у богов удачный и счастливый год для своего господина. Женщин бросали несвязанными, и они падали в воду с большим шумом. До полудня слышались крики тех, кто был еще в состоянии кричать, и тогда им спускали веревки. После того как полумертвых женщин вытаскивали наверх, вокруг них разводили костры и окуривали их благовониями. Когда они приходи-

ли в себя, то рассказывали, что внизу много их соплеменников — мужчин и женщин — и что они их там принимали. Но когда женщины пытались приподнять голову, чтобы взглянуть на них, то получали тяжелые удары, когда же они опускали головы вниз, то как будто видели под водой ямы и западины, и люди (из колодца) отвечали на их вопросы о том, какой будет год у их господина — хороший или плохой. И если демон был зол на правителя, бросившего женщину в сенот, индейцы знали, что она уже никогда не вернется назад...»

В 1612 году испанский чиновник Томас Лопес Модель уже описывает прекрасных девственниц, которых умерщвляли в «Колодце жертв»:

«Среди других жертвоприношений, которым дьявол обучил их в этих провинциях Юкатана, есть одно, совершаемое ими в случае крайней необходимости и когда они нуждаются в дожде для своих посевов маиса. Во время указанного обряда они приносят в жертву одну или двух индейских девственниц... Для этого они выбирают девушку, наилучшую из всех, и ведут ее в Чичен-Ицу, где находились жрецы и главное святилище... И от него они все шли процессией вместе с девицей по дороге, мощенной каменными плитами, которая кончалась на краю большого и глубокого колодца... И они наказывали ей, что она должна делать, и сообщали, что она должна просить у их демонов и ложных богов, и, привязав ее к длинной веревке, они опускали девушку вниз в глубины колодца, окуная ее много раз, до тех пор пока не умерщвляли для того, чтобы она была хорошим посредником с их ложными богами и те могли ниспослать обильные дожди. И тогда жертвоприношение заканчивалось, а труп девушки оставляли в сеноте. Некоторые старики-индейцы из этой провинции утверждают, что они временами видели во время этих жертвоприношений свирепого и страшного дракона, которого они описывают в виде огромного крокодила. Тот появлялся из глубин колодца, как будто для того, чтобы получить свою жертву, которую они ему посылали...»

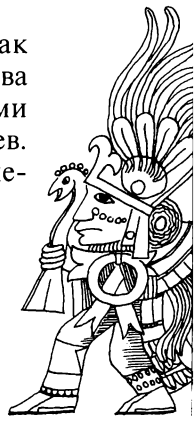
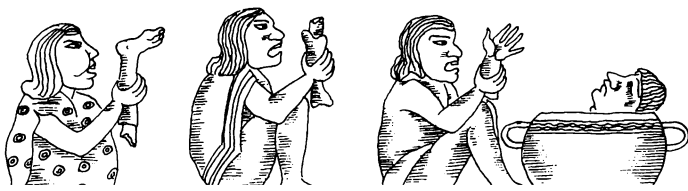
Археологические исследования колодца положили конец легендам. В «священном сеноте» действительно нашли

огромное количество ценностей и предметов искусства; интересно, что некоторые из них были поломаны — впрочем, традиция «убивать» предмет в процессе жертвоприношения была свойственна многим народам. Нашли в сеноте и человеческие останки. Но впоследствии антропологи расставили точки над «i»: из сорока двух исследованных черепов большая часть принадлежала детям до двенадцати лет, тринадцать — мужчинам и лишь восемь — женщинам, в том числе и достаточно преклонного возраста. Причем три из этих восьми женщин еще при жизни имели травмы головы, в частности, у одной был сломан нос, что полностью развенчало миф о принесенных в жертву красавицах.

Зато другая связанная с жертвоприношениями в «священном сеноте» история, на вид совершенно легендарная, достоверна; ее подтверждают майяские хроники. Произошла она в конце двенадцатого века. Некто Хунак Кеель, военачальник из Майяпана, которого правитель города Ах Меш Кук отправил в Чичен-Ицу для принесения в жертву богу Чаку, не стал дожидаться, пока его скинут в колодец, а сам прыгнул в него. Благополучно вынырнув на поверхность, Хунак Кеель объявил, что за недолгое время его пребывания под водой боги успели назначить его верховным правителем родного города. Это трудно было оспорить. Хроника гласит:

«Это был Хунак Кеель из рода Кави Кавич — имя того человека, который высунул голову из отверстия колодца на южной стороне. Так это свершилось. Он пошел объявить свое пророчество. Начало свершаться его пророчество, когда он стал говорить. Его начали провозглашать владыкой. Они посадили его на трон владык. Его начали провозглашать верховным правителем. Он не был владыкой прежде. Он был только на службе у Ах Меш Кука. Теперь же был провозглашен владыкой обреченный в жертву Ах Меш Куком».

Известно, что, став властителем Майяпана, Хунак Кеель решил отомстить жителям Чичен-Ицы, где его едва не лишили жизни. Он объединил свои силы с войсками двух других городов и разгромил злосчастную столицу ицев. После чего первенство на Юкатане на два с лишним столетия перешло к Майяпану.

До прихода европейцев (а кое-где и в течение долгого времени после их прихода) человеческие жертвоприношения совершались едва ли не по всей территории Америки. Инки, в одиннадцатом веке создавшие на тихоокеанском побережье гигантскую империю, не остались в стороне от общей традиции. Ежедневных жертвоприношений они в отличие от ацтеков не устраивали, но зато с особым размахом отмечали кровопролитием выдающиеся события: такие, например, как похороны правителя и вступление нового Великого Инки на престол. Испанский историк миссионер Хосе де Акоста писал, что когда, за несколько лет до прихода в страну конкистадоров, умер одиннадцатый император Уайна Капак, вместе с ним была похоронена тысяча человек. Среди них были фавориты и фаворитки покойного, любовницы, слуги, придворные и множество детей.

Часто инки приносили человеческие жертвы, чтобы отвести от себя грозящую опасность. Историк семнадцатого века Антонио де Геррера писал, что если заболел знатный вельможа и жрецы предсказывали ему смерть, то он обычно приносил в жертву своего сына, чтобы заставить богов отказаться от отца.

Один раз в четыре года инки совершали массовое жертвоприношение детей. По всей стране разыскивали мальчиков и девочек десяти лет, полностью лишенных физических недостатков. Иногда ритуал совершали вне календарных сроков; например, если в случае тяжелых бедствий в поддержке божественных сил нуждалась какая-то определенная область, то детей выбирали там. Попасть в число избранных было большой честью и для самой жертвы, и для ее родителей — такая семья пользовалась почетом в течение нескольких поколений. Обычно детей приносили в жертву на священном холме Уанакаури или же в столице, городе Куско. После того, как в Куско 1438 году построили храм Кориканча, ритуал проводили там. Но если император хотел оказать родителям ребенка особый почет, он отправлял его обратно с тем, чтобы церемонию была устроена у него на родине.

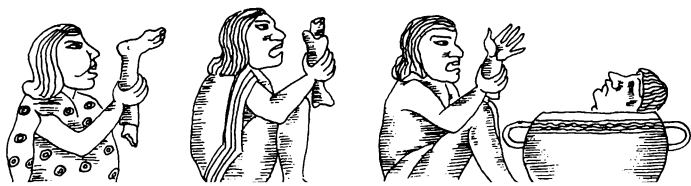
Известен случай, когда глава селения Окрос близ Аякучо отправил в столицу для жертвоприношения свою десятилетнюю дочь. Но в награду за то, что отец девочки орга-

низовал строительство оросительного канала, ребенка приняли в Куско с почестями, а потом отправили обратно. После этого жители Окросы соорудили на вершине горы гробницу и замуровали в ней девочку, снабдив ее ритуальными сосудами и украшениями. С тех пор она превратилась в местное божество, в честь которого проводили церемонии в начале и конце сельскохозяйственного сезона. Ее младшие братья стали жрецами собственной сестры, причем эта должность сохранилась и за их потомками. А отец «богини» получил повышение по службе.

Альпинисты неоднократно находили на территории бывшей империи инков, на вершинах гор, среди вечных снегов, замерзшие трупы юных индейцев. Они облачены в парадную одежду и ритуальные украшения. Например, на горе Эль-Пломо, на высоте 5430 метров над уровнем моря, было обнаружено тело сидящего мальчика восьми-девяти лет. Он, вероятно, шел к вершине на своих ногах, отморозив при этом кончики пальцев. Перед смертью ребенку дали выпить наркотический напиток, чтобы облегчить переход в иной мир, после чего он попросту уснул и замерз. На пике Эль-Торо, на высоте более 6300 метров, было найдено тело юноши постарше. Он был убит ударом в затылок и остался защищать окрестности своим, теперь уже божественным присутствием.

В джунглях Амазонки и ее притоков испокон веков жили племена, которые до прихода европейцев находились в стадии неолита. В 1552 году Ганс Штаден, немец на португальской службе, был захвачен в плен индейцами тупинамба, населявшими побережье Бразилии и дождевые леса Амазонки. Штадену предстояло стать жертвой каннибальского культа, но он каким-то образом узнал, что человек, страдающий зубной болью, не может быть использован в этом качестве. Симулировать зубную боль не составило труда, а пока индейцы ждали выздоровления пленника, он умудрился сделать несколько удачных предсказаний и вскоре дослужился до титула официального оракула племени.

Штаден провел в этой почетной должности почти три года, пока ему не удалось бежать и вернуться в Европу. Здесь

он написал книгу «Достоверная история и описание страны диких, голых, суровых людей-людоедов Нового Света Америки», которая сразу же стала бестселлером, была переведена на латынь и ряд европейских языков и выдержала 76 изданий. Некоторые этнографы сомневаются в достоверности сведений, сообщаемых Штаденом, некоторые, напротив, рассматривают книгу как надежный источник.

Штаден рассказывал, что пленников, захваченных индейцами тупинамба и предназначенных для жертвоприношения и съедения, вели в деревню, предварительно выбрив им лбы и брови, смазав их тела смолой или медом и прикрепив к ним перья. Хозяин приводил будущую жертву к могилам своих родственников и посвящал умершим. Здесь же пленнику впоследствии предстояло умереть самому. Но перед этим событием могло пройти немало времени, иногда несколько лет. Жизнь обреченного была не так уж плоха: хозяин обязан был заботиться о нем, кормить и женить либо на своей дочери, либо на одной из своих нелюбимых жен. Пленнику выделялся участок земли, а жена должна была относиться к своему временному мужу не хуже, чем другие индейские жены относились к обычным мужьям. Но рано или поздно пленника ждала ритуальная казнь, и он кончал свои дни в желудках каннибалов. Дети, рожденные от его брака, тоже были обречены на смерть. Штаден пишет о том, как однажды индейцы угостили его супом, а потом он обнаружил на дне котла, из которого этот суп разливали, детские черепа.

Индейцы хиваро, живущие на севере Перу и на востоке Эквадора, заслужили громкую славу как охотники за головами. Отрезанные головы врагов они особым образом уменьшали до размеров теннисного мяча, причем черты лица жертвы сохраняются. Когда-то это занятие носило ритуальный характер; считалось, что высушенные головы — тсантса — передают убийце свою жизненную энергию. Сегодня ритуал, запрещенный законом, отошел в прошлое, тем более что индейцы в массе своей исповедуют христианство. Но поскольку находятся коллекционеры, готовые платить за тсантса огромные деньги, профессия охотников за головами до сих пор существует. Впрочем, индейцы

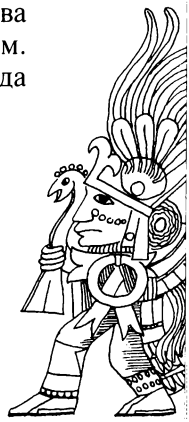
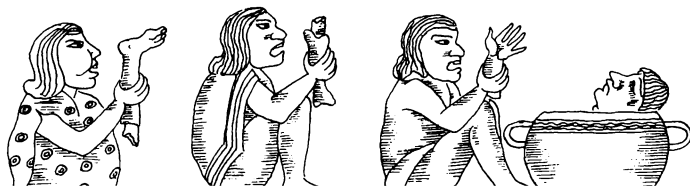
бразильского племени ачуар часто заменяют в своих культах человеческие головы на головы ленивцев. Ведь согласно их легендам ленивец, хотя и имеет тело животного, но сущность у него человеческая.

У североамериканских индейцев скальпы врагов выполняли такую же роль, как головы у индейцев юга. Они служили не только показателем доблести воина, но и выполняли множество ритуальных, магических и медицинских функций. Индейцы навахо, например, использовали скальпы для лечения самых разнообразных заболеваний — от зубной боли до чрезмерной агрессивности или депрессии.

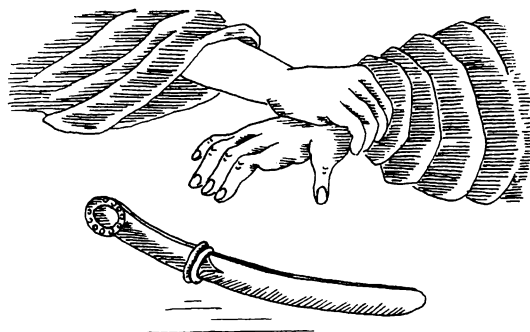
Широко известны ритуальные казни и пытки, которым индейцы Великих равнин подвергали своих пленников. Но в жертву духам-покровителям могли принести не только пленника, но и близкого человека. Так, к вождю племени бладов, по имени Телячья Рубаха, который постился в надежде обрести духа-покровителя, явился дух медведя-гризли. Дух пообещал наделить индейца сверхъестественной силой, но взамен потребовал женщину. Тогда Телячья Рубаха вернулся в стойбище, приказал младшей из своих жен надеть лучшую одежду, а потом отвел ее на холм и принес в жертву духу гризли. Дух не обманул индейца: той же ночью он явился к нему и пообещал, что теперь его не смогут сразить ни стрела, ни пуля, ни нож. И действительно, индеец побывал во множестве сражений и остался цел. Враги испытывали при его появлении на поле боя священный трепет — они знали о неуязвимости Телячьей Рубахи.

Сегодня, несмотря на то, что абсолютное большинство индейцев как в Северной, так и в Южной Америке приняли христианство, здесь сохраняются и традиционные культы. Некоторые из них претворились в местные религии смешанного типа, в которых элементы христианства и язычества переплетаются самым причудливым образом. Но человеческие жертвоприношения, которыми некогда так «славился» Новый Свет, отошли в прошлое.

Жертвоприношение Авраама

В Ветхом Завете человеческие жертвоприношения упоминаются неоднократно. Традиция всеожжения детей, как уже говорилось в главе «Финикийцы», была распространена в Палестине, Сирии и особенно в Финикии. Народ Израиля еще на заре своего формирования от этой традиции отказался. Прародитель еврейского народа Авраам был первым и последним представителем нарождающейся иудео-христианской культуры, которому довелось возложить сына своего на жертвенник. В Библии (Быт. 22, 1–18) сказано:

«Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдй в землю Мория и там принеси его во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе. Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всеожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог. На третий день Авраам возвел очи свои, и увидел то место издалека. И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам. И взял Авраам дрова для всеожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе. И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всеожжения? Авраам сказал: Бог усмот-

рит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе. И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня. И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна и принес его во всесожжение вместо сына своего. И нарек Авраам имя месту тому: Иегова-ире. Посему и ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится. И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба и сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего».

С тех пор обычай детского жертвоприношения был заменен в традиции зарождающегося иудаизма принесением в жертву животного. «Земля Мориа», в которой Господь испытывал Авраама, отождествляется с горой Мориа в Иерусалиме. Считается, что Храм был построен Соломоном на том самом месте, где состоялось знаменитое жертвоприношение агнца. В иудаизме это событие, ставшее важнейшим моментом в истории Израиля, носит название Акед. Акед посвящены знаменитые мозаики в синагогах Палестины, например, мозаика шестого века из синагоги Бет-Альфа. Обрядовое чтение Акеды у иудеев проводится во второй день праздника Рош ха-Шана. Тогда же принято трубить в шофар, изготовленный из бараньего рога. Это напоминание о том, как агнец был принесен в жертву вместо ребенка.

Категорический запрет человеческих жертвоприношений прозвучал в заповедях, данных Богом через Моисея:

«Скажи сие сынам Израилевым: кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между Израильтянами, даст из детей своих Молоху, тот да будет предан смерти; народ земли да побьет его камнями...»

Правда, надо отметить, что, несмотря на однозначный запрет, страшная традиция была не сразу предана забвению. Но теперь редчайшие случаи человеческих жертвоприношений происходили помимо или вопреки Божественной воле. Когда израильский военачальник Иеффай (в иудейской традиции — Ифтах) шел сражаться с Аммонитянами, он дал обет Господу: «по возвращении моем с миром от Аммонитян, что выйдет из ворот дома моего на встречу мне, будет Господу, и вознесу сие на всеожжение» (Суд. 11, 31). Иеффай вернулся домой с победой, «и вот, дочь его выходит на встречу ему с тимпанами и ликами: она была у него только одна, и не было у него еще ни сына, ни дочери» (Суд. 11, 34). Иеффай в отчаянии разодрал свои одежды, но сказал, что не может нарушить обет. Его дочь согласилась с отцом и лишь испросила себе два месяца на то, чтобы оплакать свое девство с подругами. «По прошествии двух месяцев, она возвратилась к отцу своему, и он совершил над нею обет свой» (Суд. 11, 39).

Поступок Иеффая в Библии остается без комментариев. Впрочем, это жертвоприношение было совершенно не из желания возродить кровавую традицию, а скорее по несчастному стечению обстоятельств. Позднее человеческие жертвоприношения совершались лишь вероотступниками. Так, царь Манассия восставил поклонение идолам, «и поставил жертвенники Ваалу... и провел сына своего чрез огонь» (4 Цар. 21, 3,6). Внук Манассии — Иосия восстановил религию, завещанную Моисеем, приказал уничтожить идолов, «и осквернил он Тофет,... чтобы никто не проводил сына своего и дочерей своих чрез огонь Молоху» (4 Цар. 23, 10). Впрочем, существуют отличные от Библии источники, сообщающие, что и сам Манассия раскаялся в содеянном еще при жизни.

Вероотступников, совершающих человеческие жертвоприношения, обличает Бог устами пророка Иеремии. Он клеймит тех, кто «устроили высоты Тофета, ... чтобы сжи-

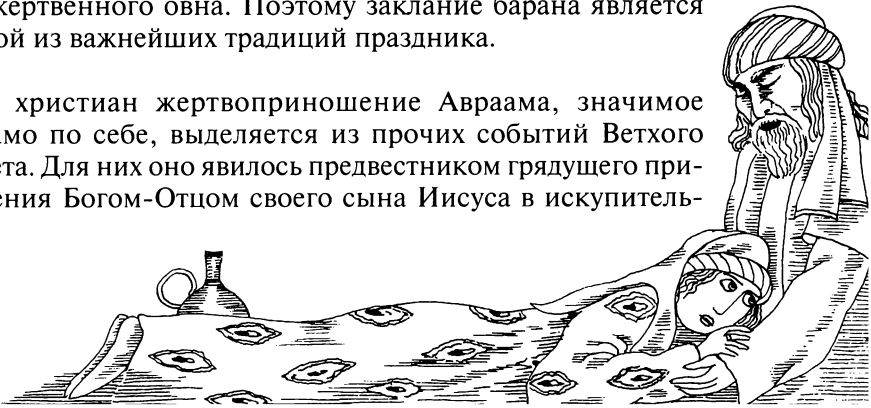
гать сыновей и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал, и что Мне на сердце не приходило» (Иер. 7, 31).

Так или иначе, несмотря на то, что становление иудаизма, как и любой новой религии, проходило не всегда гладко, великое жертвоприношение Авраама в конце концов положило конец кровавым культам по крайней мере для одного народа Палестины (другие, например, финикийцы, отказались от него значительно позднее).

Жертвоприношение Авраама стало великим сакральным событием и в традиции другой великой религии — ислама. В Коране рассказывается, что пророк Ибрахим (который «не был... иудеем, и не был назареом христианином, а был мусульманином ханифом») увидел сон о том, что должен принести в жертву своего сына. Пророк рассказал мальчику о своем сне и предоставил тому самому принять решение. Мальчик ответил: «О батюшка, делай то, что велено тебе Богом, и ты увидишь, если пожелает Аллах, что я проявлю терпение». Аллах не допустил жертвоприношения, но высоко оценил праведность Ибрахима: «Мы выкупили его другим великим закланием и оставили о нем долгую славу на века и поколения. Да будет мир Ибрахиму». В Коране не названо имя сына Ибрахима, но мусульманская традиция считает, что это был Исмаил, его первенец, который стал прародителем арабов.

Человеческие жертвоприношения, бытовавшие среди арабов до принятия ими ислама, были категорически воспрещены новой религией. А в честь жертвоприношения Ибрахима мусульмане всего мира отмечают свой важнейший праздник Курбан-байрам, к которому приурочено паломничество в Мекку. Именно там, в долине Мина, по исламской традиции, произошла замена Исмаила на жертвенного овна. Поэтому заклание барана является одной из важнейших традиций праздника.

Для христиан жертвоприношение Авраама, значимое и само по себе, выделяется из прочих событий Ветхого Завета. Для них оно явилось предвестником грядущего принесения Богом-Отцом своего сына Иисуса в искупитель-

ную жертву за грехи человечества. Евсевий Кесарийский на рубеже третьего и четвертого веков писал в своей «Церковной истории»:

«Столькими-то бедствиями пожирался прежде весь род человеческий!.. По этим-то причинам заклан был человеческий организм Слова Божьего. Но сей великий Архидиакон, принесенный в жертву Владыке и Всецарю Богу, в то же время был и отличен от жертвы; как Слово Божье, как Божья сила и Божья Премудрость, Он вскоре смертное воззвал от смерти и представил его Отцу в начаток общего нашего спасения, воздвиг его за всех людей в виде победного трофея над смертью и демонскими полчищами, в виде силы, отвращающей человечество от древних человеческих жертв».

Библиография

- Адам Бременский.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви. Книга 4. Пер.: В. В. Рыбаков, М. Б. Свердлов. Интернет-публикация: http://www.vostlit.info/Texts/rus/adam_br/frameadam_buch4.htm.
- Авдиев В. И.* Военная история древнего Египта. Том I. М., 1948.
- Авдиев В. И.* История Древнего Востока. Л., 1953.
- Аммиан Марцеллин.* Римская история. М., 2005.
- Антонова Е. В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
- Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Пер.: В. Г. Борухович. Л., 1972.
- Аппиан.* Римская история. Пер.: С. П. Кондратьев. СПб., 1994.
- Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- Ардзинба В. Г.* Хеттский праздник хассумас // Вестник древней истории, 1981, № 4.
- Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002.
- Баглай В. Е.* Ацтеки. М., 1998.
- Бадер О. Н.* Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // Советская археология, 1967, № 3.
- Бартонок А.* Златообильные Микены. М., 1991.
- Бацалев В., Варакин А.* Тайны археологии. Радость и проклятие великих открытий. М., 1999.
- Белицкий М.* Шумеры. Забытый мир. Пер.: И. С. Клочков, Я. О. Немчинский. М., 2000.
- Березкин Ю. Е.* Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991.
- Библия.* Синодальный перевод.
- Бобринский Б.* Евхаристия и умная молитва. Интернет-публикация сайта центра «Свет православия»: http://www.reshma.nov.ru/texts/bobrinsk_evhar_umn_molitva.htm.

Бозински Г. Средний палеолит: 250 000 лет нашей истории // Археологические вести. Вып. 10. СПб., 2003.

Болезнь Кухулина // Ирландские саги. Пер.: А. А. Смирнов. Л., 1929.

Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Том I–II. Минск, 2008.

Большаков А. О. Представление о Двойнике в Египте Старого царства // Вестник древней истории, 1987, № 2.

Большая советская энциклопедия.

Бужилова А. П. К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований. М., 2004.

Бутенева И. В. Астеки: имперская идеология и религиозно-нравственные проблемы // Развитие цивилизации в Новом Свете: Сборник статей по материалам Кнорозовских чтений. М., 2000.

Васильев Л. С. История Востока. М., 1998.

Васильев Л. С. История религий Востока. М., 2006.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.

Веретенников А. М. Города майя и ацтеков. М., 2003.

Винокуров Н. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (По материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Opus-2004. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004.

Вишну-смрити. Пер.: Н. А. Корнеева. М., 2007.

Власова Е. В. Культ-Оба. О характере погребения второй половины I в. до н. э. — начала I в. н. э. (по данным эпиграфики) // Боспорские чтения — VI. 2005.

Властелины Рима. Пер.: С. Н. Кондратьев. М., 1992.

Вулли Л. Ур халдеев. Пер.: Ф. Л. Мендельсон. М., 1961.

Гельмольд. Славянская хроника. Пер.: Л. В. Разумовская. М., 1963.

Георгиевский Э. В. Лишение жизни в архаических обществах: обрядовость и быт // Сибирский юридический вестник, 2005, № 4.

Герни О. Р. Хетты. М., 1987.

Геродот. История. Пер.: Г. А. Стратановский. М., 1999.

[*Псевдо-*] *Гесиод.* Каталог женщин. Пер.: О. Цыбенко. // Эллинские поэты. М., 1999.

Гигин. Астрономия. Пер.: А. И. Рубан. СПб., 1997.

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое // Вестник древней истории, 1994, № 4.

[Псевдо-] Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990.

Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. Пг., 1915.

Гомер. Илиада. Пер.: В. В. Вересаев. М., 1949.

Гомер. Илиада. Пер.: Н. И. Гнедич. Л., 1990.

Гомер. Одиссея. Пер.: В. В. Вересаев. М., 1953.

Гордон С. Ханаанейская мифология // Мифологии древнего мира, М., 1977.

Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.

Грач А. Д. К вопросу о позднем этапе «тавро-скифских» культовых представлений // Советская этнография, 1952, № 4.

Гугуев Ю. К., Мирошина Т. В. Половецкое святилище-яма с каменной статуей и человеческими жертвоприношениями у села Бешпагир в Ставропольском крае // Донская археология, 2002, № 3–4.

Гуляев В. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия // Наука и жизнь, 2007, № 7.

Гуляев В. И. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979.

Гуляев В. И. Древние Майя. Загадки погибшей цивилизации. М., 1983.

Гуляев В. И. По следам конкистадоров. М., 1976.

Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979.

Гуркин С. В. К вопросу о семантике половецких святилищ // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году (тезисы докладов к семинару). Азов. 1989.

Гутнов Ф. Х. Из религии скифов: фарн. Ритуальные чаши // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара) [часть 1]. Краснодар, 1998.

Диас де Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании. Пер.: Егорова Д. Н., Захарьян А. Р. М., 2000.

Диллон М., Чедвик Н. К. История кельтских королевств. М., СПб., 2006.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер.: М. Л. Гаспаров. М., 1979.

Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотечка). Пер.: О. П. Цыбенко. М., 2000.

Еврипид. Вахханки. Пер.: Ф. Зелинский // Еврипид. Трагедии. Том II. М., 1999.

Еврипид. Ифигения в Авлиде. Пер.: И. Анненский // Еврипид. Трагедии. Том I. М., 1999.

Еврипид. Ифигения в Тавриде. Пер.: И. Анненский // Еврипид. Трагедии. Том I. М., 1999.

Евсевий Кесарийский. Евсевия Памфила слово василевсу Константину, по случаю тридцатилетия его царствования. Пер. Санкт-Петербургской духовной академии // Евсевий. Жизнь Константина. М., 1998.

Евсевий Кесарийский. Церковная история. Пер.: М. Сергеенко. М., 1993.

Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э. М., 1964.

Ельницкий Л. А. О социальных идеях Сатурналий // Вестник древней истории, 1946, № 4.

Емельянов В. В. Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003.

Жреческие коллегии в раннем Риме. М., 2001.

Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954. М., 2004.

Иванова С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.

Ивик О. История загробного мира. М., 2010.

Ивик О. История свадеб. М., 2009.

История Востока. Том I. Восток в древности. М., 1997.

История Европы. Том I. Древняя Европа. М., 1988.

История Луганского края. Интернет-публикация:
<http://softacademy.lnpu.edu.ua/Programs/Luhansk/index.htm>.

Кабо В. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра, 2002.

Каневский Л. Каннибализм. М., 1998.

Кашин В. Верная или отверженная? // Вокруг света, 1995, № 5.

Квашин В. А. Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2006.

Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян. СПб., 2005.

Кинжалов Р. В. Кецаль и крест // Священные письмены мая. М., 2007.

Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2000.

Клочков И. С. Вавилонская теодицея. Из истории «литературы премудрости». Интернет-публикация:
<http://portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=1253>.

Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Пер.: А. П. Ковалевский. Харьков. 1956.

«Когда Ану сотворил Небо...» М., 2000

Кольченко О. и Б. Кровавая богиня Кали // газета «Аура», № 6 (220), 2009.

Констэбл Дж. Неандертальцы. М., 1978.

Коптев А. В. Римское право в архаическую эпоху. Интернет-публикация: <http://ancientrome.ru/publik/koptev/kopt17.htm>.

Коран. Пер.: Б. Я. Шидфар. М., 2004.

Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. СПб., 2000.

Крол А. Египет первых фараонов. М., 2005.

Кучера С. Древнекитайские тексты Цзягувень и Шан Шу — зеркало истории и культов эпохи Шан-Инь. Часть четвертая // Восток, 2005, № 6.

Кучера С. Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. М., 1977.

Ланда, Диего де. Сообщение о делах в Юкатане. Пер.: Кнорозов Ю. В. М., 1994.

Лаптева М. Ю. Крит и Иония во II тыс. до н. э. (мифологическая традиция и археология) // Мнемон. Вып. 3. СПб., 2004.

Лев Диакон. История. Пер.: М. М. Копыленко. М., 1988.

Ливий Т. История Рима от основания города. Пер. под ред. М. Л. Гаспанова, Г. С. Кнабе. М., 2005.

Липиньски Э. Пантеон Карфагена // Вестник древней истории, 1992, № 3.

Лукан М. А. Фарсалия. Пер.: Л. Е. Остроумов. М., 1993.

Майяни З. По следам этрусков. М., 2003.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2003.

Маретина С. А. Знаковый смысл костюма воина-нага (Индия) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 10. СПб., 1996.

Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветинское городище на Дону. Pontus Septentrionalis II, Танаис 2. М., 2000.

Массон В. М. Первые цивилизации. М., 1989.

Махабхарата. Книга XIV. Ашвамедхапарва. СПб., 2003.

Маяк И. Л. Рим первых царей. М., 1983.

Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия на Берег Маклая. М., 2006.

Мифы древней Индии. Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина. М., 1975.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Том I–II. М., 1997.

Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1999.

Никитюк Е. В. Быт античного общества. СПб., 2005.

Новосельцев А. П., Паушто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Носов К. С. Гладиаторы. СПб., 2005.

Носов К. С. Замки и крепости Индии. СПб., 2008.

Овидий Назон П. Метаморфозы. Пер.: С. Шервинский // Публий Овидий Назон. Собрание сочинений. Том II. СПб., 1994.

Овидий Назон П. Фасты. Пер.: Ф. Петровский // Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973.

Октавиан Август. Деяния божественного Августа // Шифман И. Ш. Цезарь Август, Л., 1990.

Отто Б. Приносимый в жертву бог // Вестник древней истории, 1996, № 2.

Павсаний. Описание Эллады. Том I–II. Пер.: С. П. Кондратьев. М., 2002.

Петкевич А. В. «Водная жертва» в русской культурной традиции // Живая старина, 2006, № 3.

Петрухин В. Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995.

Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.–Л., 1964.

Плутарх. Древние обычаи спартанцев. Пер.: М. Н. Ботвинник // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.

Плутарх. Нума. Пер.: С. П. Маркиш // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том I. СПб., 2001.

Плутарх. О суеверии. Пер.: Э. Г. Юнц // Плутарх. Сочинения. М., Художественная литература. 1983.

Плутарх. Об Исиде и Осирисе. Пер.: Н. Н. Трухина // Вестник древней истории, 1977, № 3.

Плутарх. Пелопид. Пер.: С. П. Маркиш // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том I. СПб., 2001.

Плутарх. Римские вопросы. Пер.: Н. В. Брагинский // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.

Плутарх. Ромул. Пер.: С. П. Маркиш // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том I. СПб., 2001.

Плутарх. Фемистокл. Пер.: С. И. Соболевский // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том I. СПб., 2001.

Повесть временных лет. Пер.: О. В. Творогов // Библиотека литературы Древней Руси. Том I. СПб., 1997.

Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии, 1795–1827. М., 1969.

Рак И. В. Египетская мифология. СПб., 2000.

Ригведа. Мандалы IX–X. Пер.: Т. Я. Елизаренкова. М., 1999.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 2007.

Руф К. К. История Александра Македонского. Пер. под ред. А. А. Вигасина. М., 1993.

Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

Сага о гутах. Пер.: С. Д. Ковалевский // Средние века. Вып. 38. М., 1975.

Сага о Хервёре и Хейдреке. Пер.: Т. Ермолаев. Интернет-публикация переводчика: <http://norse.ulver.com/src/forn/hervor/ru.html>.

Саллюстий Крисп Г. История. Речи и письма // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 2002.

Саллюстий Крисп Г. Югуртинская война. Пер.: В. О. Горенштейн // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 2002.

Светоний Транквилл Г. Жизнь двенадцати цезарей. Пер.: М. Л. Гаспаров. М., 1991.

Святые мученики Феодор Варяг и сын его Иоанн. Интернет-публикация сайта <http://www.pravoslavie.ru>.

Северак Журден де. Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей Пер.: Я. М. Свет // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968.

Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. Пер.: С. А. Ошеров. М., 1977.

Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. СПб., 2000.

Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. М.–Л., 1964.

Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005

Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. Пер. под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1980.

Солин Г. Ю. Собрание достопамятных сведений. Пер.: И. И. Маханьков. Интернет-публикация: http://ancientrome.ru/antlittr/solin/crm_f.htm.

Спенс Л. Мифы инков и майя. М., 2005.

Старшая Эдда. Пер.: А. Корсун. СПб., 2001.

Стингл М. Индейцы без томагавков. М., 1984.

Страбон. География. Пер.: Г. А. Стратановский. М., 1994.

Страницы истории и культуры Крыма. Интернет-публикация Таврического национального университета:
<http://www.ccssu.crimea.ua/crimea/history>.

Стукалин Ю. В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. М., 2008.

Схолии к Стацию/Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, 1949, № 2.

Сыма Цянь. Исторические записки. Пер.: Р. В. Вяткин, С. В. Таскин. Том I, М., 1972; том II, М., 1975.

Тантлевский И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. СПб., 2007.

Тацит П. К. Анналы. Пер.: А. С. Бобович // Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. М., 2003.

Тацит П. К. О происхождении германцев и местоположении германцев. Пер.: А. С. Бобович // Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. М., 2003.

Тиандер К. Датско-русские исследования. Выпуск III. Скандинавское переселенческое сказание. Петроград, 1915.

Титмар Мерзебургский. Хроника. Книга I. Пер.: И. В. Дьяконов. Интернет-публикация: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar/frametext1.htm>.

Токарев С. А. О жертвоприношениях // Этнографическое обозрение, 1999, № 5.

Торчинов Е. А. Жизнь, смерть, бессмертие в универсуме китайской культуры. Интернет-публикация кафедры философской антропологии СПбГУ:
http://anthropology.ru/ru/texts/torchin/life_0.html.

Торшилов Д. О. Античная мифография: мифы и единство действия. СПб., 1999.

Тураев Б. А. История древнего востока. Том I. Л., 1935.

Успенская Е. Н. Раджпуты. СПб., 2003.

Фанталов А. Культура варварской Европы: типология мифологических образов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Интернет-публикация автора:
<http://celt.newmail.ru>.

Федоров В. К., Горшков В. Е. Колчан из человеческой кожи в погребении раннего кочевника из башкирского Зауралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. Уфа, 2001.

- Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
- Филон Библский.* Финикийская история. Пер.: Б. А. Тураев // Финикийская мифология. СПб., 1999.
- Филострат Ф.* Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985.
- Флавий, Иосиф.* Иудейские древности. Пер.: Г. Генкель. М., 2004.
- Флор Л. А.* Эпитомы. Пер.: М. Ф. Дашкова, А. И. Немировский // Луций Анней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977.
- Фоссе Ш.* Ассирийская магия. СПб., 2001.
- Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Пер.: М. К. Рыклин. М., 1980.
- Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992.
- Харден Д.* Финикийцы. М., 2004.
- Хеттские законы. Пер.: В. В. Иванов. Интернет-публикация исторического факультета МГУ: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hett.htm>.
- Хёфлинг Г.* Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992.
- Хроники открытия Америки. Книга I. М. 2000.
- Цезарь Г. Ю* Записки о Галльской войне. Пер.: М. М. Покровский // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 2002.
- Циркин Ю. Б.* Карфаген и его культура. М., 1986.
- Цицерон М. Т.* О природе богов // Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.
- Чаковская Л.* К реконструкции иконографического канона синагогального искусства Палестины VI в. (на материале мозаики из синагоги Бет-Альфа) // Труды Второй молодежной конференции СНГ по иудаике — «Тирош». М., 1998.
- Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж.* Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в нижнем Поднепровье) // Советская археология, 1991, № 1.
- Число женщин, сгоревших с мужьям своими в Индии в 1823 г. // Московский телеграф. Часть 10, № 13, 1826.
- Чхандогья Упанишада. Пер.: А. Я. Сыркин. М., 1992.
- Шифман И. Ш.* Культура древнего Угарита. М., 1987.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Том I—III. М., 2002.
- Эмери У. Б.* Архаический Египет. СПб., 2001.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
- [Псевдо-] Эратосфен.* Превращения в созвездия (катастеризмы). Пер.: А. А. Россиус // Небо, наука, поэзия. М., 1992.
- Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М., 1965.

Юлий Африкан. Мученичество святой Симфорозы и ее семейных сыновей. Пер.: В. Заславский. Интернет-публикация: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hett.htm>.

Юстин М. Ю. Эпитама сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» // Юстин. Эпитама сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». Диодор. Историческая библиотека. Книга XVII. Рязань, 2005.

Материалы сайтов:

Википедия. Интернет-энциклопедия: <http://ru.wikipedia.org>.

«Древняя МезоАмерика»: <http://mesoamerica.narod.ru/>.

«Месоамерика глазами русских первопроходцев»:
<http://www.mesoamerica.ru/>.

«Электронная еврейская энциклопедия»: <http://www.eleven.co.il>.

Сайт Государственного исторического музея: <http://www.shm.ru>.

Сайт Раздорского этнографического музея-заповедника:
<http://www.razdory-museum.ru>.

Сайт <http://indeec.net>.

Сайт <http://www.celtica.ru>.

Сайты газет и информационных агентств.

Оглавление

От авторов	5
Каменный век	8
Египет	23
Китай	33
Индия	44
Передняя Азия	62
Финикийцы	81
Греки	94
Рим	130
Великая Степь	163
Языческая Европа	180
Индейцы	211
Жертвоприношение Авраама	238
Библиография	243

Ивик О.

- И17** История человеческих жертвоприношений / Олег Ивик. — М. : Ломоносовъ, — 2010. — 256 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-003-1

Эта насыщенная фактами книга — увлекательное повествование о том, как в течение тысяч лет человечество медленно, но верно шло по пути замены ритуальных жертвоприношений духовными ритуалами. Почему в Египте и Шумере, Древнем Риме и Древней Греции, Китае и Индии, у финикийцев и скифов, галлов и норманнов, славян и американских индейцев — практически у всех народов — на протяжении веков существовал обычай человеческих жертвоприношений? Чем был вызван переход от убийства невинных людей к закланию жертвенных животных? Как жестокие обычаи древних народов связаны с мировыми религиями? Обо всем этом рассказывается в книге Олега Ивика.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей и обычаями разных народов.

УДК 63.3(0)3-7
ББК 930.85

История. География. Этнография

Ивик Олег

История человеческих
жертвоприношений

Редактор В. Петров
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 30.04.2010.
Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 16,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 2545.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119270 Москва, Лужнецкая набережная,
д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400
Тел. (495) 788-85-20
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ

также

ВЫШЛИ:

Лев Минц

КОТЕЛОК ДЯДЮШКИ ЛЯО

Виталий Бабенко

ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская

ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров

ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко

РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц

ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт

ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик
История
человеческих
жертвоприношений

Нет народа, культура которого на раннем этапе развития не включала бы в себя человеческие жертвоприношения. В сопровождении многочисленных слуг предпочитали уходить в мир иной египетские фараоны, шумерские цари и китайские правители. В Финикии, дабы умилостивить бога Баала, приносили в жертву детей из знатных семей. Жертвенные бойни устраивали скифы, галлы и норманны. В древнем Киеве по жребию избирались люди для жертвы кумирам. Невероятных масштабов достигали человеческие жертвоприношения у американских индейцев. В Индии совсем еще недавно существовал обычай сожжения вдовы на могиле мужа. Даже греки и римляне, прародители современной европейской цивилизации, бестрепетно приносили жертвы своим богам, предпочитая, правда, убивать либо пленных, либо преступников.

Обо всем этом рассказывает замечательная книга Олега Ивика.

ISBN 978-5-91678-003-1

9 785916 780031